

Айдын БАЛАЕВ

**Мамед Эмин
РАСУЛЗАДЕ
(1884–1955)**

Москва
Издательство «Флинта»
2009

УДК 82-94(5)
ББК 63.3(5Азе)-8
Б20

Научный редактор:

М.Н. Губогло – доктор исторических наук, профессор,
зам. директора Института этнологии и антропологии РАН

Рецензент:

С.М. Исхаков – доктор исторических наук, профессор,
Институт Российской истории РАН.

Балаев А.

Б20 Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М. : Флинта,
2009. – 288 с.
ISBN 978-5-9765-0785-2

В книге рассказывается об одной из ярчайших фигур политической истории Азербайджана XX столетия – Мамеде Эмине Расулзаде. Он был основателем идеологии азербайджанизма, послужившей теоретической основой для создания современной азербайджанской государственности в мае 1918 года. Книга охватывает различные этапы жизни и деятельности М.Э. Расулзаде – от первых его шагов на политической арене до периода эмиграции, когда он в тяжелейших условиях чужбины продолжал свою бескомпромиссную борьбу за азербайджанский идеал.

Особое внимание в книге уделено деятельности М.Э. Расулзаде в 1917–1920 годах. В эти годы, будучи признанным лидером освободительной борьбы азербайджанских тюрок, он не только определял стратегическую линию национального движения, но и непосредственно руководил процессом зарождения и становления Азербайджанской Демократической Республики, первой республики на всем мусульманском Востоке.

УДК 82-94(5)
ББК 63.3(5Азе)-8

ISBN 978-5-9765-0785-2

© Айдын Балаев, 2009
© Наталья Семенова, художественное
оформление, 2009

К 125-летию со дня рождения

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М.Э. РАСУЛЗАДЕ	12
§ 1. Начало политической карьеры	12
§ 2. В поисках национальной идентичности	30
§ 3. Февральская революция и завершение процесса перехода от тюркизма к азербайджанизму	46
ГЛАВА II. НА ЭТАПЕ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ (1917–1920)	67
§ 1. На пути обретения независимости (июнь 1917 г. – май 1918 г.)	67
§ 2. Первые шаги Азербайджанской Республики (май – декабрь 1918 года)	104
§ 3. Становление и упрочение азербайджанской государственности. Триумф и трагедия лидеров АДР (январь 1919 г. – апрель 1920 г.)	155
ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ИДЕАЛ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ (1920–1955)	207
§ 1. Деятельность М.Э. Расулзаде после падения АДР. Турецкий период эмиграции	207
§ 2. М.Э. Расулзаде накануне и в годы II мировой войны.....	237
§ 3. Возвращение М.Э. Расулзаде в Турцию. Заключительный период его деятельности в эмиграции.....	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	278
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	280

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Когда Всевышний наделяет восточного человека
европейским мышлением, то он обрекает его
на страдания. Задача в том, чтобы научиться
получать от этих страданий удовольствие
и продолжить борьбу во имя свободы своих детей.*

Эльмар Гусейнов

28 мая 1918 года была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Чтобы по достоинству оценить историческую значимость этого события не только для Азербайджана, но и для всего исламского мира, достаточно напомнить, что в тот момент в мире существовало всего семь независимых мусульманских государств – Турция, Персия, Афганистан, доживавший свои последние дни Бухарский эмират и три мелкие монархии Внутренней Аравии, чудом не доставшиеся ни Турции, ни Англии. В подобной обстановке полного господства деспотических систем государственного управления в исламском мире политические лидеры молодой азербайджанской нации предприняли довольно рискованный шаг. Они открыто провозгласили, что могут жить без ханов, шахов и султанов и будут строить свое государство на основе выборной многопартийной демократии¹.

Тем самым Азербайджан вошел в мировую историю как первая республика во всем мусульманском мире. Безусловно, создание АДР стало результатом целенаправленной и самоотверженной деятельности во имя национальных интересов А.М.Топ-

¹ Горянин А. Понять другой народ // Азербайджанская Демократическая Республика. Сборник статей. М., 2008. С. 115.

чибашева, Ф. Хойского, Н. Усуббекова, Г. Агаева и других выдающихся представителей азербайджанской политической и интеллектуальной элиты начала XX века. Нисколько не умаляя их заслуг, все же необходимо признать, что наиболее существенный вклад в создание первого национального государства на мусульманском Востоке внес Мамед Эмин Расулзаде. Именно он сформулировал теоретическую основу современной азербайджанской государственности и внес существенный вклад в ее практическую реализацию.

Значение проделанной политической элитой Азербайджана работы по созданию национальной государственности особенно возрастает на фоне того факта, что еще в начале XX века для самосознания подавляющего большинства азербайджанцев, как и других мусульманских народов, было характерно явное превалирование конфессионального фактора над собственно этническим компонентом. Другими словами, в этот период идентичность азербайджанцев в значительной степени основывалась на традициях и обычаях мировой мусульманской общины – уммы, нежели на национальных чувствах. Заслуга политической элиты Азербайджана заключается в том, что за относительно короткий срок им удалось не только сформулировать основные принципы национальной идентичности, но и начать процесс ее внедрения в массы.

В этой связи следует отметить, что даже спустя почти два десятилетия после распада СССР в отечественном обществоведении продолжает доминировать марксистская концепция о нации, которая является одной из разновидностей примордиалистской теории (от англ. *primordial* – изначальный, исходный). Согласно представлениям примордиалистов, нация представляется «объективной данностью, своего рода изначальной (примордиальной, т.е. исконной) характеристикой человечества»².

Между тем начиная с 60–70-х годов XX века в мировой науке получила распространение новая модернистская концепция

² *Тишков В.А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // «Вопросы социологии». 1993. № 1–2. С. 3.

о происхождении нации, которая быстро завоевала ведущие позиции в западной этнологии. В отличие от примордиалистского подхода модернистская теория исходит из того, что нации ни в коем случае не являются природной данностью, они возникли лишь на этапе перехода общества от аграрного к индустриальному способу производства. В своих исследованиях Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э.Д. Смит и другие представители модернистского направления подчеркивают, что, хотя нации всегда стремятся представить себя ведущими свою историю из глубины веков, на деле все они продукт современной эпохи и начали развиваться в Европе, а позднее и в других частях мира, начиная со времен Великой Французской революции конца XVIII века.

Исходный принцип модернистской теории заключается в том, что в основе формирования наций лежат процессы ликвидации феодальной раздробленности в результате развития индустриализации и роста урбанизации, создания единого внутреннего рынка, унификации языка и культуры. Эти процессы способствуют достижению экономической и культурной гомогенности населения.

Однако, по мнению модернистов, достижение экономической и культурной однородности еще не дает ключа к самому процессу формирования наций. Оно лишь создает материал, из которого в перспективе может возникнуть нация. Для полномасштабного же «запуска» процессов формирования нации экономическое и культурное единство членов конкретной этнической общности должно быть дополнено представлениями об их политическом единстве, что находит воплощение в создании представителями интеллигенции идеологии национализма.

С точки зрения модернистов, процесс формирования нации начинается именно с момента появления идеологии национализма, когда небольшая группа интеллектуалов провозглашает существование нации, и во многих случаях в исходных точках ее бытия она является творением городской элиты. Именно в интеллектуальной и образованной среде, как правило, обсуждаются, формируются и воспроизводятся образы нации и концеп-

ции национальных интересов, которые затем транслируются в народные массы. В этом контексте национализм, будучи формой выражения национальных интересов, является проектом создания нации, сконструированным интеллектуалами.

Таким образом, суть модернистской концепции заключается в том, что нации являются не заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп, а имеют сугубо политическое происхождение. То есть этносы обретают черты нации в результате не саморазвития на этнической основе, а политического действия и, по существу, являются продуктами деятельности отдельных интеллектуалов. Отмечая важность политического фактора в появлении нации, Э. Геллнер утверждает, что не нация создает национализм, а наоборот, «национализм создает нации, не существует без государства и является политическим принципом»³.

Правда, в качестве «сырья» для современных наций используется культурное, историческое и прочее наследие этнических общностей донационалистического мира. В этом отношении у современных наций, несомненно, есть глубокие корни в более ранних этнических сообществах, поскольку предвестником современной нации является этническая общность предшествующей эпохи, и характерная для современных наций культурная однородность формируется на базе конкретной этнической общности, которая становится основой конструирования нации.

При этом следует учесть, что между моментом, когда образ нации возникает у представителей элиты, и моментом, когда соответствующая этому национальная идентичность утверждается среди большинства членов этого сообщества и получает политическое оформление, лежит значительное время. Ведь, чтобы люди могли почувствовать себя принадлежащими к определенной национальной общности, должна быть проделана колоссальная работа, начинающаяся с установления законных границ и определения геополитического местоположения данной нации

³ *Gellner E. Nations and nationalism. Cornell University Press, 1983. P. 1.*

по отношению к другим народам, включающая в себя разработку и проведение в жизнь определенной политики в области языка и иных средств общения, создания системы представлений об историческом прошлом данного народа, которая бы была принята в качестве важнейшей составляющей современного образования.

Но во всех случаях окончательное формирование нации возможно только в качестве национального государства («нации-государства»). Не случайно английский исследователь Энтони Смит считает, что нации могут состояться только в своих собственных государствах⁴.

Опираясь на понятия модернистской концепции, которая главенствует в современной западной этнологии, можно сказать, что формирование азербайджанской нации в начале XX века стало результатом целенаправленной деятельности интеллектуальной элиты страны. При этом толчком для развития национальной идентичности у азербайджанцев послужили идеи политического тюркизма, сформулированные в начале прошлого века А. Гусейн-заде и А. Агаевым.

Правда, для основоположников политического тюркизма не существовало самостоятельной азербайджанской нации, поскольку они считали азербайджанцев частью «единой тюркской нации». Однако провозглашенные А. Гусейн-заде и А. Агаевым в начале XX века общетюркские идеалы катализировали процесс вычленения тюркского самосознания из общемусульманского контекста, тем самым создав почву для появления в дальнейшем азербайджанской национальной идентичности. Окончательное же становление проекта самостоятельной азербайджанской нации, несомненно, связано с именем и деятельностью М.Э. Расулзаде.

Хотя первые признаки азербайджанской идентичности стали появляться в художественных и публицистических произведениях еще в конце XIX века, но именно М.Э. Расулзаде удалось создать из этих отдельных фрагментов целостную и системную

⁴ *Smith A. Theories of Nationalism. Irving Place, 1983. P. 20–21.*

Предисловие

концепцию азербайджанизма, основополагающим постулатом которого была идея самобытности азербайджанской нации.

Следует отметить, что не представляется возможным полностью охватить в одной работе все стороны многогранной и обширной деятельности М.Э. Расулзаде, так как он был талантливым и достаточно плодотворным публицистом, имеющим немалые заслуги в формировании и развитии азербайджанской прессы. В молодости М.Э. Расулзаде активно занимался литературным творчеством и является автором многочисленных стихов и пьес. Он также был незаурядным литературоведом, культурологом и историком. Его фундаментальная монография «Азербайджанский поэт Низами» до сих пор сохраняет свою научную значимость. Перу М.Э. Расулзаде принадлежит немало исторических трудов, посвященных Азербайджанскому национальному движению начала XX века.

Учитывая все эти обстоятельства, в данной работе основной акцент сделан на политической деятельности М.Э. Расулзаде, поскольку он является одним из тех исторических деятелей, благодаря которым в начале XX века на политической карте мира появилось государство под названием «Азербайджан».

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М.Э. РАСУЛЗАДЕ

Potior visa est periculosa libertas quietj servitio.
Лучше свобода, исполненная опасностей,
чем спокойное рабство.
Латинское изречение

§ 1. Начало политической карьеры

Будущий лидер Азербайджанского национального движения и, по сути, создатель идеологических и политических основ современной азербайджанской государственности Мамед Эмин Расулзаде родился 31 января 1884 года в селении Новханы в окрестностях Баку в семье священнослужителя. Его отец, ахунд Гаджи Алекпер Расулзаде, несмотря на свой сан священнослужителя, был человеком прогрессивных убеждений и решил дать сыну светское образование. Начальное образование Мамед Эмин получил во второй «Русско-мусульманской школе», а затем для продолжения учебы поступил в Бакинское техническое училище. Правда, ему так и не удалось завершить учебу в этом училище. Причины, по которым юному Мамеду Эмину пришлось бросить учебу, до сих пор остаются невыясненными. Скорее всего, наряду с материальными затруднениями, немалую роль в этом сыграло и то обстоятельство, что бурлящая политическая жизнь Баку того периода как магнит притягивала молодого Мамеда Эмина

В начале XX века Баку являлся одним из главных центров революционного движения в Российской империи, где в ожесточенной борьбе сталкивались представители различных поли-

тических течений и идеологических воззрений. Одновременно Баку был центром зарождающегося национального движения мусульман Кавказа и в первую очередь азербайджанских тюрков. Именно политические баталии, происходившие в Баку в начале прошлого столетия, а также разворачивающаяся здесь борьба за национальное освобождение стали настоящими «университетами» М.Э. Расулзаде.

Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что М.Э. Расулзаде, как и многие другие представители его поколения, в начале своей политической карьеры симпатизировал радикальным социалистическим течениям. Это было продиктовано прежде всего крайне непримиримым отношением этих течений к царскому режиму. Как впоследствии признавался М.Э. Расулзаде, молодое поколение азербайджанцев питало такую злобу к российскому самодержавию, что считало наиболее оптимальным методом в борьбе за освобождение своих соплеменников от национального угнетения царизма радикальную тактику социалистических организаций, которые своей деятельностью оказывали деморализующее и разлагающее воздействие на государственные структуры империи. Поэтому «в борьбе с царизмом революционный социализм ему казался если и не самым надежным, то более подходящим союзником»¹. Думается, что дополнительную привлекательность для М.Э. Расулзаде имели также принципы всеобщего равенства и свободы, декларируемые идеологами социал-демократии.

В этом смысле неудивительно, что осенью 1904 года М.Э. Расулзаде стал одним из главных организаторов первой в Закавказье мусульманской социал-демократической организации «Гуммет» («Энергия»). Характерно, что этот факт долго и тщательно скрывался советскими историками от общественности. Причем основой для создания этой организации, которую зарубежные исследователи считают своеобразным феноменом в российской социал-демократии, совмещавшим в себе марксизм с тюркским

¹ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. Баку, 1992. С. 30 (на азерб. яз.).

национализмом, служил «Кружок молодых революционеров Азербайджана», созданный М.Э. Расулзаде в 1903 году². Как впоследствии вспоминал М.Э. Расулзаде, костяк организации «Гуммет» состоял из молодых мусульман, которые «пытались пробудить у членов нашей организации национальные чувства, изучали родной язык и литературу, читали творения наших поэтов, проклиная царизм, и распространяли среди рабочих брошюры революционного и национального содержания»³. Не вызывает сомнений, что главной причиной прихода в достаточно юном возрасте М.Э. Расулзаде в политику было стремление помочь родному народу в его национальном пробуждении. Причем в начальный период своей деятельности он придавал приоритетное значение просвещению масс. Просветительские идеи были лейтмотивом всех его ранних публикаций. Так, в первой своей публикации «Письмо из Баку», напечатанной на страницах газеты «Шерги-Рус» в 1903 году, М.Э. Расулзаде убеждал кавказских мусульман с юных лет отдавать своих детей в школы, чтобы они выросли грамотными и образованными людьми⁴.

Эта же мысль составляла основное содержание его выступления 30 ноября 1907 года на похоронах известного азербайджанского просветителя Г. Зардаби. М.Э. Расулзаде, в частности, говорил: «Необходимо, чтобы народ осознал собственные права, возможности и силу. Тогда никто не сможет держать его под гнетом». А для этого, по его убеждению, нужно было «открыть глаза» народным массам. «Что необходимо для пробуждения населения, осознания им своих прав? – просвещение, просвещение, просвещение!» – резюмировал М.Э. Расулзаде⁵.

При этом М.Э. Расулзаде был убежденным сторонником создания системы светского образования на родном языке азербайд-

² Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997. С. 30.

³ Расулзаде М.Э. Воспоминания о И.В. Сталине. Баку, 1991. С. 13–14 (на азерб. яз.).

⁴ «Шерги-Рус», 1903, 2 мая (на азерб. яз.).

⁵ «Иршад», 1907, 2 декабря (на азерб. яз.).

жанских тюрков. Как он подчеркивал, «начальная школа должна быть национальной. Обучение в ней должно быть на родном языке»⁶. Он выражал свое беспокойство тем, что даже в так называемых русско-татарских школах преподаванию русского языка отводилось в два раза больше времени по сравнению с азербайджанским языком – соответственно 12 и 6 часов в неделю⁷.

Впрочем, уже в начальной стадии своей общественно-политической деятельности интересы М.Э. Расулзаде не ограничивались только проблемами просвещения. Будучи свидетелем и непосредственным участником революционных событий 1905–1907 годов, М.Э. Расулзаде имел возможность сравнить и оценить уровень политического и культурного развития азербайджанцев с соседними народами. И это сравнение было отнюдь не в пользу азербайджанцев, что очень беспокоило М.Э. Расулзаде. Как он с горечью писал, в годы революции 1905–1907 годов «каждая социальная группа и каждая нация выдвинули свои требования, провозгласили свои цели. И только мы не знали, чего желать и требовать». Тогдашнее положение азербайджанцев он сравнивал с «попавшим в бурю кораблем, который не знает, в каком направлении двигаться, и вообще, где находится берег спасения»⁸. При этом М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «для попавшего в бурю корабля отсутствие цели настолько же смертельно, насколько бездействие нации в переломные моменты истории»⁹.

Действительно, в ходе революции 1905–1907 годов у азербайджанцев не было четкой национальной цели и программы, следовательно, отсутствовала какая-либо практическая деятельность в этом направлении. А первые азербайджанские политические организации, возникшие в ходе этих революционных событий, ставили перед собой задачу борьбы не за национальные права азербайджанцев как самостоятельной этнической общности, а за права всего мусульманского населения Кавказа.

⁶ «Терегги», 1908, 20 ноября (на азерб. яз.).

⁷ Там же.

⁸ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Баку, 2001. Т. 2. С. 474 (на азерб. яз.).

⁹ Там же.

Это было обусловлено доминантной ролью ислама в общественно-политической жизни азербайджанского общества. В результате к началу XX века для азербайджанского этноса был характерен относительно низкий уровень этнополитической консолидации, так как религиозная и региональная принадлежность была сильнее этнической идентификации.

В исследуемый период этническое самосознание у азербайджанцев нередко заслонялось религиозным. Уз. Гаджибеков в одной из своих статей так описывал подобную ситуацию: «Если одного из нас спросишь:

- Кто ты?
- Я мусульманин, – последует ответ.
- К какой нации ты принадлежишь?
- К мусульманской нации.
- Какую религию исповедуешь?
- Мусульманскую.
- На каком языке говоришь?
- На мусульманском языке»¹⁰.

Подобное положение было продиктовано особенностями исторического развития Азербайджана – господством ислама и отсутствием политического единства страны. Азербайджан как мусульманская страна в течение столетий являлся составной частью исламской цивилизации. Правда, страна одновременно соседствовала и с христианскими странами, ориентированными на западную культуру. К тому же выгодное географическое положение страны на стыке Востока и Запада позволяло воспринимать прогрессивные ценности, имеющиеся в обеих культурах. В силу этого даже в Средние века, характеризующиеся на Востоке засильем религиозного догматизма, в азербайджанской общественной мысли прослеживались отдельные ростки свободомыслия.

Однако эти оппозиционные к ортодоксальному исламу идейно-философские течения не получили дальнейшего развития и не

¹⁰ Цит. по: Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. Баку, 1998. С. 31.

смогли стать ведущей тенденцией развития социально-экономических и культурных процессов в исламском мире. В результате, если эпоха Возрождения в Европе привела к победе светского над религиозным, став мощным стимулом процессов развития различных форм неконфессиональной идентичности – этнической, гражданской, гендерной и других, то на Востоке аналогичные процессы опоздали на несколько столетий, обусловив господство исламских догм во всех сферах государственной и общественной жизни, в том числе в самосознании мусульманских народов.

Таким образом, в то время как на Западе в ходе Реформации и Ренессанса формировались первоначальные структуры гражданского общества, а вместе с ними постепенно происходил процесс освобождения личности от тотальной зависимости государства, на Востоке религия продолжала оставаться едва ли не главной питательной средой идентичности. Монополия религии как объективной основы для формирования субъективной религиозной идентичности блокировала развитие других форм и в первую очередь этнической идентичности. В этих условиях человек лишь в религии находил опору для сохранения своей самобытности и индивидуальности¹¹.

Подобное положение, кроме всего прочего, привело к доминированию конфессиональной характеристики в самосознании азербайджанцев. Тем более что по исламским канонам разделение мусульман по национальному и расовому признакам считалось большим грехом, равносильным язычеству, с которым ислам вел жестокую и непримиримую борьбу на протяжении всей своей истории. Согласно исламской религии все мусульмане, независимо от своей национальной и расовой принадлежности, составляли единую «умму» – сообщество мусульман всего мира. Данное обстоятельство препятствовало развитию этнической идентичности у представителей мусульманских народов, включая азербайджанцев, и являлось главной причиной их отставания в национально-политическом плане от соседних народов.

¹¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 261.

Безусловно, первые признаки тюркской идентичности в общественно-политической мысли Азербайджана появились еще в конце XIX в. Так, взгляды Г. Зардаби, а также первые попытки постановки проблемы национальной идентичности на страницах азербайджанских газет «Кешкюль» («Дароносица») и «Каспий» в 90-х годах XIX века знаменовали начало артикуляции тюркской идентичности в Азербайджане. Однако это были единичные случаи, которые не получили дальнейшего развития и не превратились в общую тенденцию. По крайней мере, к началу XX века позиции Г. Зардаби и газеты «Кешкюль» разделяло лишь незначительное меньшинство даже среди интеллигенции. В целом же азербайджанцы даже в начале XX столетия осознавали себя прежде всего мусульманами, нежели тюрками. Идентичная ситуация наблюдалась и среди других мусульманских народов Российской империи.

Характеризуя общественно-политическую ситуацию в Азербайджане в начале XX века, М.Э. Расулзаде обращал особое внимание на то обстоятельство, что «в этот период национальное движение ставило перед собой задачу не освобождения и независимости азербайджанских тюрков как самобытной этнической общности и даже не спасения всех тюркских народов, а исключительно налаживание связей и установление солидарности между различными мусульманскими народами и государствами. В этой связи до последнего времени даже понятие «нации» не имело четкого значения, поскольку наиболее продвинутые лидеры национального движения во главе с Ахмед беком Агаоглу (Агаевым. – А.Б.) не особо различали исламизм от тюркизма и боролись не за тюркизм, а за мусульманство»¹².

Подобное положение вещей, не могло не волновать М.Э. Расулзаде как истинного патриота своей родины. Он находился в постоянном поиске наиболее приемлемой с точки зрения национальных интересов идеологии, способной, как путеводная звез-

¹² Расулзаде М.Э. Идеология независимости и молодежь // «Азадлыг», 1990, 31 декабря (на азерб. яз.).

да, указать азербайджанцам направление национального освобождения и прогресса. Очевидно, что социал-демократическая идеология полностью не отвечала этим требованиям, поскольку ее последователи, будучи уверенными в неизбежном триумфе классового сознания над национальным, явно недооценивали роль национального фактора в политической борьбе. Именно поиски путей национального освобождения являлись главной причиной политических и идеологических исканий, стимулировавших дальнейшую эволюцию мировоззрения М.Э. Расулзаде в сторону идей тюркизма и азербайджанизма.

В эволюции политико-идеологических взглядов М.Э. Расулзаде, несомненно, ключевую роль сыграло его ознакомление с идеями тюркизма, которые получили широкое распространение в Азербайджане под влиянием как революционных событий 1905–1907 годов, так и общемировой тенденции укрепления позиций идеологии национализма.

При этом следует особо отметить, что зарождению тюркского самосознания в Азербайджане способствовали вовсе не турецкие эмиссары, как об этом любят говорить некоторые политически ангажированные исследователи. Этот процесс был мотивирован прежде всего «сильным подъемом национального духа» у тюркских народов бывшей Российской империи¹³.

Симптоматично, что многие российские исследователи также придерживаются аналогичного мнения. В частности, еще в 1930 году А.Н. Мандельштам подчеркивал, что «настоящие корни пантюранизма» находились не в Турции, и «главный толчок к пантуранскому движению был дан не турками Оттоманской империи, а тюрко-татарскими элементами России». Он справедливо отмечает, что «идейными основоположниками пантюркизма нужно считать русских выходцев-татар Ахмеда Агаева, Юсуфа Акчуру, Али Гусейн-заде, Исмаила Гаспринского»¹⁴.

¹³ *Расулзаде М.Э.* О пантюранизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985. С. 64.

¹⁴ *Мандельштам А.Н.* Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантюранизм. Париж, 1930. С. 7.

Причем поначалу никаких существенных различий между «тюркизмом» и «пантуранизмом» не было. Приставка «пан...» («все») означала лишь распространение этого понятия на все без исключения тюркские народы и не содержала никаких претензий на возвышение этих народов над другими. Разделение этих понятий и противопоставление их друг другу наметились в более поздних интерпретациях. В частности, в советской историографии «пантюркизму» придавали ярко выраженное негативное значение.

Переход от просвещенческого и культурного к политическому тюркизму связан с именем азербайджанского мыслителя Али бека Гусейн-заде. Подтверждая этот факт, Юсуф Акчюра отмечал, что «Али бек Гусейн-заде был первым мыслителем в Азербайджане, который распространил тюркизм из сферы языка и литературы в политические теории, создав идеологию тюркского единства и туранизма с центром в Османской империи»¹⁵. Лишь впоследствии туранизм получил свое системное концептуальное развитие в трудах турецкого мыслителя З. Гёкальпа.

Источником вдохновения для А. Гусейн-заде при разработке основ политического тюркизма служили идеи панславизма, с которыми он ознакомился, будучи студентом физико-математического факультета Петербургского университета. Впервые с идеей политического тюркизма и даже пантуранизма А. Гусейн-заде выступил еще в 1904 году, в статье, напечатанной в газете «Тюрк», издающейся в Египте. Однако более детальная разработка основ этой идеологии со стороны А. Гусейн-заде относится к периоду русской революции 1905–1907 годов.

В этом отношении достаточно плодотворными были периоды деятельности А. Гусейн-заде в газете «Хаят» («Жизнь») и в журнале «Фиюзат» («Благо»). Именно своими работами, опубликованными на страницах этих изданий, он придал политическому тюркизму характер более или менее системной концепции. В условиях, когда не только подавляющее большинство народ-

¹⁵ Yüksel İ. *Azerbaycan'da Fikir Hayatı ve Basın*. İstanbul, 1990. S. 135.

ных масс, но и многие представители интеллигенции были плохо осведомлены о происхождении и истоках собственного этноса, когда не существовало даже общепринятого этнонима азербайджанцев (их в то время называли мусульманами, закавказскими татарами и т.д.), А. Гусейн-заде уже в первом номере газеты «Хаят» открыто заявил: «Мы также и тюрки, и поэтому надеемся на прогресс, процветание и счастье всех тюрков мира»¹⁶.

Сердцевиной же политического тюркизма является знаменитая триада – «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться», сформулированная А. Гусейн-заде. Этим лозунгом он определил магистральное направление развития тюркских народов – опираясь на свои тюркские этнические корни и не забывая о своей принадлежности к исламскому миру, необходимо идти в ногу со временем, приспосабливаясь к современной европейской цивилизации.

Возникновение идей тюркизма было проявлением стремления тюркских народов Российской империи выйти на тот самый путь национального прогресса и культурного развития, по которому в течение всего XIX века шли народы Западной Европы.

Будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между тюрками и другими мусульманскими народами, идеи тюркизма значительно ускорили процесс выделения тюркских народов Российской империи, и в первую очередь азербайджанцев и татар из общемусульманского культурного ареала.

Концепция А. Гусейн-заде, способствуя внедрению в народные массы тюркского самосознания, призывая их вернуться к своим этническим корням и забытым традициям, объективно способствовала активизации у них поиска собственной национальной идентичности, а также ослаблению позиций религиозного фактора. По сути, идеи тюркизма способствовали процессу секуляризации национальной идентичности у тюркских народов. Ведь поворачивая тюрков от «Мекки к Алтаю», туранизм в своей сущности был глубоко антирелигиозен, он боролся против

¹⁶ «Хаят», 1905, 7 июня (на азерб. яз.).

ислама, как бы ни старались А. Гусейн-заде и его единомышленники подчеркивать свою приверженность к исламу и исламским ценностям¹⁷. В силу этого возникновение и распространение концепции «единой тюркской нации» положило начало процессу выкристаллизации общетюркского самосознания у тюркских народов Российской империи, в первую очередь у азербайджанцев и поволжских татар. Трудно переоценить значение данного события в национальном развитии тюркских народов.

К тому же туранизм А. Гусейн-заде и его соратников способствовал сближению различных тюркских народов и созданию своеобразного культурно-идеологического барьера на пути насильственной деэтнизации и русификации этих народов, укреплению позиции каждого из них в отдельности в борьбе с русским колониализмом.

Правда, выступая с позиции «единой тюркской нации», А. Гусейн-заде отрицал качественный характер этнических различий между турками-османами, азербайджанцами, узбеками, казахами и другими тюркскими народами. Он принимал в штыки попытки представить отдельные тюркские народы в качестве самостоятельных наций. Хотя при этом и использовал термин «азербайджанские тюрки», к которым он причислял не только «ширванцев, бакинцев, карабахцев, гянджинцев, иреванцев и других», но и все население северо-западной части Ирана¹⁸.

Тем не менее, как справедливо отмечал М.Э. Расулзаде, общетюркский идеал, сформулированный А. Гусейн-заде и его соратниками, «революционизировал народные массы тюркских племен. Каждые в отдельности они, имея перед собой гигантские силы врага, не могли бы даже и заикнуться о свободе и независимости, но осознание того, что они не малочисленные племена, а члены многомиллионной нации, имевшей славную историю и такое же блестящее будущее, естественным образом укрепляло

¹⁷ *Мандельштам А.Н.* Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантуранизм. С. 3.

¹⁸ *Гусейн-заде А.* Кто такие тюрки и из кого они состоят. Баку, 1997. С. 217 (на азерб. яз.).

в них надежды и вызывало на активную борьбу против векового врага»¹⁹.

В этом контексте идеи тюркизма А. Гусейн-заде, несомненно, сыграли большую роль в пробуждении тюркских народов к независимой национальной жизни. Сам факт принадлежности азербайджанских тюрков к огромному тюркскому миру, к обширной тюркской этноязыковой общности оказывал вдохновляющее воздействие на идеологов и активистов национального движения, придавая им уверенность в своих силах и в конечном успехе национального дела. Впоследствии тюркизму суждено было стать основным принципом самоидентификации азербайджанских тюрков.

Концепция А. Гусейн-заде объективно способствовала также активизации поиска собственной национальной идентичности у азербайджанцев. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, начался переход «всей системы общественной идеологии от религиозной системы исламизма на национальную систему тюркизма, соответственно изменяя и фразеологию, употребляемую в «тюркской» печати и до того называвшуюся «мусульманской»²⁰. Именно опираясь на концепцию тюркизма А. Гусейн-заде, М.Э. Расулзаде впоследствии разработал теорию азербайджанизма, обосновавшую самобытность и самостоятельность азербайджанской нации и ее право на собственную государственность.

Таким образом, способствуя освобождению тюркского самосознания из тисков общемусульманского сознания, А. Гусейн-заде объективно создал почву для появления сугубо национальной идентичности у различных тюркских народов.

Следует отметить, что уже в момент зарождения в 1905–1907 годах идеи политического тюркизма оказали заметное влияние на М.Э. Расулзаде, который в тот период занимался активной политической и публицистической деятельностью. Правда, ради справедливости следует признать, что даже после поражения

¹⁹ *Расулзаде М.Э.* О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С. 68.

²⁰ Там же. С. 66.

русской революции в 1905–1907 годах, М.Э. Расулзаде все еще находился под значительным влиянием социал-демократических идей, о чем свидетельствуют его многочисленные публикации в периодической печати, пронизанные идеями всеобщего благоденствия и равноправия. Вообще, для политических взглядов М.Э. Расулзаде того времени характерен определенный романтизм. Например, в одной из своих публикаций того времени он пишет: «Мир должен быть одинаковым для всех. Ради счастья и благополучия горстки людей не должны страдать миллионы»²¹.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая политическая судьба М.Э. Расулзаде, если бы в результате гонений царских властей ему не пришлось покинуть пределы Российской империи. В условиях разрастающейся политической реакции в России М.Э. Расулзаде, спасаясь от преследований со стороны царского режима, вынужден был в конце 1908 года покинуть Баку и эмигрировать в Иран.

В Иране М.Э. Расулзаде продолжил свою политическую деятельность, став активным участником революционного движения против шахского режима. В сентябре 1910 года М.Э. Расулзаде вместе с группой иранской интеллигенции, получившей образование в Европе (С.Г. Тагизаде, Г. Навваб, С. Мирза, С.М. Рза и др.), создает Иранскую демократическую партию. В том же году он начинает издавать газету «Иране Ноу» («Новый Иран»), тем самым заложив основы прессы европейского типа в Иране. Кроме того, в 1910 году в тегеранском издательстве «Фарос» на персидском языке печатается его книга «Критика консервативных или консервативно-социалистических партий». В 1911 году в южноазербайджанском городе Ардебиле на персидском языке издается еще одна книга М.Э. Расулзаде под названием «Счастье человечества».

Царские власти, озабоченные активной политической и публицистической деятельностью М.Э. Расулзаде, которая была направлена на ослабление российского влияния в Иране, потре-

²¹ «Иршад», 1908, 15 апреля (на азерб. яз.).

бовали от тегеранских властей принятия незамедлительных мер для выдворения его из страны. Чтобы избежать преследований шахского режима Ирана, в мае 1911 года М.Э. Расулзаде переезжает в Стамбул, который к тому времени уже превратился в центр сосредоточения политических эмигрантов из числа представителей мусульманской интеллигенции России.

В этот период, спасаясь от преследований царской охранки, в Стамбуле нашли прибежище многие видные представители тюркских народов Российской империи. Среди них находились азербайджанцы А. Гусейн-заде и А. Агаев, татарин Ю. Акчура и др., сыгравшие заметную роль в формировании тюркизма как идейного течения. В немалой степени именно благодаря их усилиям удалось значительно расширить круг последователей идеологии тюркизма и туранизма в Турции. В частности, представители азербайджанской и татарской интеллигенции принимали активное участие в деятельности созданного в декабре 1908 года «Тюркского кружка» («Türk Derneği»), который занимался пропагандой и популяризацией идей тюркизма и туранизма.

Именно политическая атмосфера Стамбула того периода сыграла решающую роль в окончательном становлении политических взглядов М.Э. Расулзаде, который все эти годы находился в поиске идеологического ориентира, соответствующего задачам национального освобождения азербайджанских тюрков. Непосредственное общение с находившимися в Стамбуле идеологами тюркизма оставило глубокий отпечаток на дальнейшей эволюции политического мировоззрения М.Э. Расулзаде.

М.Э. Расулзаде был самым молодым среди политических эмигрантов из России. Тем не менее он отнюдь не был сторонним наблюдателем в острых дискуссиях о проблемах возникновения и путях развития тюркских народов, о способах реализации на практике лозунга – «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться». Достаточно отметить, что М.Э. Расулзаде активно сотрудничал с популярным в тот период журналом «Türk Yurdu» («Тюркское отечество»), который декларировал своей целью «служение тюркизму и благу тюрков». На страницах этого

журнала, в частности, была опубликована его известная работа «Иранские тюрки», которая практически впервые информировала широкую общественность о положении азербайджанских тюрков в Иране, об их борьбе за свои национальные права и за установление конституционного строя в этой стране²².

На страницах журнала «*Türk Yurdu*» М.Э. Расулзаде опубликовал отрывки из фундаментального труда известного в исламском мире философа Дж. Афгани (1838–1897) «Красота слова» под названием «Философия национального единства и сущность объединенного языка». Основопологающим постулатом этого произведения являлось утверждение о том, что все мусульманские народы должны иметь национально-осознанную жизнь, поскольку вне нации нет человеческого счастья и процветания. Считая язык и религию двумя важнейшими этноопределяющими факторами, Дж. Афгани отдавал предпочтение первому компоненту, призывая к развитию родного языка.

Именно под влиянием идей тюркизма и творческого наследия Дж. Афгани М.Э. Расулзаде, потерпевший жестокое разочарование в революционной деятельности сначала в России, а затем и в Иране, делает решающий шаг в сторону национальной идеологии.

Следует отметить, что период нахождения М.Э. Расулзаде в Турции ознаменовался судьбоносными событиями, которые оказали существенное влияние на дальнейшую эволюцию политической мысли у тюркских народов. Речь идет о поражениях Османской империи в ходе войны с Италией в 1911 году и в I Балканской войне в 1912 году. Эти неудачи способствовали окончательному краху османизма – доктрины «слияния» народов Османской империи в единую нацию, вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности. Но одновременно они значительно ускорили торжество идей туранизма, предусматривавших консолидацию всех тюркских народов в «единую тюркскую нацию».

²² *Расулзаде М.Э.* Произведения. Баку, 1992. Т. 1. С. 7 (на азерб. яз.).

Как справедливо отмечал А.Н. Мандельштам, эти военные неудачи «перевернули весь уклад мысли турок, все их понятия о государстве и нации. Турки поняли наконец, что они не оттоманы, а турки»²³. Тем самым появились предпосылки для создания новой Турции взамен находящейся на смертном одре «больной» Османской империи. Подтверждением этой тенденции стали отказ в 1911 году руководства правящей в Турции партии «Единения и прогресса» от идеологии османизма и постепенное выдвижение на передовые позиции в ней туранистов во главе с Зия Гёкальпом. Вскоре и лидеры российского туранизма – И. Гаспринский, А. Гусейн-заде, Ю. Акчура были избраны в состав Центрального комитета партии «Единения и прогресса»²⁴.

Между тем воздействие этих неудач Османской империи на тюркские народы России оказалось прямо противоположным. Они в значительной степени подорвали веру российских тюрков в возможность общетюркского политического движения при доминирующей роли Турции.

Выражением подобных настроений в среде тюркской интеллигенции России является книга татарского деятеля Фатиха Карими «Стамбульские письма», основная мысль которой заключается в том, что надежды на освобождение и развитие тюркского мира при поддержке Османской империи оказались иллюзией.

Пришло горькое осознание того факта, что Османская империя не способна стать своеобразным локомотивом процесса освобождения и прогресса тюркских народов. Впоследствии М.Э. Расулзаде отмечал, что «многовековой застой не позволил Стамбулу претворить в жизнь сложные социальные реформы». И эту историческую миссию взял на себя «юный смельчак Азербайджан, надежда нового Турана»²⁵, которому суждено было стать пионером в деле строительства современной национальной государственности не только в тюркском, но и во всем мусульманском мире.

²³ Мандельштам А.Н. Введение // Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны). Турция и пантуранизм. С. 9.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего времени // «Хазар». 1990. № 1. С. 49.

Парадокс состоит в том, что военные и дипломатические неудачи Османской империи на мировой арене, значительно ослабив ее привлекательность для тюркских народов Российской империи, одновременно интенсифицировали у них поиски путей национального развития с опорой прежде всего на собственные силы. Эти поиски стимулировали у них развитие самобытной этнической идентичности.

Эти события оказали серьезное воздействие и на политические взгляды М.Э. Расулзаде, для которого всегда был характерен творческий подход к любой идеологической конструкции. Он никогда не воспринимал ту или иную идеологию в качестве догмы или объекта слепого поклонения. В этом отношении неудивительно, что именно М.Э. Расулзаде принадлежит историческая заслуга творческой переработки идей политического тюркизма в контексте задач национально-освободительной борьбы азербайджанских тюрков.

В отличие от представителей первого поколения азербайджанских тюркистов, в частности А. Гусейн-заде и А. Агаева, которые идеализировали роль Османской империи в тюркском мире, М.Э. Расулзаде более критически относился к возможностям и потенциалу этой страны. Как свидетельствуют работы А. Гусейн-заде, с политической точки зрения он считал Османское государство и турок-османов ядром будущего независимого тюркского мира²⁶. В этом отношении идеи туранизма А. Гусейн-заде имели ярко выраженную проосманскую направленность, поскольку они предусматривали формирование единой тюркской нации не путем постепенной интеграции на основе взаимовлияния и взаимообогащения отдельных тюркских народов в единую общность. Он фактически ратовал за отказ представителей конкретных тюркских народов от своей самобытности ради полного растворения внутри османской нации.

Подобный подход А. Гусейн-заде к идее тюркского единства был неприемлем для М.Э. Расулзаде. Поэтому после близкого

²⁶ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 47.

ознакомления с идеями туранизма, а также детального анализа внутреннего и внешнего положения Османской империи он стал не апологетом Турции и туранизма, а сторонником тюркизма, «преследующего исключительно реальные и конкретно – национальные цели»²⁷.

Творческий подход М.Э. Расулзаде к идеологии туранизма заключался в том, что он воспринимал «тюркское единство» не в смысле объединения всех тюркских народов в едином государстве, а в качестве их равноправного союза в борьбе за общие цели национального освобождения. Именно подобный подход впоследствии привел его к разработке на базе идей тюркизма новой оригинальной концепции азербайджанизма, ставшей теоретической основой самобытной этнической идентичности азербайджанских тюрков и их национальной государственности.

Разработанная А. Гусейн-заде концепция тюркизма стала переходным этапом от религиозной к национальной идентичности у азербайджанских тюрков. Объясняя причину необходимости подобного переходного этапа, М.Э. Расулзаде отмечал, что, «освободившись от панисламизма, тюркская общественно-политическая мысль не могла сразу прийти к той реально-национальной идее, к какой она пришла теперь. Психологически это и понятно. При условии войны и всеобщей опасности, отказавшись от такого большого всеобъемлющего лозунга, как единство ислама, националисты должны были вместо него дать такой же по силе впечатления лозунг. А таковым мог стать только лозунг «единства тюркских народов от Дуная до Алтая!»²⁸.

Лишь по мере развертывания модернизационных процессов в азербайджанском обществе, во втором десятилетии XX века, появляется концепция азербайджанизма, проект с ориентацией на азербайджанскую национальную идентичность, который вполне соответствовал процессам, охватившим в то время Восточную и Центральную Европу, а также западные регионы Российской

²⁷ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 79.

²⁸ Там же. С. 67.

империи. Ключевую роль в разработке этой концепции сыграли уже представители молодого поколения интеллектуальной элиты Азербайджана – М.Э. Расулзаде, Н. Усуббеков и др.

В этом контексте вполне естественно, что А. Гусейн-заде и А. Агаев, внесшие существенный вклад в разработку идеологии политического туранизма, решили навсегда остаться в Турции, окончательно связав с этой братской страной свои политические судьбы. А М.Э. Расулзаде и его молодые соратники предпочли вернуться на родину, чтобы на национальной почве внедрить идеи тюркизма, которые после революции 1905–1907 годов постепенно превращались в доминирующее идеологическое течение в азербайджанской политической мысли.

§ 2. В поисках национальной идентичности

Воспользовавшись амнистией по случаю 300-летия правления династии Романовых, М.Э. Расулзаде в 1913 году вернулся из вынужденной эмиграции на родину. Вскоре он вступил в партию «Мусават», основанную в октябре 1911 года Мамедом Али Расулзаде, Таги Нагиевым и Аббасгулу Казымзаде, и за относительно короткий период превратился в главного идеолога и лидера этой политической организации.

Следует отметить, что в момент создания в 1911 году партия «Мусават», как и более ранние азербайджанские политические организации («Дифаи», «Мудафиэ» и др.), была далека от национальной идеи и претендовала на роль общероссийской мусульманской организации, что подтверждается содержанием ее первых программных документов. В них партия провозглашала своей целью «объединение всех разрозненных сил мусульманского мира и защиту национальных и человеческих прав мусульман для возвращения былой славы народу ислама»²⁹. Вообще, идея

²⁹ *Гусейнов М.Д.* Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. Баку, 1927. С. 73.

единения мусульманских народов красной нитью проходила через всю первую программу партии, состоящую из 8 пунктов:

1. Объединение всех мусульманских народов без различия нации и религиозных толков.
2. Восстановление утраченной независимости мусульманских стран.
3. Оказание моральной и материальной помощи мусульманским странам, борющимся за сохранение или восстановление независимости.
4. Помощь развитию оборонительных и наступательных сил мусульманских народов и стран.
5. Устранение всех преград, препятствующих распространению этой идеи.
6. Установление связи с партиями, стремящимися к объединению и прогрессу мусульман.
7. Установление по мере надобности связи и обмена мнений с иностранными партиями, ставящими своей задачей благоденствие и прогресс человечества.
8. Усиление средств борьбы за существование мусульман и развитие их торговли, промыслов и вообще экономической жизни³⁰.

Вскоре после возвращения из эмиграции М.Э. Расулзаде ситуация в партии кардинальным образом изменилась. Своими теоретическими работами, написанными накануне и в период Первой мировой войны, М.Э. Расулзаде подвел национальную основу под идеологию «Мусавата», что в конечном итоге способствовало переориентации политической программы партии от исламского единства в сторону борьбы за национальные права азербайджанцев и других тюркских народов. Это явилось переломным моментом в политической эволюции не только «Мусавата», но и всего национального движения Азербайджана.

³⁰ *Гусейнов М.Д.* Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. Баку. С. 73.

Этот процесс приобрел еще более интенсивный характер в годы Первой мировой войны. Не случайно, что М.Э. Расулзаде считал «главным моментом развития тюркской (азербайджанской) национальной идеи период балканской и мировой войн»³¹.

Безусловно, накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде еще не смог окончательно принять идею самобытности азербайджанской нации. В указанный период М.Э. Расулзаде, как и другие представители политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, стоял перед трудным выбором между интеграцией в единую тюркскую нацию и утверждением самобытной национальной идентичности азербайджанских тюрков.

В этой связи неудивительно, что накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде находился в поиске золотой середины между общетюркской и азербайджанской национальной идентичностью. Подтверждением тому является его позиция в острой полемике по проблемам языка на страницах печати между «азеричилар», которые предлагали формировать новый литературный язык на базе народно-разговорного языка азербайджанских тюрков, и «османчилар» – сторонниками принятия османского языка в качестве литературного.

Эта дискуссия затрагивала сущность все еще не находившего ответа, и в то же время актуализирующегося с каждым днем вопроса о национальной идентичности азербайджанских тюрков. Дебаты вокруг этой проблемы отражали противоречия между местным партикуляризмом и более широким видением будущего Азербайджана. В то же время они были подтверждением осознания со стороны азербайджанской интеллигенции своей принадлежности к семье тюркских народов. Вопрос состоял лишь в том, до какой степени целесообразно отождествлять себя с турками-османами и нужно ли делать это вообще?

Становление и развитие линии «османчилар» напрямую было связано с публицистической деятельностью А. Гусейнзаде, который в 1905–1907 годах редактировал печатные издания

³¹ *Расулзаде М.Э.* О пантурсизме. В связи с кавказской проблемой. С. 63.

«Хаят» и «Фиюзат». Он был убежден в том, что в истории наступает эпоха больших государств и наций на базе общей религии, языка и культуры. Исходя из этого, А. Гусейн-заде открыто ратовал за вхождение Азербайджана в состав Османского государства, которое представлялось ему «духовным и политическим лидером исламского мира». Тем более что он придерживался мнения об отсутствии существенных различий между азербайджанцами и турками-османами.

При этом А. Гусейн-заде был убежден в том, что формированию единой тюркской нации будет предшествовать создание единого языка для всех тюркских народов. Он нисколько не сомневался в том, что этим «единым языком» должен стать стамбульский диалект турко-османского языка как наиболее развитый в литературно-стилистическом отношении среди других тюркских языков. Позиция А. Гусейн-заде заключалась в том, что все тюркские народы должны принять унифицированный литературный язык, представляющий собой модификацию османского языка.

А. Гусейн-заде пытался «османизировать» языковую среду в Азербайджане и активно пропагандировал с помощью прессы идею повсеместного распространения среди представителей различных тюркских народов литературного османского языка. Он аргументировал свою позицию преимуществами османского языка для интеллектуального развития азербайджанских тюрков, которые, по его мнению, не могли выражать на родном языке абстрактные понятия и вести сложные рассуждения. А. Гусейн-заде отмечал, что «язык, который мы называем родным, в течение столетий был отрезан от прогресса в политике, философии и науке, вследствие чего он остановился в своем естественном развитии»³².

А. Гусейн-заде искренно надеялся, что создание общетюркского литературного языка сделает необратимым процесс формирования единой тюркской нации. Безусловно, он преувели-

³² «Фиюзат». 1907. № 21 (на азерб. яз.).

чивал и даже абсолютизировал значимость языка в процессе формирования нации. Он ошибочно полагал, что достаточно кодифицировать общий литературный язык, и формирование единой тюркской нации будет гарантировано. Находясь под влиянием философии Дж. Афгани, язык казался ему единственным решающим признаком этнической общности. При этом он отрывался от реальной языковой стихии, от разговорного языка народных масс, от политической и социально-экономической среды, которые объективно определяли различие путей национального развития отдельных тюркских народов. А. Гусейн-заде был твердо убежден, что историческое развитие тюркских народов идет по пути создания единой тюркской нации. Подобное ошибочное мнение, в определенном смысле, объяснялось незрелостью процессов формирования наций у многих тюркских народов и их слабой исследованностью, что порождало нечеткость представлений о перспективах их национального развития.

Естественно, что попытки А. Гусейн-заде «османизировать» языковую среду вызывали протесты читательской аудитории и немалой части азербайджанской интеллигенции. Однако он в достаточно резкой и даже грубоватой форме парировал все попытки поставить под сомнение его концепцию о языке. Например, в одной из своих публикаций, обращаясь к своим оппонентам, он риторически спрашивал: «Нам ли нужно упростить язык своей газеты или же населению необходимо изучить тюрки (имелся в виду османский язык. – А.Б.), который является их родным языком. На наш взгляд, писать более упрощенно, на употребляемых на Кавказе тюркских наречиях невозможно»³³.

После отъезда А. Гусейн-заде в Турцию рупором «османчилар» стал журнал «Шелале», первый номер которого вышел в 1912 году. Цель журнала, издававшегося исключительно на турко-османском языке, была определена как работа «по унификации тюркских языков на базе турко-османского языка».

Оппонентами «османчилар» выступали «азеричилар», которые утверждали, что османский язык, испорченный иностран-

³³ «Хаят». 1907. 14 июня (на азерб. яз.).

ными примесями, не заслуживает называться тюркским языком. При выборе языка прессы главными критериями для «азеричилар» служили его доступность и понятность читателям-азербайджанцам. В этом отношении неудивительно, что «азеричилар» ориентировались на народно-разговорный язык. Наиболее ярким представителем данного направления являлся журнал «Молла Насреддин», редактируемый Дж. Мамедкулизаде. Чтобы сделать журнал понятным для широких народных масс, издатели «Молла Насреддина», отказываясь от излишних арабизмов и фарсизмов, активно заменяли их лексическими элементами, заимствованными из народно-разговорного языка. Правда, при этом они зачастую действовали довольно прямолинейно, чрезмерно увлекаясь использованием форм просторечия в литературном языке.

Позиция «азеричилар» в концентрированном виде нашла свое отражение в одной из публикаций известного азербайджанского литературоведа Фиридун бека Кочарли, который вопрос о языке напрямую связывал с национальной идентичностью. Как подчеркивал Ф. Кочарли, язык – «основная характеристика каждой нации (миллета): она может потерять свое богатство, свое государство, даже свою территорию и все же будет жить, но если она потеряет свой язык, от нее не останется и следа». Он считал, что именно такая опасность нависла над азербайджанскими тюрками, которые после длительного периода доминирования персидского языка наконец-то добились активного использования национального языка в различных сферах общества, в том числе в прессе, но тут же столкнулись с перспективой его замены османским. Выступая против широкого использования османской лексики в азербайджанской прессе, Ф. Кочарли сравнивал усилия «османчилар» с действиями русификаторов. «По нашему мнению, такое обезьянничанье, такой образ действий фактически является национальным предательством»³⁴, – резюмировал он.

Что же касается позиции М.Э. Расулзаде в этих дискуссиях, то он также был против концепции А. Гусейн-заде. В отличие от

³⁴ «Молла Насреддин». 1913. № 22 (на азерб. яз.).

А. Гусейн-заде он считал, что «язык османских тюрок по сравнению с другими тюркскими диалектами более подвержен влиянию арабского, персидского и других иностранных языков»³⁵. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «аналогично тому, как Турция стоит перед политической капитуляцией, так и турецкий язык находится в состоянии литературной капитуляции»³⁶. Более того, он был убежден, что по сравнению с турко-османским языком в азербайджанском языке «тюркская лексика все же составляет большинство»³⁷. Тем самым в данном вопросе М.Э. Расулзаде солидаризовался с «азеричилар», которые также считали, что азербайджанский язык намного чище турко-османского языка.

Например, автор одной из публикаций в журнале «Молла Насреддин», выступая против навязывания азербайджанцам турко-османского языка, утверждал, что «место, где язык наиболее арабизирован, – Стамбул». При этом автор отмечал, что азербайджанский язык – чище, ибо его лексический запас пополняется за счет местных наречий.

В своих статьях «Новый язык» («Йени лисан») ³⁸ и «Язык как важный социальный фактор» ³⁹, опубликованных на страницах журнала «Шелале», М.Э. Расулзаде открыто выступил против навязывания азербайджанским тюнкам османского языка. Он с тревогой писал: «Масштабы подражания языку «Фиюзат» достигли такого уровня, что многие простые азербайджанцы перестали читать азербайджанскую периодику, поскольку она издается на малопонятном для широких народных масс турко-османском языке, чрезмерно богатом арабскими и персидскими заимствованиями»⁴⁰.

Характеризуя сложившуюся в то время в азербайджанской прессе ситуацию, М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что «тюркская

³⁵ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 222 (на азерб. яз.).

³⁶ Там же. С. 223.

³⁷ Там же. С. 222.

³⁸ «Шелале». 1913. 15, 22 июня (на азерб. яз.).

³⁹ «Шелале». 1913. 10 августа (на азерб. яз.).

⁴⁰ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 220–221 (на азерб. яз.).

печать Кавказа, за редким исключением, возомнила себя учителем языка. Хотя функция печати заключается не в обучении населения языку, а в объяснении ему необходимых в борьбе за выживание вещей на языке, которым оно владеет и говорит»⁴¹.

Таким образом, накануне Первой мировой войны М.Э. Расулзаде фактически выступал против принятия азербайджанскими тюрками турко-османской идентичности и их интеграции в состав Османской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями, к чему так активно призывал А. Гусейн-заде. Но решительно отвергая позицию сторонников османизации языковой сферы, М.Э. Расулзаде одновременно воздерживался и от однозначной поддержки «азеричилар», полагая, что пропаганда самостоятельного литературного азербайджанского языка противоречит идее единства тюркских народов.

Принимая в принципе идею общетюркского литературного языка, М.Э. Расулзаде ратовал не за механическое внедрение в качестве такового турко-османского языка, а за создание своеобразного общетюркского эсперанто путем использования внутренних лексических ресурсов всех без исключения тюркских языков, чтобы оно было понятным для представителей всех тюркских народов. Тем не менее даже в этот момент позиция М.Э. Расулзаде была более близка к «азеричилар», нежели к «османчилар». Так, выступая против османизации литературного языка, М.Э. Расулзаде уже тогда выходил за рамки концепции «единой тюркской нации» в ее классическом понимании в трактовке А. Гусейн-заде.

К тому же следует учесть, что в указанный период у М.Э. Расулзаде стремительно менялось понимание того, что из себя представляют азербайджанцы как этническая общность – часть «большого целого» или же самостоятельную национальную единицу. Причем общая направленность эволюции его взглядов дает основание утверждать, что М.Э. Расулзаде накануне и в период Первой мировой войны постепенно, шаг за шагом приближался к признанию азербайджанских тюрков самостоятельной нацией.

⁴¹ *Расулзаде М.Э. Произведения. Т. 2. С. 221 (на азерб. яз.).*

Важным этапом на этом пути стала серия статей М.Э. Расулзаде под общим названием «Национальное бытие», опубликованных в 1914 году на страницах журнала «Дирилик». Как известно, впервые в общественно-политической мысли Азербайджана А. Гусейн-заде научно конкретизировал и уточнил термин «нация», который до него использовался в весьма расплывчатом и абстрактном понимании для обозначения всех мусульман мира, т.е. фактически в качестве синонима понятия «умма». Заслуга же М.Э. Расулзаде состоит в том, что он творчески переработал идеи А. Гусейн-заде в контексте конкретных азербайджанских реалий начала XX века.

Серия статей под названием «Национальное бытие» стала, по существу, первой в Азербайджане попыткой систематизации представлений о нации в соответствии с требованиями современной науки. Значимость этой работы М.Э. Расулзаде состоит в том, что в момент публикации статей у азербайджанцев не было даже общепринятого этнонима и лингвонима.

В этой работе М.Э. Расулзаде, отвергая отождествление религиозной и национальной общностей, терминов «умма» и «миллет» (нация), проводил четкую грань между этими понятиями. Он утверждал, что понятие «миллет» не должно употребляться для обозначения религиозной группы, так как оно имеет секулярное значение. М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «умма» имеет чисто религиозное содержание, поскольку означает объединение всех мусульман мира независимо от их этнической и культурной принадлежности, т.е. конфессиональную общность. В то же время понятие «нация» относится к этническим общностям, основывающимся на общем языке, культуре, территории и истории, равно как и на религии. Но при этом М.Э. Расулзаде считал религию отнюдь не самым основным признаком нации, отводя ей второстепенную роль⁴².

М.Э. Расулзаде выдвинул идею трехступенчатой иерархии этнических общностей – народность, национальность и нация.

⁴² *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 468 (на азерб. яз.).

Причем он определил конкретные качественные параметры их разграничения. Так, по мнению М.Э. Расулзаде, народность – это сложившаяся на определенной территории совокупность людей, связанных между собой лишь общностью происхождения и языковым единством. Более высокий уровень этнической общности, для обозначения которого применяется термин «национальность», характеризуется языковым и культурным единством составляющих эту общность людей. Что же касается нации, то она, по мнению М.Э. Расулзаде, возникает в момент осознания своего культурного и национального единства большинством представителей национальности. Другими словами, главная отличительная черта нации от национальности заключается в наличии у представителей нации национального самосознания.

Как видно, М.Э. Расулзаде воспринимал эти этнические общности динамическими явлениями, подверженными в той или иной степени изменениям во времени и пространстве, которые нередко сопровождаются их трансформацией. В частности, М.Э. Расулзаде пишет: «...осознание единства и стремление к нему способствует на исторической основе превращению людей из народности в национальность, а из национальности в нацию»⁴³.

По словам М.Э. Расулзаде, нация подразумевает единство языка, обычаев и культуры, исторических традиций, а также религии. Именно совокупность этих элементов создает нацию. Хотя, как уже было подчеркнуто, важнейшим признаком, отличающим нацию от национальности, М.Э. Расулзаде считал наличие национального самосознания: «Национальная жизнь возможна лишь в результате развития национального самосознания, под воздействием которого возникает национальная идеология. В свою очередь, национальные идеалы обеспечивают достойное существование нации»⁴⁴.

При этом характерно, что М.Э. Расулзаде относил азербайджанцев ко второй группе – национальности⁴⁵. Тем самым он при-

⁴³ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 468 (на азерб. яз.).

⁴⁴ Там же. С. 469.

⁴⁵ Там же. С. 468.

знавал отсутствие в тот период у азербайджанских тюрков четко выраженной национальной идентичности. Имея в виду азербайджанских тюрков, он писал, что «мы, как и другие российские мусульмане до сих пор придавали значение не национальному, а религиозному фактору. Выпускали тюркскую газету, а называли ее мусульманской. Создавали театры и оперы на тюркском, называя их мусульманским театром и мусульманской оперой. Открывали школы, давая им название русско-мусульманской»⁴⁶.

Далее он подчеркивал, что «хотя все это мы делали на тюркском языке и ради возрождения тюркской культуры, но под влиянием исламского фактора мы считали себя мусульманами, не придавая значения тому, что на самом деле мы являемся представителями тюркской национальности. И до сих пор продолжаем игнорировать эту реальность. Более того, мы даже не протестовали, когда нас называли «татарами» и «персиянами». Виной всему этому является то обстоятельство, что мы не осознали себя как нация». В силу этого М.Э. Расулзаде приходил к выводу о том, что для исправления этой ситуации необходимо развитие национального самосознания и разработка национальной идеологии⁴⁷.

В этой связи М.Э. Расулзаде придавал большое значение поиску путей и способов формирования национальной идеологии. Симптоматично, что он считал создание подобной идеологии отнюдь не стихийным процессом. По его словам, в сердцах и мыслях каждого представителя нации могут быть определенные идеи относительно будущего нации. Однако не каждый из них способен четко сформулировать эти желания, поскольку это под силу только узкому кругу интеллектуальной элиты, призванной стать конструктором и проводником национальной идеи⁴⁸.

Как он отмечал в одной из своих последующих работ, «переход из состояния национальности в нацию является продуктом общего сознания и коллективной воли», которые создаются и пропагандируются интеллигенцией, вступающей на историче-

⁴⁶ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 469 (на азерб. яз.).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 471.

скую арену с разрушением феодальной системы и появлением буржуазии⁴⁹.

По мнению М.Э. Расулзаде, именно в результате деятельности интеллигенции общее сознание и коллективная воля, совершенствуясь и развиваясь, доходят до уровня борьбы за освобождение родины и народа и превращаются в духовную потребность каждого члена этнической общности. И в конечном итоге «национальность обретает решимость трансформироваться в нацию»⁵⁰.

В своей работе «Национальное бытие» М.Э. Расулзаде по этому поводу пишет: «Описанный и сформулированный отдельными личностями, а затем представленный на суд общества проект национальных действий в случае соответствия истинным чувствам и желаниям народа получает широкое распространение и приобретает многочисленных сторонников. В противном же случае, получив лишь поддержку ограниченного круга лиц, он в конечном итоге предается забвению»⁵¹.

М.Э. Расулзаде предлагал начать формирование национального самосознания с восстановления исторической памяти народа. По его мнению, «чтобы обрести величие и силу, нации обращаются за помощью к собственной истории. Даже столкнувшись с угрозой исчезновения в периоды ослабления и угнетения, народы, вспоминая славные страницы прошлого, возрождают в себе надежду на будущее»⁵². По его словам, «нации, исследуя свою историю, на примере своих героев прошлых времен создают идеальную модель, превращая ее в пример подражания для нынешних и будущих поколений»⁵³.

Будучи убежденным в том, что «нет более сильного фактора для единства и культурного развития нации, чем знание собственной истории»⁵⁴, М.Э. Расулзаде вместе с тем прекрасно

⁴⁹ *Resulzade M.E.* Milli Təsanüd. Ankara, 1978. S. 18.

⁵⁰ *A.g.e.* S. 18.

⁵¹ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 471 (на азерб. яз.).

⁵² Там же. С. 483.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 484.

осознавал плачевное состояние дел в области изучения национальной истории. Не случайно с болью в сердце он отмечал, что тюркская молодежь фактически не осведомлена о своей богатой истории⁵⁵.

Поэтому он придавал большое значение в процессе возрождения национального духа детальному и скрупулезному изучению национальной истории, чтобы затем донести ее до народных масс на их родном языке⁵⁶. И выражал уверенность в том, что усилия по воссозданию правдивой национальной истории несомненно «приведут к формированию национального самосознания, которое, в свою очередь, стимулирует массы к новым великим национальным поступкам»⁵⁷.

Другим важным направлением на пути к национальному прогрессу М.Э. Расулзаде считал развитие родного языка, одного из основных в системе образующих элементов этнических общностей. При этом он обращал внимание на значимость языкового фактора в колониальной политике европейских государств. Он подчеркивал, что в древние и Средние века различного рода завоеватели стремились в первую очередь к распространению собственной религии среди поработанных народов, рассматривая это в качестве наиболее надежной гарантии долговечности своего господства. С наступлением же новой исторической эпохи европейские колонизаторы, осознавшие более существенную роль языка в жизни народов по сравнению с религией, внесли соответствующие коррективы в свою колониальную политику. Так, в значительной степени отказавшись от целенаправленного давления на религию поработанных народов, по крайней мере не предпринимая чрезмерных усилий в данном направлении, европейские колонизаторы направили главный удар на этнические ценности и прежде всего на национальные языки, составляющие стержень системы этнизации этих народов. В этой связи неудивительно, что приоритетным направлением колониальной

⁵⁵ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 485 (на азерб. яз.).

⁵⁶ Там же. С. 472.

⁵⁷ Там же.

политики европейских держав стала политика языковой ассимиляции поработанных народов.

М.Э. Расулзаде считал, что подобная политика европейских колонизаторов, препятствуя естественному развитию и усовершенствованию языков поработанных народов, в конечном итоге ведет к их окончательному упадку. В силу этого он придавал большое значение развитию национального языка в процессе возрождения и прогресса колониальных народов, включая азербайджанских тюрков.

И первоочередной задачей в этой области, по его мнению, являлось очищение словарного состава азербайджанского языка от чрезмерного засилья иностранных заимствований, и в первую очередь от арабизмов, русизмов и фарсизмов. Причем М.Э. Расулзаде считал источником замены иностранных заимствований в национальном языке «не древнеуйгурский и джыгатайский языки и не говоры казанских и оренбургских татар, а местные наречия азербайджанских тюрков»⁵⁸. С этой целью он советовал подвергнуть глубокому научному исследованию как местные наречия, так и богатейшие образцы народного фольклора азербайджанских тюрков⁵⁹. Это было проявлением первых зачатков азербайджанской национальной идентичности.

Безусловно, в своей работе «Национальное бытие» М.Э. Расулзаде еще не дошел до однозначного признания азербайджанской национальной индивидуальности, но был близок к признанию этой идентичности в языковых вопросах. В частности, его стремление защитить национальный язык от внешних культурных влияний, в том числе со стороны турко-османского языка, будучи проявлением лингвистического партикуляризма и противодействия попыткам османизации, было зародышем идеи формирования азербайджанской нации, которая сложилась спустя несколько лет.

Анализируя происходящие на мировой арене процессы, М.Э. Расулзаде в первом номере газеты «Ачыг соз» прогнози-

⁵⁸ Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX вв. Баку, 2005. С. 60.

⁵⁹ Там же.

ровал кардинальное изменение политической карты мира по окончании Первой мировой войны. Указывая на усиление роли национального фактора в современных политических процессах, он писал: «...то новое обличье, которое обретет карта мира, будет зависеть не только от самоотверженности граждан, организованности государств и мощи армий, но в значительной степени – от национальных идеологий, столь открыто и решительно заявивших о себе»⁶⁰. И предупреждал, что «из этого исторического испытания с честью выйдут только те государства, в основе которых лежит национальное начало или же в их системе управления этому началу придается должное значение»⁶¹.

М.Э. Расулзаде предсказывал, что в послевоенном устройстве Европы преимуществом будут обладать «нации, по достоинству осознавшие себя и сформулировавшие определенную идеологию для достижения независимости»⁶². Тем самым М.Э. Расулзаде, хотя и в несколько закамуфлированной форме, подчеркивал необходимость создания национального государства.

Он предупреждал, что никто «не будет считаться с нациями, которые не объединены единым духом и коллективной волей», и эти общности вряд ли смогут донести свой голос до мировой общности. Поэтому М.Э. Расулзаде призывал своих соплеменников к «объединению вокруг конкретных идей и задач»⁶³.

Именно на решение этой задачи была направлена вся деятельность учрежденной в октябре 1915 года М.Э. Расулзаде газеты «Ачыг соз». К тому моменту давно уже сформировавшееся Азербайджанское национальное движение, по выражению М. Мамедзаде, напоминало «безымянного героя»⁶⁴, поскольку оно еще не имело собственного названия. Пытаясь заполнить этот вакуум, газета «Ачыг соз» повсеместно меняла понятия «мусульманин» и «татарин» термином «тюрк». Обращаясь к народу, газета писала: «По

⁶⁰ «Ачыг соз». 1915. 2 октября (на азерб. яз.).

⁶¹ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 30.

⁶² «Ачыг соз». 1915. 2 октября (на азерб. яз.).

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 52.

языку мы – тюрки, наша национальность – тюркская»⁶⁵. Таким образом, тюркскую самоидентификацию газета использовала для последующего утверждения азербайджанской идентичности⁶⁶.

Между тем распространение национальных идей среди азербайджанских тюрков сильно тревожило царские власти. Еще в 1913 году кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков в своем отчетном докладе царю с тревогой отмечал, что если нам следует опасаться сепаратизма среди различных народов Кавказа, то только со стороны мусульман, т.е. азербайджанских тюрков, поскольку «армяне и грузины прекрасно понимают, что вне России они были бы поглощены мусульманами». При этом он особо отмечал, что «среди культурных слоев мусульманства начинают развиваться идеи национального самосознания, что особенно опасно для интересов России»⁶⁷.

Поэтому становление национальной идеологии в Азербайджане происходило в особенно неблагоприятных условиях, поскольку, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «мусульманский Азербайджан больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима»⁶⁸.

Однако царская администрация была бессильна перед объективным ходом исторических процессов. Как выше было отмечено, уже в первом номере газеты «Ачыг соз» М.Э. Расулзаде говорил о важности национальной независимости как необходимого условия перехода от уровня национальности к нации. А до этого, еще в статье «Национальное бытие», М.Э. Расулзаде особо подчеркивал, что только национальная государственность способна обеспечить неприкосновенность национальной самобытности⁶⁹. В дальнейшем М.Э. Расулзаде еще больше конкретизировал эту

⁶⁵ «Ачыг соз». 1915. 2 октября (на азерб. яз.).

⁶⁶ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 52.

⁶⁷ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 9.

⁶⁸ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // «Вопросы истории». 2002. № 2. С. 13.

⁶⁹ *Расулзаде М.Э.* Произведения. Т. 2. С. 466.

свою мысль, утверждая, что «нация – это национальность, продемонстрировавшая свою решимость создать государство»⁷⁰.

Правда, в период до Февральской революции 1917 года М.Э. Расулзаде публично не выдвигал идею создания национального государства азербайджанских тюрков. Ведь для возникновения настоящей политической программы требуется известный минимум внешних условий, которые в тогдашней России полностью отсутствовали. Достаточно отметить, что в годы Первой мировой войны территория Южного Кавказа составляла прифронтовую полосу и здесь действовали законы военного времени. По этой причине жестко пресекались малейшие проявления недовольства и нелояльности среди народов Южного Кавказа, не говоря уже о стремлении к политической независимости. Соответствующий «политический климат», необходимый для выдвижения требований создания национальной государственности, в России появился лишь с победой Февральской революции 1917 года.

§ 3. Февральская революция и завершение процесса перехода от тюркизма к азербайджанизму

Первая мировая война до крайности обострила социально-экономические, политические и национальные проблемы в Российской империи. По сравнению с другими воюющими государствами последствия войны для России оказались особенно катастрофическими. Царское правительство проявило полную беспомощность и неспособность в управлении страной в условиях военного времени. В результате многочисленных провалов во внешней и внутренней политике царизма (неудачи на фронте, сопровождавшиеся огромными людскими потерями, хозяйственная разруха, голод, усиление национального гнета и т.д.) системный кризис в империи, охвативший все сферы жизнедеятельности общества, к началу 1917 года достиг своей кульминации.

⁷⁰ *Resulzade M.E. Milli Təsanüd. S. 20, 25.*

Именно глубиной кризисных явлений объясняется относительно быстрое и безболезненное свержение самодержавия в феврале 1917 года. Даже наиболее преданные сторонники самодержавия, понимая его обреченность, не предприняли решительных шагов для его спасения.

Одной из главных причин, приведших к краху самодержавия, был национальный фактор. В этой связи неудивительно, что, анализируя состояние Российской империи в начале XX века, Д.П. Кончаловский приходит к выводу о том, что «накануне Первой мировой войны у царского режима были серьезные шансы справиться с социальными проблемами, с проблемами революционной интеллигенции, с проблемой экономического развития, но не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос». По его убеждению, именно национальные проблемы «перекрывали все пути эволюции» царского режима, поскольку не только черносотенный национализм П. Столыпина, но и его «либеральная, демократическая, прогрессивная альтернатива, представляющая собой возможное решение всех прочих проблем, не давала решения национального вопроса и в результате вела к распаду империи»⁷¹.

Отмечая роль национального фактора в свержении самодержавия, М.Э. Расулзаде писал: «Февральская революция свершилась в результате все нарастающего напора двух важнейших сил: с одной стороны, обездоленные классы, а с другой стороны, поработанные народы требовали свои права»⁷². В этом плане вполне естественно, что революция была встречена с большим воодушевлением во всех колониальных окраинах Российской империи, в том числе в Азербайджане.

Правда, сформированное 2 марта 1917 года Временное правительство в целом придерживалось политики полумер и оттяжек, откладывая решение всех главных проблем, в том числе национального вопроса, до Учредительного собрания. Но тем не

⁷¹ Цит. по: *Буровский А.М.* Крах империи, М., 2004. С. 230.

⁷² *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская Республика. Баку, 1990. С. 28 (на азерб. яз.).

менее ради справедливости следует признать, что уже в течение марта 1917 года оно издало серию декретов и распоряжений, демократическая направленность которых не вызывала сомнений.

В частности, согласно постановлению «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 года были ликвидированы «все установленные действующими законодательствами ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности»⁷³. Были также аннулированы все запреты, связанные с выбором места жительства, передвижением, приобретением собственности и т.д., установленные для представителей национальных и религиозных меньшинств. Кроме того, были упразднены все ограничения для национальных меньшинств в армии, гражданской администрации, судебных ведомствах и т.п., а также была отменена процентная норма при приеме в учебные заведения⁷⁴.

Данное постановление, несомненно, не могло полностью удовлетворить представителей национальных меньшинств России, так как в нем ничего не говорилось о праве поработанных народов империи на самоопределение, о создании условий для функционирования национальных языков в сфере образования и т.д. Тем не менее даже эти половинчатые меры Временного правительства способствовали созданию хотя бы минимальных условий для политической деятельности и стимулировали развертывание процессов политизации этничности в колониальных окраинах империи.

Политизированная этничность, как известно, означает: 1) предоставление людям возможности осознать роль политики для сохранения их этнокультурных ценностей и наоборот; 2) стимулирование их внимания к этой взаимосвязи; 3) их мобилизацию на формирование этнических групп, обладающих данным самосознанием; 4) направление их поведения в сферу поли-

⁷³ «Вестник Временного правительства». 1917. 22 марта.

⁷⁴ Там же.

тической деятельности, опираясь на это осознание и групповое самосознание⁷⁵.

Именно интенсивные процессы политизации этничности привели после Февральской революции к невиданному росту национальных движений в колониальных окраинах бывшей Российской империи, в том числе и в Азербайджане. Тем более что декрет Временного правительства «О собраниях и союзах» предоставил всем гражданам страны право образовывать союзы и проводить собрания. Согласно этому документу, не допускалось никаких политических мотивов для закрытия союзов, а их деятельность могла быть приостановлена только решением суда⁷⁶.

Этот декрет позволил легализовать деятельность национальных партий и организаций, которые до Февральской революции вынуждены были действовать в глубоком подполье. По всей стране появились десятки новых политических, культурных и образовательных организаций национальной ориентации. Национальные силы Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде не преминули воспользоваться ситуацией для ускорения и углубления процессов нациестроительства среди азербайджанских тюрок.

Если до февраля 1917 года азербайджанские лидеры ограничивались требованиями создания соответствующих условий для свободного развития азербайджанской культуры и языка, отмены национально-правовых ограничений, то в условиях активизации этнополитических процессов в Российской империи после свержения самодержавия они принялись за политическое конституирование азербайджанцев как самостоятельной и самобытной нации. Подтверждением тому является выдвижение на передний план в программе национального движения принципов национального самоопределения и провозглашение требования предоставления территориальной автономии Азербайджану в рамках Российского государства.

⁷⁵ Rotchild. *Ethnopolitics J.* A Conceptual Framework. New York, 1981. P. 6.

⁷⁶ Долгачев И.Н. Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1995. С. 19.

Чешский историк М. Хрох разработал периодизацию эволюции национальных движений. По его мнению, в фазе пробуждения национального движения у небольшой группы местной интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа. На данном этапе эта идентичность как массовое явление еще не существует. Поэтому во второй фазе агитации национальное самосознание распространяется в широких слоях этого этноса, а в фазе массового движения народ охватывает идея национального единства, и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость⁷⁷.

В этом отношении с победой Февральской революции азербайджанские турки вступили в стадию политической мобилизации, хотя следует признать, что задачи культурного и агитационного периода еще не были окончательно решены. Поэтому азербайджанской элите приходилось действовать одновременно на нескольких фронтах и параллельно решать задачи формирования национального самосознания, его распространения среди народных масс путем агитации, а также их политической мобилизации с целью достижения независимости⁷⁸.

Первая политическая программа Азербайджанского национального движения с требованием создания национальной государственности в форме территориальной автономии была сформулирована и утверждена вскоре после Февральской революции на проходившем с 15 по 20 апреля 1917 года в Баку I Общекавказском мусульманском съезде. Еще накануне открытия съезда, говоря об основных его задачах и целях, М.Э. Расулзаде писал: «Этот съезд, вместе с выражением настроений и чувств кавказских мусульман по поводу текущих событий и их отношения к ним, должен открыто выставить их политические и национально-культурные стремления»⁷⁹.

⁷⁷ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 124–125.

⁷⁸ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 12.

⁷⁹ «Каспий». 1917. 19 апреля.

Несмотря на то что на съезде был представлен весь спектр азербайджанских политических сил во всем его многообразии – от исламистов до социалистов и большевиков, ключевую роль в выработке съездом основных «политических стремлений азербайджанских тюрков», несомненно, сыграл М.Э. Расулзаде, который к тому времени уже считался одним из лидеров Азербайджанского национального движения.

Не случайно, что право выступить с докладом по главному вопросу повестки дня съезда, политическому устройству страны, было предоставлено М.Э. Расулзаде. Это было свидетельством признания его неоспоримых заслуг в освободительной борьбе, в том числе со стороны его политических оппонентов. В своем докладе на съезде М.Э. Расулзаде, проанализировав текущую ситуацию, сформулировал национально-политические задачи азербайджанского народа на ближайшую перспективу. И самое главное, он в аргументированной форме обосновал необходимость создания собственной государственности азербайджанских тюрков в форме национально-территориальной автономии.

В своем выступлении он отметил, что централизация власти в таком территориально обширном, а в национальном отношении – разнородном государстве, как Россия, не соответствует началам свободного общежития народов и поэтому непригодна для нормального развития государственной жизни России. «Сама история, – подчеркнул М.Э. Расулзаде, – на примере Тамерлана, Чингисхана, Александра Македонского и римских императоров свидетельствует о том, что никакая сила, кроме свободно выраженного желания составить государственный союз, не может создать прочного единения между отдельными национальностями, входящими в государство»⁸⁰.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде потребовал предоставления национальным группам России права на самоопределение. Обособленные таким путем отдельные народы России, по его мнению, затем должны были образовать государственный союз в

⁸⁰ «Каспий», 1917. 19 апреля.

форме федеративной демократической республики. За исключением внешней политики, проблем войны и мира, а также управления общегосударственным достоянием (железные дороги, почта, телеграф и т.д.), решение всех остальных вопросов находилось в компетенции органов управления автономными единицами. Для решения вопросов, входивших в компетенцию федеративных органов, предполагалось образовать общесоюзный совет из представителей всех территориальных автономий⁸¹.

Несмотря на противодействие исламистов и представителей различных социалистических группировок, съезд большинством голосов поддержал предложение М.Э. Расулзаде. В принятом решении отмечалось, что «наиболее подходящей формой государственного устройства России является демократическая республика на территориально-федеративных началах»⁸².

Симптоматичный случай произошел на съезде после выступления двух женщин-азербайджанок – Ш. Эфендизаде и С. Талышхановой, горячо встреченных делегатами. Выступивший после них бывший бакинский казий Ага Мирмамед Керим осудил этих женщин за их выступления с открытым лицом перед мужчинами как противоречащее догматам шариата, чем вызвал бурное негодование делегатов. Почти весь зал с возгласами «долой» заставил оратора спуститься с трибуны. По инициативе М.Э. Расулзаде съезд принял резолюцию по женскому вопросу, в которой отмечалась, что «когда женщины всех остальных народов наравне с мужчинами участвуют в общественно-политической жизни, способствуя тем самым успеху своей нации, азербайджанки не могут и не должны оставаться в затворничестве». В резолюции подчеркивалась необходимость «уравнения азербайджанок в политических и гражданских правах с мужчинами»⁸³.

Таким образом, впервые в истории национальных движений мусульманских и тюркских народов Российской империи было выдвинуто требование предоставления азербайджанцам

⁸¹ «Каспий». 1917. 19 апреля.

⁸² «Каспий». 1917. 21 апреля.

⁸³ «Каспий». 1917. 19 апреля.

национально-территориальной автономии. Выдвижение данной идеи было одним из проявлений осознания, по крайней мере со стороны азербайджанской интеллигенции, собственной национальной идентичности, отличной от других мусульманских и тюркских народов. Это было также признаком окончательного перехода азербайджанской политической элиты от тюркизма к азербайджанизму. Тюркизм превратился лишь в один из компонентов национальной идентичности азербайджанцев, представлявшей исключительно культурную ценность.

И с этого момента требование национально-территориальной автономии стало главной целью национального движения. Значимость этого решения еще больше возрастает на фоне того факта, что в то время подавляющее большинство политических сил Азербайджана выступало против идеи национальной государственности в форме национально-территориальной автономии. Эти разногласия между различными политическими силами Азербайджана были отражением общей ситуации, сложившейся весной 1917 года в освободительном движении мусульманских народов России, внутри которого шла острая борьба между унитаристами и федералистами. В отличие от федералистов унитаристы предлагали мусульманским народам довольствоваться национально-культурной автономией в рамках централизованного Российского государства.

Это было противостоянием не только двух непримиримых политических направлений, отстаивающих противоположные доктрины будущего государственного устройства – сторонников автономного национально-государственного развития тюркских и мусульманских народов России с поборниками полной интеграции этих народов в российские государственные структуры, но и двух типов идентичности – религиозного и национального. Ведь, по сути, речь шла о двух различных подходах – религиозном и национальном – к решению проблем поработенных народов, для которых было характерно разное видение перспектив нациестроительства среди мусульманских народов России.

В этом смысле противостояние между унитаристами и федералистами было отголоском продолжающейся борьбы между

исламистами и националистами. Поэтому не случайно, что немалую часть унитаристов составляли исламисты, которые, выступая за культурную автономию, исходили из того, что все мусульмане России составляют единую нацию. Из тактических соображений серьезную поддержку в этом вопросе исламистам оказывали представители различных социалистических течений, которые всерьез были обеспокоены тем, что федеративная форма правления в России приведет к тому, что народы разбегутся по отдельным «национальным квартирам». А это, в свою очередь, могло еще больше актуализировать национальные проблемы, отодвинув на второй план классовые вопросы. И путем противодействия идее национально-территориальной автономии социалисты пытались не допустить развития событий в данном направлении, поскольку это привело бы к неминуемому ослаблению их политических позиций.

Именно это обстоятельство способствовало формированию весной 1917 года тактического союза исламистов и социалистов различного толка против идеи федерализации России. При этом первые обвиняли сторонников этой идеи в разобщении мусульманских народов России, а вторые – в попытке раскола революционного движения.

Представители этих противоположных направлений в вопросе национально-государственного устройства России столкнулись в решающей схватке на I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем с 1 по 11 мая 1917 года в Москве. Основным докладчиком от унитаристов на съезде выступил Ахмед Цаликов. Примечательно, что А. Цаликов вовсе не отрицал значимость создания национального государства. Наоборот, он открытым текстом заявил, что для достижения «концентрации всей политической силы какой-либо страны необходимо создать национальное государство». Правда, тут же он делал оговорку, что из-за своей отсталости «российским мусульманам не приходится думать об организации единого национального государства»⁸⁴.

⁸⁴ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. Ankara, 1990. S. 288.

Поэтому А. Цаликов предлагал идти по другому пути и «создать такую обстановку, чтобы мусульмане могли оказывать влияние на Российское государство». Он был искренне убежден в том, что именно демократическая Россия может стать надежной союзницей исламского мира и способствовать его возрождению. Для реализации этой цели, по мнению А. Цаликова, «необходимо было сохранить единство, целостность и могущество России». Он опасался, что раздробление России на мелкие национальные единицы приведет к соперничеству и конкуренции между различными народами, а это осложнит, или же сделает вовсе невозможным, развитие российских мусульман «по пути свободы»⁸⁵.

Поэтому А. Цаликов считал, что «образование единого централизованного государства в России будет способствовать формированию многомиллионной мусульманской демократии, которая, возглавив российскую государственность, сможет направить ее внутреннюю и внешнюю политику в сторону удовлетворения нужд мусульманских народов страны»⁸⁶.

Оставив в стороне утопичность подобного утверждения, отметим, что оно было проявлением очень популярной в начале XX века в определенных мусульманских кругах «идеи дружбы и союза между исламским миром и Россией». Несмотря на многовековую борьбу между исламским миром и Россией, сторонники этой идеи считали славян и мусульман естественными союзниками в противодействии экспансии европейских держав. При этом они исходили из сродства судеб и общности интересов славянского и тюрко-исламского мира. Они считали, что «славяне точно так же, как и тюрки-мусульмане, не смогли, противодействуя влиятельным и сильным союзам, объединиться и образовать одно сильное государство и остались раздробленными, и вследствие этого большинство из них попало под власть других более сильных народов»⁸⁷.

⁸⁵ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. Ankara, 1990. S. 289.

⁸⁶ A.g.e. S. 290.

⁸⁷ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // «Русская мысль», 1909, № 7. С. 58.

Активным пропагандистом идеи славяно-тюркского союза была газета «Терджуман». В одной из публикаций газеты, посвященной этой проблеме, в частности, подчеркивалось: «Тюрки-мусульмане и славяне образуют середину между двумя человеческими муравейниками, европейцами и китайцами. В этой широкой равнине Европа и Китай их не оставят в покое. С обеих сторон они хлынут как наводнение, все зальют и подавят. Но европейцы не только покорят грубой силой, они возьмут население в плен своей культурой и своим капиталом». Поэтому газета считала, что «русские и мусульмане должны приготовиться рука об руку встретить нашествие Гога и Магога»⁸⁸.

Свое негативное отношение к реорганизации Российского государства на территориально-федеративных началах А. Цаликов аргументировал также тем, что «территориальный федерализм раздробит политические силы мусульман в России и культурно разобьет отдельные ветви мусульманского населения. В политическом плане это раздробление приведет к тому, что вместо единого национально-политического центра в общероссийском парламенте возникнут несколько региональных центров, каждый из которых будет вести свою собственную политику»⁸⁹. И в конечном итоге «культурное разобщение выразится во всеобщем отчуждении друг от друга различных тюркских ветвей и тюрков с не тюрками»⁹⁰.

Будучи последовательным сторонником концепции «единой мусульманской нации», А. Цаликов больше всего был обеспокоен тем, что в результате реализации принципа федерализма «мусульмане России расчлняются на многочисленные племена и взамен мусульманского единства возникнут чувства татарства, туркменства, казахства, крымства, башкирства, таджикства и азербайджанства»⁹¹. При этом он утверждал, что федерализация

⁸⁸ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // «Русская мысль», 1909, № 7. С. 59.

⁸⁹ Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920). Оксфорд, 1985. С. 14.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 146–147.

России, «ослабляя политическую мощь и возможности культурного развития мусульман, в конечном итоге служит империалистическим планам «разделяй и властвуй» и поэтому не соответствует интересам широких слоев мусульманского населения»⁹².

К тому же А. Цаликов считал, что федерализация страны помешает выполнению российскими мусульманами своей исторической миссии. Имея в виду российских мусульман, он подчеркивал, что «... мы стоим на грани двух культур – культуры христианского Запада и культуры мусульманского Востока. Стоя на почве культуры ислама, мы соприкасаемся с самыми величайшими идеями свободы и счастья людей, которыми озарена мысль Запада, и перед нами, российским мусульманством, открывается величайшая миссия распространить на весь мусульманский мир те блага культурного и политического возрождения, которыми мы пользуемся»⁹³.

А. Цаликов пытался убедить делегатов съезда в том, что в случае федерализации России «выполнить исторические задачи свободного российского мусульманства – возрождение великой культуры Азии и политическое освобождение народов ислама от гнета европейской буржуазии – будет трудно»⁹⁴.

Опираясь на эти аргументы, А. Цаликов в конце своего выступления констатировал, что «разрешение национального вопроса в России возможно только в форме национально-культурной автономии мусульман с созданием центрального органа – мусульманского национально-культурного парламента»⁹⁵.

В своем выступлении на съезде, отражающем позицию федералистов и Азербайджанского национального движения, М.Э. Расулзаде убедительно доказал всю несостоятельность подхода А. Цаликова и его единомышленников к проблемам националь-

⁹² Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920). С. 15.

⁹³ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 290.

⁹⁴ Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920). С. 14.

⁹⁵ Там же. С. 15.

но-государственного развития мусульманских народов России. Он убедительными фактами доказал, что унитаристы во главе с А. Цаликовым, по сути, пытаются препятствовать процессу развития национальной идентичности у отдельных мусульманских и тюркских народов России.

В отличие от А. Цаликова, для которого конечной целью было культурное и политическое возрождение мусульманского мира, М.Э. Расулзаде уже в начале своего выступления заявил, что он видит будущее человечества в форме свободной федерации наций.

Указав на ошибочность позиции унитаристов в отношении понятия «нация», М.Э. Расулзаде, в частности, сказал: «Иногда можно услышать, что ислам является олицетворением нации. Говорят, что ислам, в отличие от христианства, ставит своих приверженцев в положение национальности, поскольку если спросить любого тюрка, какой он национальности, то он ответит: я мусульманин. Но это ошибочная точка зрения. У людей всегда существует национальное чувство, и оно всегда было связано с их племенной принадлежностью.

Нет сомнения, что ислам, подобно другим религиям, пробудил среди своих приверженцев взаимную связь. Но эта солидарность является признаком не национальности, а интернационализма. Подобно тому как эта связь создала среди христианских народов христианскую культуру, точно так же ислам создал среди народов, принявших эту религию, – мусульманскую культуру. Однако это не означает, что ислам мог организовать из своих приверженцев единую нацию. Подобно тому как нет христианской нации, так же не существует мусульманской нации, а есть нации, исповедующие ислам»⁹⁶. М.Э. Расулзаде вновь напомнил, что главным признаком нации является не общность религии, а единство языка, истории, обычаев и традиций⁹⁷.

Развивая свою мысль, М.Э. Расулзаде вышел далеко за рамки традиционной концепции о «единой тюркской нации» и фактически подтвердил национальную самобытность отдельных

⁹⁶ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 298.

⁹⁷ A.g.e. S. 164.

тюркских народов. В частности, он заявил: «Тюрко-татарские нации имеют единое происхождение. Вместе с тем неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. В настоящее время у поволжских татар имеются собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов, подчинившись насилию, не согласится отказаться от своей сущности. Точно так же и азербайджанские тюрки не откажутся от своего языка, литературы и обычаев»⁹⁸.

Эти глубоко продуманные высказывания М.Э. Расулзаде являются иллюстрацией того, что процесс вычленения азербайджанского самосознания из общемусульманского и общетюркского сознания приобрел необратимый характер. Безусловно, можно спорить о степени зрелости на тот момент национальной идентичности у азербайджанцев, а также о масштабах распространения этого явления среди народных масс. Но ее наличие было уже неоспоримым фактом.

М.Э. Расулзаде подчеркнул, что «формой государственного управления России должна быть демократическая республика, так как многонациональное государство с населением 170 млн человек, занимающее одну шестую часть суши и простирающееся от Камчатки до Черного моря и от Архангельска до границы с Ираном, не может управляться из единого центра. Поэтому формой государственного устройства России, безусловно, должна быть федерация»⁹⁹. Азербайджанский лидер считал, что «Россия должна стать таким зданием, в котором каждая нация имела бы принадлежащую ей собственную квартиру». На основании этих аргументов М.Э. Расулзаде предложил создать национально-территориальные автономии для Азербайджана, Туркестана, Киргизии¹⁰⁰.

Отвергая все домыслы унитаристов о нецелесообразности и даже вредности федерализации России для развития демократии

⁹⁸ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 166.

⁹⁹ A.g.e. S. 163–164.

¹⁰⁰ A.g.e.

и решения важнейших социально-экономических проблем среди мусульманских народов страны, М.Э. Расулзаде подчеркнул, что «все права человека и демократические свободы, закрепленные в федеральной конституции, будут обязательны для автономий»¹⁰¹. Тем самым была продемонстрирована несостоятельность одного из главных аргументов унитаристов в пользу централизованного государства в России.

Фактически отрицая возможность независимого существования и развития мусульманских и тюркских народов России, унитаристы, сами того не осознавая, подтверждали старые измышления о неспособности этих народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Не случайно, выступая на съезде, М.Э. Расулзаде заявил, что «полагаясь на совесть Керенского, нам не следует полностью подчинять свою судьбу русской демократии. Необходимо верить в способность нации управлять собою. Нация, отчаявшаяся в собственных возможностях и связывающая все надежды на осуществление своих чаяний с другими, не может существовать как нация»¹⁰².

М.Э. Расулзаде подчеркивал, что будущая российская государственность должна покоиться на двух началах. Это – общечеловеческие интересы, с одной стороны, и свобода развития отдельных национальностей – с другой. С этой точки зрения он считал, что именно территориальная федерация создает оптимальные условия для свободного национального развития мусульманских и тюркских народов России, а также для раскрытия их потенциальных возможностей в различных сферах жизни общества.

Что же касается единства тюркских народов, то М.Э. Расулзаде предложил организовать национальный совет из представителей будущих автономных единиц «для осуществления общекультурных национальных задач». Тем самым азербайджанский лидер еще раз продемонстрировал, что является сторонником не политического, а исключительно культурного единства тюркских народов.

¹⁰¹ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 295.

¹⁰² A.g.e. S. 297.

Позиция М.Э. Расулзаде была поддержана большинством делегатов съезда. В частности, возражая унитаристам, представитель казахской делегации Дж. Досмухамедов заявил: «Цаликов пытается создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы. Такова суть его доклада. Но возможно ли это? Безусловно, нет! Господин Цаликов не знает, что означает нация»¹⁰³.

Тем не менее с целью согласования компромиссного варианта текста резолюции о государственном устройстве России была образована специальная комиссия. Однако в ходе ожесточенных дискуссий, которые продолжались в течение нескольких дней, делегатам съезда так и не удалось прийти к общему знаменателю в данном вопросе. В конечном итоге было принято решение о внесении на рассмотрение делегатов съезда одновременно двух резолюций, отражающих позиции унитаристов и федералистов. Их авторами являлись соответственно А. Цаликов и М.Э. Расулзаде. 7 мая 1918 года на пленарном заседании съезда большинством голосов (446 – за, 271 – против) была принята резолюция, подготовленная М.Э. Расулзаде. В ней говорилось: «...формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах»¹⁰⁴. За резолюцию А. Цаликова проголосовало меньшинство съезда (271 – за, 490 – против)¹⁰⁵.

Некоторые «исследователи», выступая с позиции сегодняшних реалий, обвиняют М.Э. Расулзаде в том, что он ограничился лишь требованием национально-территориальной автономии и не выступил за полную политическую независимость Азербайджана. При этом игнорируется тот факт, что весной 1917 года за исключением поляков и финнов, которые являлись уже достаточно зрелыми и сформировавшимися нациями, остальные народы России не требовали политической независимости. Например, ведущие политические силы Грузии и Армении ограничи-

¹⁰³ Rusiya'da Birinci Müslüman Kongresi. S. 246.

¹⁰⁴ Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920). С. 11.

¹⁰⁵ Там же. С. 12.

вались лозунгом национально-территориальной автономии. Как отмечал в этой связи М.Э. Расулзаде, в тот момент «даже грузины, считавшие себя лидерами кавказской демократии, не стояли на позиции независимости». Более того, обладавшие в то время высоким авторитетом среди народных масс грузинские меньшевики считали «вредным» для революционного дела даже идею федерализации России и «не гнушались при этом применением физической силы в отношении грузинских федералистов, требовавших автономию для Грузии»¹⁰⁶.

К тому же М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что при слабой центральной власти процесс федерализации неизбежно приведет к распаду страны и приобретению политической независимости национальными окраинами.

Следует обратить внимание и на особую позицию азербайджанских представителей при обсуждении на съезде вопроса создания Всероссийского мусульманского совета с целью «объединения российских мусульман под общим политическим флагом» путем формирования «общей линии поведения и солидарных действий всех политических партий и организаций, имеющих место в среде российских мусульман»¹⁰⁷.

Азербайджанские лидеры довольно скептически отнеслись к этой идее, поскольку они считали, что подобный орган может принести пользу только в плане координации религиозной и культурной жизни автономных территорий, а не в области политической деятельности. По их мнению, условия борьбы, уровень зрелости, цели и задачи освободительной борьбы у отдельных мусульманских народов России сильно различались, что делало практически невозможным выработку единого политического курса.

Азербайджанские лидеры во главе с М.Э. Расулзаде понимали тюркское и мусульманское единство прежде всего как совместную борьбу за общие цели освобождения этих народов от

¹⁰⁶ *Расулзаде М.Э. Идеология независимости и молодежь // «Азадлыг», 1990, 31 декабря (на азерб. яз.).*

¹⁰⁷ Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920). С. 30.

колониального ига, при этом подчеркивая право каждого из них на самостоятельное национальное существование. В подобном контексте данная идея, придавая устойчивость и внутреннюю цельность движению тюркских и мусульманских народов, позволяла спаянным блоком идти к реализации своих конкретных национальных целей.

В силу этого в ходе прений на съезде по данному вопросу азербайджанские делегаты выразили сомнение в целесообразности создания единого политического центра для всех российских мусульман. Исходя из этих соображений, азербайджанские представители отказались от участия в формировании Всероссийского мусульманского совета. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться унитаристы. 11 мая 1917 года на пленарном заседании съезда был сформирован Всероссийский мусульманский совет из 30 человек, выбравший свой исполнительный комитет в составе 12 человек. Как и следовало ожидать, унитаристы получили большинство в созданном совете, а Ахмед Цаликов был избран председателем Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета.

Впрочем, дальнейшее развитие событий очень скоро доказало правоту азербайджанских лидеров. Уже к концу лета 1917 года Всероссийский мусульманский совет оказался без опоры, продолжая существовать лишь на бумаге и в выступлениях его руководителей. К тому времени национальные организации в мусульманских регионах, и прежде всего в Закавказье, Крыму и Туркестане, полностью сосредоточились на решении местных проблем, абсолютно забыв о существовании Всероссийского мусульманского центра.

Неудивительно, что подавляющее большинство представителей этих регионов проигнорировали работу II Всероссийского мусульманского съезда, проходившего с 21 по 31 июля 1917 года в Казани. Азербайджанцы, крымские татары и туркестанцы, по выражению Садри Максуди, не захотели «подчинить свои племенные интересы общемусульманским» и не приехали на съезд. Воспользовавшись этим, Ахмед Цаликов и его сторонники попытались подвергнуть ревизии решения предыдущего московского съезда российских мусульман, и в значительной степени им уда-

лось достичь своей цели. Принятое II Всероссийским мусульманским съездом решение уже предусматривало предоставление «широкой национально-культурной автономии для мусульман внутренней России и Сибири»¹⁰⁸. Правда, при этом съезд предоставил «решение вопроса о форме правления Туркестана, Киргизии, Кавказа и Крыма самому населению этих окраин»¹⁰⁹.

В ходе казанского съезда А. Цаликов, считавший «вредной и иллюзорной саму идею самостоятельных ханств, эмиратств и республик на окраинах, а федерализм неприемлемым для культурных и политических целей мусульман», не сдержался от язвительных выпадов в адрес М.Э. Расулзаде и его последователей из числа национальных федералистов. В частности, в одном из своих выступлений на этом съезде А. Цаликов с сарказмом заявил: «Конечно, понятна внутренняя сущность деятелей этих племенных и окраинных сепаратистов. Бессильные работать на общей почве, они ищут приходского главенства – это Робеспьеры Чебоксар и Тетюшей... Вред, который приносит общему делу бесчестюбия этих лиц, неисчислимо, но нужно думать, что здоровый инстинкт народных масс направит их работу по руслу единения мусульманской демократии. Иначе гибель и позор мусульманам России!»¹¹⁰ Однако победа, одержанная на казанском съезде унитаристами над «племенными националистами», оказалась «пирровой», так как жизнь доказала всю несостоятельность их замыслов.

Ирония судьбы заключается в том, что даже наиболее последовательные сторонники идеи национально-культурной автономии, включая самого А. Цаликова, спустя буквально несколько месяцев после казанского съезда российских мусульман, были вынуждены под давлением реалий жизни признать ошибочность своей позиции и переключиться на реализацию идей тех же «окраинных Робеспьеров» по федерализации России.

¹⁰⁸ Программные документы мусульманских политических партий (1917–1920). С. 41.

¹⁰⁹ Там же. С. 14.

¹¹⁰ Цит. по: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.), М., 2004. С. 242.

Так, 5 января 1918 года на заседании Всероссийского Учредительного собрания А. Цаликов выступил с «Декларацией мусульманской социалистической фракции», лидером которой он являлся. В ней констатировалось, что «Совет народных комиссаров оказался бессильным обеспечить народам России свободное развитие и осуществление ими всей полноты национального творчества». Поэтому в декларации требовалось «признать Россию федеративной республикой и санкционировать Учредительным собранием как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в части штата «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанского» и других»¹¹¹.

А уже весной 1918 года, после роспуска Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета, декретом Наркомнаца РСФСР от 22 мая 1918 года А. Цаликов, вернувшийся на Кавказ, стал одним из руководителей Горской республики. В дальнейшем А. Цаликов принимал активное участие в организации вооруженной борьбы кавказских горцев за независимость от России и даже в 1919 году был направлен из Тифлиса в Дагестан для руководства восстанием горцев против армии генерала А.И. Деникина.

Таким образом, М.Э. Расулзаде не только смог правильно определить стратегическое направление развития процессов национально-политического строительства среди мусульманских народов России, но и своей общественно-политической деятельностью значительно ускорил эти процессы. Ведь во многом благодаря его усилиям на московском съезде российских мусульман победила идея не единой мусульманской нации, а проект формирования отдельных наций на основе существовавших в России мусульманских и тюркских этнических общностей.

В этом отношении М.Э. Расулзаде не только впервые выдвинул и теоретически обосновал идею самобытности азербайджанской нации, т.е. стал основателем проекта азербайджанской нации-государства, но и своей деятельностью на общероссийском уровне в значительной мере способствовал разворачиванию процессов национально-политического строительства у других мусульманских и тюркских народов России.

¹¹¹ Всероссийское Учредительное собрание. М., 1930. С. 58.

С этого момента М.Э. Расулзаде фактически превратился в политика общероссийского масштаба. Один из представителей татарской интеллигенции Абдулла Таймас впоследствии отмечал, что выступление М.Э. Расулзаде на I Всероссийском мусульманском съезде оказало огромное влияние на делегатов. По словам А. Таймаса, после этого выступления М.Э. Расулзаде стал любимцем не только азербайджанцев, но и представителей всех других тюркских народов России¹¹².

При этом следует учесть, что М.Э. Расулзаде был не только теоретиком, но и практиком, внесшим значительный вклад в дело реализации идеи формирования азербайджанской нации-государства. Даже его политические оппоненты вроде Н. Нариманова признавались в том, что идея азербайджанской независимости ассоциируется с партией «Мусават», лидером которой являлся М.Э. Расулзаде¹¹³.

Таким образом, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «в то время как стамбульские патриоты придерживались этого лозунга (тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться) как некоей теоретической идеи, азербайджанские тюрки взяли его за философскую основу своей политики и возвели в ранг основных принципов национальной политической партии. Согласно этой политической философии, каждая нация должна иметь присущее ей государство и строить свои отношения с другими нациями на основе принципов всемирной федерации»¹¹⁴. Идеологическое новаторство М.Э. Расулзаде заключается в том, что, опираясь на идеи тюркизма, он разработал стройную концептуальную систему азербайджанизма – проект создания азербайджанской нации и государственности. Именно борьба за реализацию этого проекта на практике и составила содержание всей последующей политической деятельности М.Э. Расулзаде.

¹¹² Гурбанов Ш. Джамаледдин Афгани и тюркский мир. Баку, 1996. С. 153 (на азерб. яз.).

¹¹³ Нариманов Н. Избранные произведения. Баку, 1989. Т. 2. С. 499.

¹¹⁴ Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего времени // «Хазар», 1990. № 1. С. 50.

ГЛАВА II

НА ЭТАПЕ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ (1917–1920)

*Concordia parvae res crescunt, discordia maximee dilabuntur.
При согласии и малые государства растут,
а при раздорах и великие разрушаются.*

Саллюстий

§ 1. На пути обретения независимости (июнь 1917 года – май 1918 года)

Разработка концепции азербайджанизма была лишь первым шагом на пути создания национальной государственности. Политической элите Азербайджана во главе с М.Э. Расулзаде еще предстояло решить проблему мобилизации народных масс для реализации заложенных в эту концепцию задач. При этом М.Э. Расулзаде, как и его соратники, прекрасно осознавал, что решение этой проблемы сопряжено с многочисленными трудностями, обусловленными прежде всего относительно низким уровнем политического сознания подавляющего большинства азербайджанского населения, а также крайне враждебным отношением действовавших в регионе политических сил к идее национально-территориальной автономии Азербайджана. Не только практически все российские и армянские политические партии, но даже азербайджанские политические организации левого и исламистского направления в тот момент принимали в штыки эту идею.

В этом отношении М.Э. Расулзаде было очевидно, что еще предстоит проделать огромную и тяжелую работу для популяризации провозглашенной после Февральской революции идеи национально-территориальной автономии как среди населения,

так и среди основной части политических сил Азербайджана. Именно задача реализации этой цели делала актуальным создание мощной политической организации с широко разветвленной сетью местных структур по всей территории страны, способной консолидировать и повести за собой народные массы для осуществления идей национальной государственности. И все усилия М.Э. Расулзаде весной и летом 1917 года были направлены на создание подобной политической организации в Азербайджане, способной единолично возглавить национальное движение.

Между тем в первые месяцы после Февральской революции идею национально-территориальной автономии Азербайджана поддерживали лишь две политические организации – «Мусават» и Тюркская партия федералистов. Возглавляемая М.Э. Расулзаде партия «Мусават», вышедшая из подполья после февральских событий 1917 года, в этот момент находилась в состоянии перехода от небольшой, глубоко законспирированной группы к массовой политической организации. А Тюркская партия федералистов (ТПФ) была основана Н. Усуббековым лишь в начале марта 1917 года в Гяндже и, следовательно, находилась на стадии организационного оформления. По этой причине весной 1917 года ни «Мусават», ни ТПФ еще не окрепли настолько, чтобы возглавить национальное движение в Азербайджане.

В этом отношении вполне естественно, что различными кругами азербайджанской общественности с целью консолидации национальных сил делались попытки создать координирующий орган, куда вошли бы представители различных политических сил. Необходимость подобной консолидации диктовалась спецификой условий развития Азербайджанского национального движения, поскольку относительную организационную слабость национального движения в Азербайджане по сравнению, например, с Польшей, Украиной и др. можно было компенсировать лишь сплоченными действиями азербайджанских политических сил, твердо придерживающихся идеалов национального освобождения.

Результатом стремлений национально-демократических сил Азербайджана к консолидации на этапе практической реализа-

ции задач национально-освободительной борьбы стало создание 29 марта 1917 года Временного комитета Бакинских мусульманских общественных организаций, руководителем которого стал М.Г. Гаджинский, а М.Э. Расулзаде был избран его заместителем¹. В воззвании комитета говорилось: «В целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил путем создания соответствующих организаций для выяснения и популяризации национально-политических идеалов образовался Совет Бакинских мусульманских общественных организаций, который избрал из своей среды Временный комитет, именуемый «Комитетом Бакинских мусульманских общественных организаций»². Временный комитет призвал всех азербайджанских тюрков «забыть личные обиды и разногласия и объединиться вокруг национально-политических лозунгов»³.

Образование Временного комитета стимулировало процесс формирования национальных комитетов на местах. В первые месяцы после февральских событий 1917 года, когда национально-политические организации Азербайджана были еще слабы и неопытны, а политическая дифференциация населения находилась в зачаточном состоянии, эти структуры сыграли незаменимую роль в консолидации и просвещении народных масс, в организации и проведении в Баку I Общекавказского мусульманского съезда, на котором была утверждена политическая программа национального движения.

И уже в апреле 1917 года на I Общекавказском съезде мусульман было принято решение реформировать Временный комитет в единый для всего Закавказья Мусульманский национальный совет с целью «создания солидного национально-политического учреждения, которое взяло бы на себя руководящую роль в деле проведения в жизнь тех национально-политических задач, которые были

¹ «Каспий». 1917. 31 марта.

² «Каспий». 1917. 6 апреля.

³ *Беленький С. и Манвелов А.* Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927. С. 33.

определены съездом, и с целью распространения среди народа идей свободы, республиканизма, демократии и федерации»⁴.

Преобразование Временного комитета в Мусульманский национальный совет было осуществлено летом 1917 года путем расширения его состава за счет представителей различных национальных партий, общественных, культурно-просветительных и благотворительных учреждений азербайджанских тюрков. Руководящими органами Мусульманского национального совета были Комитет и Исполнительное бюро. 12 июля 1917 года председателем Комитета был избран А.М. Топчибашев, его заместителями – М.Э. Расулзаде и М.Г. Гаджинский, а секретарем – М.Г. Везиров⁵.

Но с точки зрения консолидации политических сил, выступающих за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии, наиболее знаковым событием лета 1917 года, несомненно, стало объединение «Мусавата» и ТПФ в единую организацию, во многом определившее направление дальнейшего развития национального движения в Азербайджане.

Безусловно, в первую очередь близость идеологий и политических программ «Мусавата» и ТПФ относительно целей и методов борьбы национального движения послужили прочным фундаментом для слияния двух этих организаций. Однако мировая, в том числе современная азербайджанская, история знает немало примеров, когда политические организации с практически одинаковой идеологией и идентичными целями из-за амбиций своих лидеров зачастую становились заклятыми врагами.

В этой связи нельзя не отметить ключевую роль лидеров «Мусавата» и ТПФ – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова в процессе объединения этих организаций. Тем самым эти две незаурядные личности на деле продемонстрировали свою готовность ставить национальные интересы и благополучие народа выше собствен-

⁴ *Беленький С. и Манвелов А.* Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 70.

⁵ *Балаев А.* Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. Баку, 1998. С. 83.

ных амбиций и меркантильных политических интересов. Подобными же принципами они руководствовались и в течение всей последующей своей политической карьеры.

Причем этих двух принципиальных и бескорыстных политиков – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова связывали не только одинаковые идеалы и единый подход ко многим проблемам тогдашней политической ситуации, практически идентичное видение будущего Азербайджана, но и крепкая личная дружба. Именно эти качества двух азербайджанских лидеров, готовых идти на любые жертвы ради национального освобождения азербайджанских тюрок, впоследствии не раз спасали страну от, казалось бы, неминуемой катастрофы. Достаточно отметить, что проявленная в дни июньского кризиса 1918 года со стороны М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова решимость и твердость в деле защиты азербайджанской независимости во многом позволила перечеркнуть планы некоторых политических сил, стремившихся добиться включения Азербайджана в состав Турции.

Думается, что человеческие качества Н. Усуббекова лучше всего характеризует письмо его отца, которое было написано в момент его нахождения на посту премьер-министра Азербайджанской Республики. Еще с молодости Н. Усуббеков принимал активно участие в деятельности действовавших в Гяндже благотворительных и просветительских организаций, жертвуя на эти цели значительную часть своей зарплаты. И это несмотря на то, что он сам нередко сталкивался с серьезными материальными проблемами.

После обретения независимости Азербайджаном, занимая высокие государственные посты, Н. Усуббеков продолжал свою благотворительную деятельность. И по собственному признанию, зачастую даже чувствовал моральный дискомфорт от того, что его зарплата не позволяла ему выделять на благотворительные цели достаточно средств. При этом, несмотря на данное отцу обещание, даже занимая пост премьер-министра страны, он никак не мог накопить средств, необходимых для ремонта собственной дачи вблизи родной Гянджи. Поэтому вынужден был

обратиться к отцу, чтобы тот на свои деньги хотя бы загородил камышом дачный участок. В ответ получил письмо отца следующего содержания: «Дорогой сыночек, я долго терпел, но наконец-то выскажусь. Нуждаясь, залезая в долги, я смог дать тебе хорошее образование. Завершив учебу, ты вернулся домой и стал начальником городского управления по провианту. Опять я заботился о тебе. От меня ты требовал только денег. Потом ты стал министром просвещения Сейма в Тифлисе. Твоей зарплаты снова не хватало. Несколько раз просил денег, и я отправлял. Затем вы провозгласили независимость Азербайджана, и ты стал министром просвещения нашей республики. Работал в столице – Баку. Снова твоя зарплата не покрывала твои расходы. Просил денег, и я всегда отправлял. Продал часть принадлежавшей мне земли. Сегодня ты премьер-министр, руководитель государства. Неужели и сейчас камыш для забора твоей дачи я должен купить?»⁶

Первоначальная договоренность об объединении «Мусавата» и ТПФ в единую политическую организацию была достигнута их лидерами – М.Э. Расулзаде и Н. Усуббековым еще в ходе Общекавказского мусульманского съезда в апреле 1917 года. I Общероссийский мусульманский съезд (1–11 мая 1917 года) в Москве, в котором М.Э. Расулзаде и Н. Усуббеков выступали с единых позиций практически по всем основным вопросам текущего момента, значительно ускорил процесс организационного объединения двух партий.

Окончательное же слияние «Мусавата» и ТПФ произошло 17 июня 1917 года. Новая политическая организация получила название – «Тюркская демократическая партия федералистов – Мусават». В состав объединенного Центрального комитета партии вошли по четыре представителя от «Мусавата» – М.Э. Расулзаде, М.Г. Гаджинский, М. Векилов, М. Рафиев и от ТПФ – Н. Усуббеков, Ш. Рустамбеков, Г. Агаев и М.М. Ахундов⁷.

⁶ *Шейхзаманлы Н.* Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана. Баку, 1997. С. 112–113 (на азерб. яз.).

⁷ *Keykurun N.* Türk Adem-i Merkezîyet Firkasının Faaliyeti ve Müsavat Partisi'yle birleşmesi // «Müsavat Bülteni», Berlin, 1962. № 4. S. 21.

Наиболее характерной чертой политической программы объединенной партии было органическое соединение принципа федерализма с целями национального движения. Именно идея федерализма, причем федерализма не на религиозной, а на национальной основе, стала краеугольным камнем политической доктрины партии.

Учитывая, что «Мусават» обладал серьезным влиянием преимущественно среди населения Бакинской губернии, а ТПФ в Гянджинской губернии, их слияние ознаменовало появление на внутривнутриполитической арене сильной общенациональной политической организации, способной единолично возглавить национально-освободительную борьбу азербайджанских тюрков.

Подтверждением этого факта стали итоги первых же выборов, в которых принимала участие объединенная партия «Мусават» во главе с М.Э. Расулзаде. Так, проведенные 22 октября 1917 года выборы в Бакинский Совет продемонстрировали огромный авторитет «Мусавата» среди азербайджанского населения города Баку. Голоса избирателей на этих выборах распределились следующим образом:

«Мусават»	9617 голосов
Эсеры	6305 голосов
«Дашнакцутюн»	5288 голосов
Большевики	3823 голосов
Меньшевики	6878 голосов ⁸

Таким образом, даже в многонациональном Баку «Мусават», значительно опередив другие партии, собрал около 40% голосов избирателей, что отражало реальное соотношение политических сил в городе. Учитывая немалый авторитет партии и в сельских регионах Азербайджана, с большой долей уверенности можно утверждать, что уже к осени 1917 года «Мусават» являлся политическим авангардом национального движения. В этом успехе немалая заслуга, несомненно, принадлежала лидеру партии М.Э. Расулзаде.

Победа «Мусавата» на этих выборах сильно напугала большевиков, в чьи планы отнюдь не входило подобное развитие со-

⁸ «Каспий». 1917. 25 октября.

бытий, так как оно могло привести к кардинальным изменениям в соотношении политических сил как в Баку, так и в целом по Азербайджану. Поэтому на следующий день после обнародования результатов выборов Бакинский комитет РСДРП(б) объявил их результаты недействительными, мотивируя свое решение якобы допущенными злоупотреблениями в ходе их проведения со стороны национальных сил⁹. Аргументы большевиков были настолько беспочвенными, что даже непримиримые противники «Мусавата» в лице эсеров и меньшевиков отказались поддержать большевиков в данном вопросе.

Выступая на расширенном заседании Бакинского Совета по этому вопросу, М.Э. Расулзаде в категоричной форме отверг все домыслы большевиков относительно допущенных в ходе выборов нарушений. Одновременно он выразил уверенность в том, что «партия «Мусават» имеет такую прочную организацию и влияние среди тюркских рабочих, что на новых перевыборах она получит еще более значительное большинство, чем на октябрьских»¹⁰.

Подобное, мягко говоря, предвзятое отношение к «Мусавату» исходило из самой сути политики большевиков в отношении национальных сил Азербайджана, которые, занимая руководящие посты в Бакинском Совете, сознательно взяли курс на политическую изоляцию азербайджанских демократических сил и прежде всего «Мусавата». Подобная политика большевиков имела далеко идущие трагические последствия. Впрочем, отношение к «Мусавату» других политических сил – эсеров, меньшевиков, не говоря уже о дашнаках, также не отличалось особой терпимостью.

Укрепление авторитета «Мусавата» на политической арене Азербайджана вызывало открытое раздражение всех этих партий, которые видели в лице мусаватистов наиболее серьезных конкурентов в регионе. В этом отношении к еще большему усилению конфронтационных тенденций в их взаимоотношениях способствовали решения I съезда «Мусавата», проходившего с 26 по 31 октября 1917 года в Баку. По своей сути, решения

⁹ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. С. 94.

¹⁰ Беленький С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 193.

съезда, определившие стратегию и тактику «Мусавата» в предстоящей политической борьбе, и прежде всего принятие новой партийной программы, стали открытым вызовом тем силам, которые принимали в штыки идею национально-территориальной автономии Азербайджана.

Свою вступительную речь на съезде М.Э. Расулзаде начал с анализа тогдашнего положения тюркских народов и в целом мусульманского Востока. Причину отсталости тюркских народов в культурном и политическом отношениях он видел «в отсутствии у них национального чувства, желаний и идей». В своей речи он подчеркнул, что «если у общества, нации и даже у отдельного человека не будет определенных целей, стремлений и идей, то они не сумеют двигаться вперед. Следовательно, если у народа нет национальной идеи, то он не сможет консолидироваться в национальную силу»¹¹.

В этом контексте М.Э. Расулзаде видел главное достижение партии «Мусават» в том, что «она сумела сплотить и организовать вокруг себя рабочих, крестьян и прогрессивные классы азербайджанских тюрков» на основе национальной идеи. Отмечая успехи, достигнутые в деле сплочения народных масс, М.Э. Расулзаде вместе с тем призвал своих соратников готовиться к длительной и трудной борьбе за национальное освобождение, поскольку «такие великие и сложные вопросы не разрешаются в течение дней или месяцев». Он напомнил, что «даже у прогрессивных и культурных народов борьба за свободу продолжалась годами». М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «партия сумеет создать сильную организацию, которая, не потеряв свой путеводной звезды, дойдет до цели»¹².

Подтвердив стремление азербайджанских тюрков «жить самостоятельно», М.Э. Расулзаде одновременно предупредил, что выдвинутые партией задачи не направлены против других народов: «Мы идем к своим национальным чаяниям, но наше желание

¹¹ Государственный архив Азербайджанской Республики (далее – ГА АР), фонд (ф.) 894, опись (оп.) 10, дело (д.) 60, лист (л.) 2.

¹² Там же, л. 3.

не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, чтобы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией»¹³. Завершил он свое выступление знаменитой фразой – «свободу людям, независимость народам»¹⁴, впоследствии ставшей основным лозунгом партии в политической борьбе.

Главным вопросом повестки дня съезда было принятие новой программы «Мусавата», в которой подводились итоги пройденного этапа национального движения и определялись задачи партии на новой стадии политической борьбы.

Сердцевину новой программы партии, основные положения которой были сформулированы М.Э. Расулзаде, составлял раздел, посвященный государственному строю страны. В нем утверждалось, что «...самым нормальным и рациональным государством должно считаться государство национальное, ибо ни один народ, не располагающий ни самостоятельностью, ни национальной автономией, не будет в состоянии отстаивать свою культуру и свободу»¹⁵.

По существу, новая программа партии являлась грандиозным проектом переустройства Российского государства на началах национально-территориальной автономии. Выступая на съезде, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что право на национально-территориальную автономию имеют народы, компактно расселенные на определенной территории. Партия, в частности, добивалась автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также объявляла «своей святой обязанностью помочь всеми силами другим единоверцам – не тюркам – в получении права на автономию»¹⁶.

Стремление партии добиться территориальной автономии в советской историографии объяснялось желанием лидеров

¹³ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 60, л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917–1920 гг., Баку, 1990. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 76.

«Мусавата» изолировать Азербайджан от демократических процессов, происходивших в стране, с последующим насаждением в стране средневекового феодально-деспотического режима. Однако содержание программных документов «Мусавата», принятых на первом съезде, показывает, что достижение автономии являлось для партии не самоцелью, а средством построения в стране общества с широким спектром политических и гражданских свобод. Так, партия выступала за гарантированные государством и закрепленные конституцией свободу слова, совести, союзов, собраний и стачек, неприкосновенность личности и имущества. «Мусават» также ратовал за «равенство всех граждан перед законом независимо от их вероисповедания, религиозных толков, национальности, пола и политического убеждения»¹⁷.

Новая программа «Мусавата» провозглашала принцип разделения властей и независимости суда. В ней отмечалось, что суды подчиняются только закону и любое вмешательство исполнительных структур в дела судебных органов карается законом. До утверждения постановлений полномочных судебных органов ни один гражданин не мог подвергаться наказанию¹⁸.

Несостоятельны и обвинения лидеров «Мусавата» в антирусских настроениях. Открывая I съезд партии «Мусават», М.Э. Расулзаде особо отметил, что «свободу тюркам России преподнесла российская революция», и предложил «почтить память жертв этой революции вставанием»¹⁹. Отношение М.Э. Расулзаде к России, по нашему мнению, лучше всего выражают следующие его слова: «Мы не питаем решительно никакой неприязни к русскому народу как таковому, напротив, мы преисполнены по отношению к нему самых лучших пожеланий. Но вместе с тем мы действительно враги русского империализма, который насилем и захватом, забрав нас в свою колесницу, препятствует нам устраивать свою жизнь и развивать культуру в тех формах, в которых хотим мы сами»²⁰.

¹⁷ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917–1920 гг. С. 77.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ ГА АР, ф.894, оп. 10, д. 60, л. 1.

²⁰ Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 22.

Демократические реформы, зафиксированные в принятой съездом программе партии, предстояло реализовывать в очень непростых условиях. Не следует забывать, что Азербайджан был частью исламского мира, и демократические идеи приходилось осуществлять в существенно иной социальной среде по сравнению с условиями Западной Европы, где эти идеи первоначально сформировались. Это серьезно затрудняло задачу М.Э. Расулзаде и его соратникам, которым предстояло применить созданные в Европе идеи в довольно самобытной обстановке, характеризующейся сохранением сильных позиций клерикально-религиозного мышления.

Особенность исламизации, охватившей буквально все сферы жизнедеятельности азербайджанского общества, состояла в том, что религиозная догматика, отрицая свободу воли, не приемля индивидуализм, ставя веру выше логики и научных знаний, тем самым сковывала инициативу человека, тормозила развитие производительных сил, общественной мысли и в конечном итоге – конкурентоспособности азербайджанской нации.

Как справедливо отмечает известный исследователь М.Н. Губогло, когда все законы заданы Кораном, сама эта догматика превращается в тормоз для инноваций и развития социума. Для того чтобы подул свежий ветер модернизаций или хотя бы частичного реформирования, надо было пробить стену устоявшейся системы ценностей, которые прочно были вплетены в ткань традиционной культуры, особенно в ткань духовного ядра этой культуры²¹. В этой ситуации только преодоление этих норм и, следовательно, посягательство на незыблемость конфессиональной идентичности открывали путь к реформам и модернизации азербайджанского общества.

По этой причине неудивительно, что М.Э. Расулзаде был последовательным приверженцем секуляристских идей. Он выступал за вытеснение или, по крайней мере, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в сферах, не имеющих непосредственного отношения к отправлению религиозного культа. В этом

²¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. С. 284.

отношении достаточно характерно его выступление на I съезде «Мусавата», в котором он в категоричном тоне заявил: «Человек, входя в мечеть, должен забыть политику, партию, идею и молиться только Богу. И вообще, духовенство не должно заниматься политической и в политической борьбе мечеть должна быть нейтральна»²².

Являясь убежденным сторонником светского государства, М.Э. Расулзаде настоял на включении в программу партии специального пункта, который гласил: «Правительство не должно отдавать предпочтение ни одной вере, ни одному толку и покровительствовать одной религии в ущерб другой»²³. Тем самым была заложена основа предстоящего отделения церкви от государства в Азербайджанской Республике.

Таким образом, как свидетельствуют итоги съезда, концепция азербайджанизма, основные положения которой были сформулированы М.Э. Расулзаде, официально была утверждена в качестве политической доктрины «Мусавата». В целом программа партии «Мусават» «представляла собой органический синтез национально-освободительных идей Востока с культурными и демократическими течениями Запада»²⁴.

Опираясь на общечеловеческие ценности и учитывая исторические и культурные традиции родного народа, М.Э. Расулзаде разработал целостную концепцию национального развития, которая в конечном итоге, по его замыслу, должна была способствовать вхождению азербайджанских тюрок в семью цивилизованных и развитых народов мира. Именно это составляло содержание концепции азербайджанизма, зафиксированной в программе «Мусават».

На съезде М.Э. Расулзаде был избран официальным лидером – председателем Тюркской демократической партии федералистов «Мусават». Делегаты съезда поручили новоизбранному составу ЦК партии во главе с М.Э. Расулзаде «принять меры

²² ГА АР, ф.894, оп. 10, д. 60, л. 12.

²³ Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917–1920 гг. С. 77.

²⁴ Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // «Вопросы истории». 2002. № 2. С. 11.

в направлении практической реализации национально-территориальной автономии Азербайджана и с этой целью поднять перед Национальным комитетом вопрос о созыве Учредительного собрания Азербайджана»²⁵.

Данное решение было открытым вызовом большевикам, которые, несмотря на все декларативные заявления о своей приверженности праву народов на самоопределение, в реальной действительности проводили политику, направленную на укрепление централизованного государства в России. В этой связи нельзя умалчивать об инсинуациях различных авторов, которые утверждают, что в начальный период после октябрьского переворота 1917 года партия «Мусават» и ее лидер М.Э. Расулзаде якобы придерживались пробольшевистской позиции. Поводом для подобного рода утверждений служат отдельные факты совпадений в этот период позиций «Мусавата» и большевиков по некоторым вопросам.

Авторы подобного рода измышлений сознательно замалчивают тот факт, что мотивации одинакового отношения этих партий к тем или иным событиям политической жизни были диаметрально противоположны, и подобные совпадения были обусловлены не идентичностью их стратегических целей, а политической конъюнктурой текущего момента.

В частности, речь идет о том, что после октябрьского переворота 1917 года в Баку создалась ситуация, когда одновременно две организации – возглавляемый меньшевиками, эсерами и дашнаками Комитет общественной безопасности и Бакинский Совет, контролируемый большевиками, претендовали на власть в городе.

В этой сложной и во многом запутанной политической ситуации в Баку азербайджанские национальные организации, и в частности «Мусават», стояли перед трудной дилеммой, какую из противоборствующих организаций поддержать – Комитет общественной безопасности или Бакинский Совет? Положение осложнялось тем обстоятельством, что ни одна из этих организаций не

²⁵ ГА АР, ф.894, оп. 10, д. 60, л. 17–18.

отличалась особым дружелюбием в отношении азербайджанских политических партий и их целей. Фактически лидерам «Мусавата» предстояло выбрать наименьшее из двух зол. От правильного выбора в этом вопросе в немалой степени зависела дальнейшая судьба не только «Мусавата», но и национального движения в целом. В сложившейся ситуации главная задача, стоящая перед руководством «Мусавата» как ведущей силы национального движения, заключалась в том, чтобы, используя противоречия между меньшевиками, эсерами и дашнаками, с одной стороны, и большевиками, с другой, избежать опасности борьбы одновременно на двух фронтах, что имело бы губительные последствия для партии.

Лидеры «Мусавата» прекрасно понимали, что приход к власти меньшевиков и эсеров, проповедовавших идею «единой и неделимой России», не говоря уже о дашнаках, чья националистическая политика своим острием была направлена против азербайджанцев, еще больше затруднит достижение основных целей национального движения.

Безусловно, позиция большевиков в национальном вопросе, по сути, мало чем отличалась от позиции меньшевиков и эсеров. И лидеры «Мусавата» не были настолько наивны, чтобы питать особые иллюзии относительно реализации декларативных заявлений большевиков о праве наций на самоопределение. Однако в отличие от меньшевиков и эсеров большевики, в тот период не укрепившие еще свою власть на местах, вынуждены были, жонглируя идеей национального самоопределения, заигрывать с азербайджанскими политическими силами и в первую очередь – с «Мусаватом». А это давало «Мусавату» определенную возможность для маневра, отказ от которой в тогдашних условиях мог привести к полной изоляции партии на политической арене и в значительной степени к подрыву ее позиций.

Руководствуясь именно этими соображениями, партия «Мусават» заявила «о невозможности для себя участвовать в Комитете общественной безопасности», что и предопределило ее судьбу²⁶.

²⁶ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. С. 110.

Заручившись поддержкой «Мусавата», большевики 12 ноября 1917 года на заседании Бакинского Совета добились принятия решения о роспуске Комитета общественной безопасности, и последнему ничего не оставалось, как подчиниться этому решению.

Таким образом, поддержка, оказанная мусаватистами большевикам в их соперничестве с Комитетом общественной безопасности за власть в городе, отнюдь не являлась свидетельством близости политических курсов двух партий, а была лишь тактическим ходом «Мусавата», направленным на получение временной передышки для укрепления своих позиций. Следует также не забывать, что соотношение вооруженных сил в Баку в тот момент было явно не в пользу национальных сил Азербайджана. И вообще, в силу объективных причин военная сфера была ахиллесовой пятой азербайджанских тюрок. Для наверстывания отставания в этой сфере требовалось определенное время, которое и было получено в результате вышеупомянутого решения «Мусавата».

Подтверждением тому являются слова М.Э. Расулзаде, высказанные с трибуны Бакинской городской думы. Он, объясняя позицию своей партии, в частности, заявил: «Партия «Мусават» относится осторожно к вопросу об организации власти и боится вызвать конфликт, который зажег бы весь Кавказ. Вот ввиду опасности такого столкновения она не возражает против власти Совета, тем более что придет время, когда организованная сила безболезненно разрешит вопрос о власти»²⁷.

Еще более откровенно по этому поводу М.Э. Расулзаде высказался впоследствии. Выступая на одном из заседаний Закавказского сейма, он сказал: «Я должен сделать некоторые разъяснения по поводу того, что партия «Мусават» поддерживала большевиков в городе Баку. В силу специфических, особых условий город Баку всегда, как пункт большого гарнизона, стоял за большевиков или за большевистски настроенных лиц, и наша партия принуждена была придерживаться этой политики, чтобы не подвергать Баку таким эксцессам, которые могли бы раскатиться

²⁷ Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917–1918. Баку, 1927. С. 123.

кровавым эхом во всем Закавказье. Исходя из такого тактического соображения, партия «Мусават» в то время, когда большевики грозили своими солдатскими массами не только Баку, но всему Закавказью, и когда все партии, даже отъявленные противники большевиков, считали нужным придерживаться того или другого тактического курса, – партия «Мусават» вынуждена была в этом отношении придерживаться известных тактических приемов»²⁸.

Несомненно, временная передышка, полученная «Мусаватом», не могла быть длительной. Партия «Мусават» и большевики как в идеологическом, так и в политическом плане представляли собой две антагонистические противоположные политические силы. «Мусават» объявлял своей стратегической целью создание национального государства, в то время как, по мнению стратегов большевистской партии, национальное государство «было уже пройденным этапом мировой истории»²⁹.

В этом контексте поддержка, оказанная «Мусаватом» большевикам в ликвидации Комитета общественной безопасности, имела эпизодический характер и была обусловлена ситуативными факторами. В силу этих причин вряд ли можно было говорить о «серьезном сотрудничестве» между большевиками и мусаватистами, что и подтвердили последующие события.

Так, уже 18 ноября 1917 года большевики на заседании Бакинского Совета аннулировали результаты октябрьских выборов в эту структуру. Это был шаг, направленный непосредственно против «Мусавата», так как на этих выборах мусаватисты одержали убедительную победу. И в дальнейшем отношения между мусаватистами и большевиками имели устойчивую тенденцию ухудшения, что в конечном итоге привело к мартовской трагедии 1918 года.

Существенное значение для характеристики взаимоотношений между мусаватистами и большевиками в исследуемый нами период имеет позиция «Мусавата» по вопросу центральной

²⁸ Закавказский сейм. Стенографический отчет. 20 марта 1918 года. Тифлис, 1919. С. 36.

²⁹ Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б). М., 1958. С. 207.

власти в стране. Отказываясь признать новую большевистскую власть в лице Совета народных комиссаров РСФСР, партия «Мусават» всегда выступала за передачу всей полноты власти Всероссийскому Учредительному собранию и приняла активное участие на выборах в эту структуру.

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание были проведены в Закавказье 26–28 ноября 1917 года. Интерес к ним был обусловлен тем, что это были первые после свержения царизма выборы, проводимые в общегосударственном масштабе, которые позволяли выявить как степень поддержки азербайджанскими тюрками целей и задач национального движения, так и раскрыть реальное соотношение сил между различными политическими группировками Азербайджана.

Будучи последовательным поборником идеи национального единства и пытаясь предотвратить распыление голосов избирателей-азербайджанцев среди различных организаций, М.Э. Расулзаде предложил всем азербайджанским политическим партиям и организациям выступить единым списком на предстоящих выборах в Учредительное собрание. Хотя подавляющее большинство политических сил Азербайджана, мягко говоря, прохладно отнеслось к этому предложению, тем не менее оно дало определенные результаты. Так, именно в ходе предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание окончательно оформился блок «Мусавата» с «независимой демократической группой» во главе с видными деятелями национального движения азербайджанских тюрков А.М. Топчибашевым и Ф. Хойским. Создание данного блока стало очередным проявлением дальнейшей консолидации основных национально-демократических сил Азербайджана вокруг партии «Мусават».

На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в качестве самостоятельной политической силы принимали участие в основном четыре азербайджанские организации – «Мусават», «Мусульманский социалистический блок», меньшевистский «Гуммет» и исламистский «Иттихад». Из них только «Мусават» принципиально выступал за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии,

а остальные три партии предлагали ограничиться национально-культурной автономией. На этой почве в ходе предвыборной кампании «Мусават» подвергался жесткой критике как со стороны партий социалистического направления, так и со стороны исламистов.

Характеризуя положение «Мусавата» в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание, М.Э. Расулзаде писал: «Справа нам говорили, что, выдвигая лозунг азербайджанизма, мы разделяем мусульман, возвышая флаг азербайджанизма, мы разрушаем основы ислама. А слева нас обвиняли в том, что, требуя автономии Азербайджана, мы способствуем разложению единого демократического фронта»³⁰.

Острое недовольство клерикальных кругов вызвало и предложение «Мусавата» о необходимости предоставления женщинам равных с мужчинами прав. По мнению исламистов, это было проявлением «распутства и вероотступничества». В тогдашних условиях сохранения в общественном сознании сильных религиозных предрассудков это было довольно серьезное обвинение.

Тем не менее находившееся в начале XX века лишь на начальном этапе модернизационных процессов азербайджанское общество продемонстрировало неплохую готовность к восприятию демократических ценностей, составлявших суть предвыборной платформы «Мусавата», обеспечив огушительную победу партии на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Это свидетельствовало о готовности азербайджанского общества к восприятию демократических идей и ценностей Запада. Данный факт является лишним подтверждением необоснованности до сих пор бытующего в определенных кругах мнения о чуть ли не генетической несовместимости мусульманских народов и демократических ценностей.

Дело в том, что утверждение в том или ином обществе демократических традиций отнюдь не является стихийным процессом, как это, на первый взгляд, может показаться. В каждом кон-

³⁰ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 114 (на азерб. яз.).

кретном случае оно является результатом колоссальных усилий политической и интеллектуальной элиты в направлении пропаганды и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества демократических начал. Между тем политическая элита исламских стран, как правило, никогда не проявляла особого интереса к демократическим ценностям, не без основания считая их угрозой для своей монополии над государственными структурами. Элиты восточных обществ в лучшем случае использовали демократическую риторику с целью достижения своих политических целей, после чего приемы имитации демократии отбрасывались в сторону как ненужная вещь. Именно это обстоятельство является главной причиной того, что попытки модернизации восточных обществ, как правило, терпели неудачу.

В этом отношении весьма характерной является одна из ранних публикаций М.Э. Расулзаде, напечатанная в 1908 году на страницах газеты «Иршад». Статья написана в форме диалога между двумя лицами. В ней обладающий большим жизненным опытом некто Мирза Юсиф упрекает своего молодого племянника Гахрамана за его активную политическую деятельность:

– «Мирза Юсиф: Ради кого ты жертвуешь собой? Ради этого народа, который не в состоянии отличить добро от зла? Дорогой, ты плохо знаешь этот народ. Какими бы правильными, честными и искренними ни были бы твои намерения, если у тебя нет тюрбана на голове, в поясе пистолета, а в кармане денег, они не будут слушаться тебя!

– Гахраман: Дядя, по-моему, вы ошибаетесь. Правда, наши люди непросвещенные, невежественные и неграмотные, преклоняются перед тюрбанами, медалями, пистолетами и деньгами. Все это правильно. Но из этого вовсе не следует, что мусульмане не готовы воспринимать идеи свободы. Из вашей логики следует, что необходимо подождать до того времени, когда мусульмане будут готовы к свободе. Но это время никогда не наступит, если образованная часть общества не начнет воспитывать население в духе свободы. Мусульманское население является весьма плодородной почвой, чтобы сеять в ней семена культуры. Чувствуется

нужда лишь в опытном земледельце, способном вспахать и засеять эти земли. А этими земледельцами являемся мы, молодое поколение нации. Дядя, разве ты не замечаешь, как наши соседи – грузины, армяне, евреи и русские жертвуют собою ради народа?

– Мирза Юсиф: Вот и я об этом говорю... Армяне, грузины и другие способны по достоинству оценить самоотверженность этих людей. А мы готовы к этому?

– Гахраман: Кто и когда пожертвовал собой, а народ остался безучастен к его поступку? Людей можно научить относиться благодарно к подобным поступкам лишь на собственном примере самопожертвования. Безвозмездно ничего не получится. Жертвуй собой, и будешь оценен»³¹.

Уникальность ситуации, сложившейся в начале XX века в Азербайджане, заключалась в том, что на политической арене доминировала целая плеяда выдающихся деятелей – М.Э. Расулзаде, Н. Усуббеков, А.М. Гопчибашев, Ф. Хойский и др., для которых демократические принципы служили не средством реализации своих меркантильных политических интересов, а являлись способом модернизации азербайджанского общества и достижения национального прогресса. Неудивительно, что народные массы в целом отвечали им той же искренностью.

Подтверждением тому являются итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Блок «Мусавата» с независимой демократической группой, намного опередив другие азербайджанские партии, вышел на общее второе место в Закавказье. По их итогам грузинские меньшевики получили 661 934 голоса (26,9% от общего числа избирателей), мусаватисты – 615 816 (25,1%), дашнаки – 558 400 (22,7%), «Мусульманский социалистический блок» – 159 770 (6,5%), эсеры – 117 522 (4,8%), большевики – 95 581 (3,9%), меньшевистский «Гуммет» – 84 748 (3,5%) и «Иттихад» – 66 504 (2,7%)³².

Выборы показали, что партия «Мусават» обладает наибольшим рейтингом среди азербайджанских масс. Об этом сви-

³¹ «Иршад». 1908, 15 апреля (на азерб. яз.).

³² Закавказский сейм. Стенографический отчет, 19 февраля 1918 года. С. 5.

детельствовал, в частности, тот факт, что 66,5% голосов, поданных за азербайджанские национальные партии, приходились на долю «Мусавата». Для сравнения отметим, что занявший второе место среди азербайджанских партий «Мусульманский социалистический блок» получил 17,2%, а меньшевистский «Гуммет» и «Иттихад» соответственно – 9,1% и 7,2% голосов, отданных за азербайджанские партии. Поддержка, оказанная «Мусавату» во время этих выборов, означала, что подавляющее большинство азербайджанского общества выступало за предоставление национально-территориальной автономии Азербайджану и за осуществление кардинальных демократических преобразований.

Анализ результатов выборов выявил еще одну немаловажную деталь. «Мусават» стал единственной азербайджанской партией, добившейся относительно равных результатов повсеместно во всех регионах Азербайджана. Это было показателем общенационального характера партии. Между тем остальные азербайджанские партии имели твердую опору лишь в отдельных регионах. Так, «Мусульманский социалистический блок» и меньшевистский «Гуммет» в основном пользовались популярностью среди жителей западных районов Азербайджана. А «Иттихад» более 2/3 голосов в ходе выборов во Всероссийское Учредительное собрание получил в трех уездах – Бакинском, Ленкоранском и Геокчайском³³.

Следует отметить, что итоги выборов в Учредительное собрание как в закавказском, так и в общероссийском масштабе оказались весьма удручающими для большевиков, которые получили лишь 23,9% голосов, а большинство в Учредительном собрании досталось блоку эсеров и меньшевиков.

Данное обстоятельство лишило большевиков возможности превратить Учредительное собрание в послушный придаток советской власти. Первое же заседание Учредительного собрания, открывшееся 5 января 1918 года в Петрограде, продемонстриро-

³³ Бельский С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). С. 237.

вало нежелание этого органа следовать большевистским пожеланиям, и вечером 6 января 1918 года Всероссийский ЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

Разгон Учредительного собрания, на которое возлагались особые надежды в решении национального вопроса в России, лишь усилил центробежные тенденции в стране, спровоцировав процесс отпадения национальных окраин, в том числе Закавказья, от центра. 22–23 января 1918 года в Тифлисе состоялось заседание избранных от Закавказья членов уже бывшего Учредительного собрания. Охарактеризовав обстановку в центре России как анархию и хаос, политические представители трех закавказских народов приняли решение «организоваться на местах» путем созыва регионального законодательного органа – Закавказского сейма³⁴.

С целью увеличения количества членов Закавказского сейма было решено снизить «избирательный метр» для одного депутата с 62 044 до 20 681 голоса. Это позволило путем кооптации увеличить численный состав Сейма в три раза. В итоге места в Сейме между различными политическими партиями распределились следующим образом: грузинские меньшевики – 32, мусаватисты – 30, дашнаки – 27, «Мусульманский социалистический блок» – 7, эсеры – 5, большевики и «Гуммет» (меньшевики) – по 4, «Иттихад» – 3, грузинские федералисты, кадеты и грузинские национал-демократы – по 1 месту³⁵. Таким образом, азербайджанские политические партии получили в общей сложности 44 места, а «Мусават» обладал второй по численности фракцией в Закавказском сейме. Из всех приглашенных партий только большевики отказались участвовать в деятельности Сейма, первое заседание которого состоялось 23 февраля 1918³⁶ года в Тифлисе. Лидером мусаватской фракции в Закавказском сейме был утвержден М.Э. Расулзаде, а его заместителями – Н. Усуббеков и М.Ю. Джафаров.

³⁴ *Ментешашвили А.М.* Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917–1921. Тбилиси, 1987. С. 72.

³⁵ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 19 февраля 1918 года. С. 6.

³⁶ С 14 февраля 1918 года все даты указаны по новому стилю.

Таким образом, при решении вопроса о власти в закавказском масштабе «Мусават» поддержал те политические силы, которые отказались признать новую большевистскую власть в Петрограде. Более того, среди представленных в Закавказском Сейме политических сил именно фракция «Мусават», возглавляемая М.Э. Расулзаде, выступала с наиболее радикальных позиций в вопросах определения полномочий, целей и задач Сейма.

Так, 5 марта 1918 года, выступая на пленарном заседании Сейма, М.Э. Расулзаде заявил, что, «по его взгляду, Закавказский сейм является Учредительным собранием и как Учредительное собрание должен заниматься выработкой конституции Закавказья и определением функций отдельных территориальных единиц»³⁷. Далее он подчеркнул, что «в основе центральной краевой власти – федеративная власть, и значит, мы, по существу, должны принять во внимание основы федерации всех закавказских народностей. Власть должна быть коалиционной, и в эту коалицию должны быть вложены остальные элементы, которые обеспечивали бы федерацию и координацию всех народностей Закавказья»³⁸. М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «только признание Сейма Учредительным собранием способно «привести народы Закавказья к дружеской федеративной солидарной жизни»³⁹.

Очевидно, что эти предложения М.Э. Расулзаде были направлены на ускорение процесса децентрализации страны и, следовательно, на ослабление уз, связывающих Закавказье с Россией. В этой связи неудивительно, что среди депутатов Закавказского сейма М.Э. Расулзаде был одним из самых последовательных сторонников объявления независимости Закавказья. Однако подавляющее большинство членов Сейма в тот момент еще не были готовы к принятию решения об окончательном отделении Закавказья от России.

³⁷ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 20 февраля 1918 года. С. 27–28.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же. С. 29.

В подобном развитии ситуации не были заинтересованы не только грузинские и армянские депутаты Сейма, но и представители остальных азербайджанских партий. Они считали Закавказский сейм «временным органом для ликвидации некоторых спешных вопросов»⁴⁰. По этой причине они предлагали отложить созыв Учредительного собрания и выработку конституции Закавказья на неопределенное время.

Между тем в декларации фракции «Мусават», обнародованной в Сейме, предлагалось «не медлить с децентрализацией власти, не смущаться национализации отдельных сфер государственной жизни». При этом ближайшей своей задачей фракция ставила «практическое осуществление национально-территориальной автономии в Азербайджане»⁴¹. Выражая политическое кредо партии, М.Э. Расулзаде 1 марта 1918 года с трибуны Закавказского сейма недвусмысленно заявил: «Мы требуем, чтобы мы, как народ, были представлены самим себе»⁴². Эта цель была квинтэссенцией всей деятельности «Мусавата» и его лидера в Закавказском сейме.

Как впоследствии отмечал М.Э. Расулзаде, «в ходе обнародования партийных деклараций на первом заседании Закавказского сейма ни иттихадисты, ни социалисты (имеются в виду представители «Мусульманского социалистического блока» и меньшевистского «Гуммета». – А.Б.) не выступали от имени Азербайджана. Только в декларации партии «Мусават» подчеркивалась необходимость создания и определения компетенции краевой федеративной власти путем делегирования в нее части полномочий правительств Азербайджана, Грузии и Армении»⁴³.

Столь принципиальная позиция М.Э. Расулзаде и членов мусаватской фракции в Закавказском сейме по отстаиванию идеи национально-территориальной автономии Азербайджана

⁴⁰ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 15 февраля 1918 года. С. 12.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 31.

⁴³ *Расулзаде М.Э. Идеология независимости и молодежь // «Азадлыг», 1990, 31 декабря (на азерб. яз.).*

в составе независимого Закавказского государства противоречила стратегическим планам большевиков. Тем более что центром азербайджанской автономии должен был стать Баку, который рассматривался большевиками в качестве «опорного пункта» для распространения своей власти по всему Закавказью.

Не следует также игнорировать огромную экономическую значимость нефтяной промышленности Баку. Поэтому контроль над нефтяным Баку была заветной мечтой любой политической силы, стремящейся к доминированию на Южном Кавказе. В этом смысле именно в Баку решался вопрос жизни и смерти большевистской власти в Закавказье. В силу этих причин большевики никак не могли допустить создания азербайджанской автономии со столицей в Баку, к тому же под руководством «Мусавата». Не случайно, что руководитель бакинских большевиков С.Г. Шаумян это вполне естественное требование «Мусавата» интерпретировал как «мечту азербайджанских националистов» сделать Баку «столицей Азербайджанского ханства»⁴⁴.

По словам М.Э. Расулзаде, большевики открыто заявляли, что «вы не размышляйте об автономной федерации, ибо ваша автономия будет неприемлема как для российской демократии, так и для российской буржуазии, правда, по различным мотивам. И в заключение вы получите не автономию, а груды развалин, как имеют ее армяне в Турции, как достигли ее дашнакцаканы в Турции»⁴⁵.

При этом большевиков особенно тревожил стремительный рост политического авторитета и популярности среди народных масс партии «Мусават». Эти успехи были настолько внушительными, что их вынуждены были признать даже самые непримиримые противники «Мусавата» в лице большевиков. Как в этой связи отмечал С.Г. Шаумян, «с самого начала самая слабая политическая партия в Закавказье – «Мусават», которая сорганизовалась во время Февральской революции, которая не имела никаких организаций, никаких партийных традиций, никакой

⁴⁴ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008. С. 14.

⁴⁵ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 54.

власти, которая не играла никакой роли в начале революции, к началу второго года оказалась самой сильной политической партией в Закавказье»⁴⁶.

По этой причине большевики решили, не дожидаясь дальнейшего укрепления позиций партии «Мусават», нанести превентивный удар по национальным силам Азербайджана с целью их полного разгрома. Вполне закономерно, что местом нанесения такого удара большевиками был выбран именно Баку. Ведь, по выражению М.Э. Расулзаде, «Баку был центром Азербайджанского национального движения, которое большевистская партия хотела уничтожить»⁴⁷.

Большевикам и их союзникам – дашнакам необходим был лишь удобный случай для развязывания вооруженной борьбы против азербайджанцев в Баку, который вскоре и представился. Им стал инцидент с пароходом «Эвелина», на котором 27 марта 1918 года в Баку прибыли офицеры и солдаты конного полка Азербайджанской дикой дивизии во главе с генералом Талышинским. Они намеревались участвовать в похоронах своего сослуживца, сына известного азербайджанского предпринимателя и мецената Г.Э. Тагиева – Мамеда Тагиева, погибшего в результате неосторожного обращения с оружием.

После похорон своего сослуживца и оказания ему последних военных почестей вечером 29 марта 1918 года солдаты и офицеры дикой дивизии собирались на пароходе «Эвелина» отплыть обратно в Ленкорань, который находится в 270 км к югу от Баку, на берегу Каспийского моря. Однако руководители Бакинского Совета не разрешили капитану парохода «Эвелина» отойти от пристани, потребовав от солдат и офицеров дикой дивизии в течение 24 часов сдать оружие представителям Исполнительного комитета Бакинского Совета⁴⁸.

⁴⁶ Шаумян С.Г. Избранные произведения. М., 1978. Т. 2. С. 291.

⁴⁷ Расулзаде М.Э. Азербайджанская Республика. С. 33 (на азерб. яз.).

⁴⁸ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 25.

Разоружение азербайджанских военнослужащих, к тому же собирающихся отплыть в Ленкорань, вызвало справедливое возмущение азербайджанского населения Баку и его окрестностей, фактически беззащитного перед расквартированными в городе многотысячными вооруженными формированиями большевиков и партии «Дашнакцутюн».

И уже утром 30 марта 1918 года в различных районах города стали возникать стихийные митинги протеста азербайджанцев, участники которых вполне обоснованно требовали возвращения конфискованного у азербайджанских военнослужащих оружия или же одновременного разоружения находящихся в Баку армянских формирований.

Именно в этой напряженной атмосфере в городе было получено сообщение об обстреле отряда красноармейцев. Как впоследствии выяснилось, обстрел конного отряда Красной Армии был совместно разработанной и осуществленной провокацией большевистско-дашнакского альянса, и выстрелы в сторону красноармейцев были произведены армянскими солдатами.

Воспользовавшись этой провокацией, руководители Бакинского Совета дали команду своим вооруженным формированиям незамедлительно начать крупномасштабную военную операцию в азербайджанских кварталах Баку. Собственное признание С.Г. Шаумяна свидетельствует о том, что большевикам нужен был лишь повод: «Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... у нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3–4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана»⁴⁹.

⁴⁹ Шаумян С.Г. Избранные произведения. С. 246.

Под предлогом борьбы с мусаватистами большевистско-дашнакские отряды фактически вели целенаправленное уничтожение мирного населения, жертвами которого только в Баку и его окрестностях стали более 12 тыс. мирных азербайджанцев⁵⁰. Начавшиеся вечером 30 марта 1918 года, эти азербайджанские погромы в городе продолжались фактически в течение недели.

Мартовские события 1918 года были обусловлены стремлением большевистско-дашнакского альянса к полному уничтожению национальных сил во главе с партией «Мусават», ратовавших за создание азербайджанской автономии. Развязав мартовские события, они стремились убрать с пути «Мусават», чтобы обезопасить свою власть в Азербайджане.

К сожалению, на протяжении десятилетий мартовские события 1918 года в советской историографии преподносились как спровоцированная якобы мусаватистами гражданская война. Доказывая «бесосновательность» подобных обвинений, лидер «Мусавата» М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что «для объявления войны нужно было располагать хоть какой-нибудь физической силой, которой у «Мусавата» не было»⁵¹.

Этот факт подтверждают не только многие зарубежные, но даже некоторые советские исследователи. В частности, Я. Ратгаузер в своей работе «Революция и гражданская война в Баку», изданной в середине 20-х годов XX века, пишет: «Регулярных воинских частей у партии «Мусават» к началу событий в городе не было. Мусаватские силы, находившиеся в районах, не были своевременно подтянуты к городу. Мы предполагаем, что руководящее ядро партии «Мусават» не ожидало начала боя в день 30 марта»⁵².

Тогдашние лидеры большевиков и дашнаков в Баку обвиняли «Мусават» также в том, что он спровоцировал мартовские события 1918 года своей приверженностью к идее автономии Азербайджана. Отвечая на подобные обвинения, М.Э. Расулзаде

⁵⁰ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 32.

⁵¹ «Азербайджан». 1919. 6 декабря.

⁵² Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917–1918. С. 145.

подчеркивал, что «это, может быть, похоже отчасти на правду, поскольку если бы мы покорно гнули головы перед врагами нашей свободы, не было бы, может быть, этих событий»⁵³.

При этом М.Э. Расулзаде открыто признает, что «мы этого сделать не могли. Мы открыто в то время требовали автономии для Азербайджана. Этим мы увеличивали число своих врагов. Наши враги говорили, что автономии Азербайджана желают некоторые лица для своих личных интересов и что это не является желанием всего азербайджанского народа. Но они отлично знали, что народ идет за «Мусаватом». Ведя с нами борьбу, они вели борьбу с азербайджанским народом. Все так называемые левые партии направляли свои удары на «Мусават». Наша партия всячески старалась избежать этих событий. Она через газету «Ачыг соз» обратилась к населению с призывом не поддаваться эмоциям, но тем не менее война была начата. Известие о мартовских событиях достигло членов ЦК (партии «Мусават». – А.Б.) в Гяндже (Елисаветполе) и Тифлисе»⁵⁴.

Действительно, в разгар мартовских событий находившийся в Тифлисе М.Э. Расулзаде отчаянно пытался добиться от руководства Закавказского Сейма принятия действенных мер с целью прекращения террора в отношении мирного азербайджанского населения Баку. 1 апреля 1918 года, выступая по этому поводу в Сейме, М.Э. Расулзаде предупреждал, что «если Закавказское правительство не примет тех решительных шагов, то имейте в виду, что нам невозможно будет сидеть здесь и вести солидарную работу. Надо всеми мерами выступить против большевиков, против натиска с севера, который может прервать нашу самостоятельную, нашу солидарную жизнь. Если мы не возьмем вместе за это дело, то невозможна никакая солидарная работа и никакое счастье для Закавказья»⁵⁵. Однако грузино-армянское большинство Сейма фактически ограничилось лишь словесным осуждением действий большевиков.

⁵³ Балаев А. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. С. 22.

⁵⁴ «Азербайджан». 1919. 6 декабря.

⁵⁵ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 20 марта 1918 года. С. 39.

Между тем дальнейшее развитие событий в регионе показало, что массовое уничтожение мирных азербайджанцев в Баку и его окрестностях со стороны большевистско-дашнакских отрядов являлось лишь прелюдией более масштабной операции по выживанию азербайджанцев с их исконных земель на территории Бакинской губернии. Так, вслед за Баку большевистско-дашнакскими силами были организованы азербайджанские погромы в Кубинском, Шемахинском, Ленкоранском и некоторых других уездах Бакинской губернии. Всего в ходе этих событий весной 1918 года большевистско-дашнакскими отрядами в различных регионах Азербайджана были уничтожены примерно 30 тысяч мирных азербайджанцев.

Это было проявлением стремления руководства Бакинского Совета к максимальному уменьшению численности азербайджанского населения на этих землях. Дело в том, что в этот период большевистские лидеры всерьез вынашивали планы по отторжению Баку и других прикаспийских территорий Бакинской губернии от Азербайджана с последующим их включением в состав Российской Федерации. Они даже подготовили соответствующее идеологическое обоснование для реализации этого плана. Так, по мнению одного из большевистских лидеров – И.В. Сталина, в экономическом отношении Бакинский нефтяной район не имел ничего общего с остальной частью Азербайджана. Учитывая господство в марксистской идеологии экономического детерминизма, этим своим высказыванием И.В. Сталин фактически отказывался признать Баку и его окрестности составной частью Азербайджана. В этом вопросе с И.В. Сталиным были солидарны и другие большевистские лидеры, в частности руководитель Бакинского Совета С.Г. Шаумян.

Ради справедливости следует признать, что в вопросе отторжения Баку от остальной части Азербайджана идентичную с большевиками позицию занимали их самые непримиримые политические оппоненты – меньшевики, эсеры и даже кадеты. Именно представитель кадетской партии в Закавказском сейме Ю.Ф. Семенов, обращаясь к членам мусаватской фракции, в

угрожающей форме заявлял: «Баку вы не увидите. Объявите свою автономию, свою федерацию, но оставьте нам Баку, ибо от Москвы мы откажемся, но от Баку никогда не откажемся»⁵⁶. При этом представитель кадетской партии считал власть Бакинского Совета проявлением самоопределения населения города.

По существу, речь шла о попытке большевиков не допустить создания на территории Закавказья политического образования под названием Азербайджан, к чему так стремились национальные силы страны во главе с «Мусаватом». Идея отторжения Баку от Азербайджана была выгодна и партии «Дашнакцутюн», поскольку облегчала реализацию ее планов по включению обширных территорий Бакинской и Елисаветпольской губерний в состав будущего армянского государства в Закавказье.

В этом процессе не осталась бы обделенной и грузинская сторона, которая претендовала на северо-восточные регионы Азербайджана – Шеки-Закатальскую зону. Поэтому вряд ли можно считать случайностью фактически созерцательную позицию грузинских лидеров Закавказского сейма в отношении мартовских событий 1918 года в Баку и других регионах Азербайджана.

Несмотря на то что в результате мартовских событий 1918 года большевистско-дашнакскому руководству Бакинского Совета удалось на короткое время стать полновластным хозяином в городе, победа, одержанная большевиками, в конечном итоге оказалась пирровой. Большевикам так и не удалось достичь своей стратегической цели – обезглавить и разгромить Азербайджанское национальное движение.

Наоборот, мартовские события 1918 года, окончательно подорвав и без того низкий авторитет большевиков среди азербайджанского населения, одновременно значительно укрепили социальную базу национально-демократических сил во главе с «Мусаватом». С другой стороны, эти события усилили консолидационные процессы в Азербайджанском национальном движе-

⁵⁶ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 54.

нии. Оказавшись перед лицом реальной угрозы национальному существованию, азербайджанские депутаты Сейма из различных партийных фракций выступили единым фронтом в оценке сущности и последствий мартовских событий.

Проявлением этой тенденции стало достижение согласия о создании структуры под названием «объединенных заседаний азербайджанских фракций Сейма». Данная структура выполняла функции центра координации действий этих фракций в общенациональных вопросах азербайджанских тюрок. Это объединение стало прообразом будущего Национального совета Азербайджана, объявившего независимость страны.

Создание подобной структуры не означало устранения в одночасье всех существующих разногласий между азербайджанскими фракциями, но с ее возникновением азербайджанские депутаты различной политической ориентации получили возможность оперативного и конструктивного обсуждения важнейших вопросов и принятия по ним согласованных решений.

Примечательно, что президиумом этого объединения по общему согласию всех азербайджанских партий был признан президиум фракции «Мусават» во главе с М.Э. Расулзаде⁵⁷. Таким образом, М.Э. Расулзаде фактически превратился в общего лидера всех азербайджанских фракций Сейма.

Мартовские события 1918 года сыграли также ключевую роль в изменении стратегических целей Азербайджанского национального движения. После этих событий ведущая сила национального движения – партия «Мусават» взяла курс на полную государственную независимость Азербайджана, поскольку эта трагедия продемонстрировала всю иллюзорность надежд на преобразование России под руководством большевиков в цивилизованное демократическое государство. Руководствуясь инстинктом самосохранения, и остальные азербайджанские партии

⁵⁷ Векилов Р. История возникновения Азербайджанской Республики // «Хазар». 1990. № 2. С. 111.

вынуждены были поддержать эту линию «Мусавата». На этой почве произошло постепенное сближение позиций основных азербайджанских политических партий относительно перспектив и целей развития национального движения.

Эти события привели к качественным изменениям не только в целях, но и в формах и средствах борьбы национального движения. Они показали, что относительно мирный период развития национального движения закончился, и в дальнейшем для достижения своих целей политические средства необходимо будет сочетать с вооруженными методами борьбы.

Серьезный политический кризис, к тому времени парализовавший Сейм, лишь ускорил процесс создания национального государства азербайджанских тюрков. Дело в том, что созерцательная позиция Сейма в отношении мартовских событий окончательно подорвала доверие азербайджанцев к нему. Сейм не пользовался особым авторитетом и у грузинских и армянских политиков. Ситуацию не спасло даже провозглашение 22 апреля 1918 года независимости Закавказской федеративной республики, на котором с самого начала деятельности Сейма настаивала фракция «Мусават».

Несмотря на то что к тому моменту между тремя основными национальными секторами Сейма – грузинским, азербайджанским и армянским – была достигнута принципиальная договоренность о провозглашении независимости Закавказья, само обсуждение вопроса проходило отнюдь не в спокойной обстановке. Дебаты порой принимали весьма острый характер, сопровождаясь взаимными обвинениями и оскорблениями.

В этом отношении особенно усердствовали представители левых эсеров и кадетов. Например, левый эсер Л. Туманов, отрицая саму возможность самостоятельного существования Закавказья без поддержки России, утверждал, что вопрос о независимости навязан Сейму «бекской партией «Мусават» в интересах Турции». Он считал, что «...независимость, провозглашенная в такой обстановке, в какой находится сейчас Закавказье, это есть

переход к полному рабству Турции»⁵⁸. Л. Туманов охарактеризовал этот акт «ножом, занесенным в спину демократии» со стороны «Мусавата»⁵⁹.

Отвечая на эти выпады в адрес «Мусавата», М.Э. Расулзаде заявил: «Тут понятно, когда дворянин Туманов говорит о партии «Мусават». Его психика вполне понятна. В этом дворянине Туманове, который хотя называет себя революционером, сидят еще дворянские вождедения империализма»⁶⁰. Далее М.Э. Расулзаде, раскрывая истинные причины подобного поведения Л. Туманова, подчеркнул, что поскольку «ничего разумного нельзя сказать против независимости, значит, надо натравливать на ту партию, которая стоит за независимость. Это теперь модно. Если сказать, как это говорили в старину империалисты, что такая-то нация панисламисты – это неудобно, не по моде демократического времени; надо свалить вину на определенную партию и дискредитировать ее тем, что это какая-то бекская партия»⁶¹. В заключение М.Э. Расулзаде, говоря о «Мусавате», сказал: «Какая эта партия – бекская или демократическая, об этом достаточно говорит его вотум, декларация и т.д.»⁶².

В своем выступлении М.Э. Расулзаде также аргументировал необходимость объявления независимости Закавказья. Он ясно дал понять, что независимость Закавказья является не отделением от демократической России, а отделением от русских штыков в лице большевиков. По его словам, «когда все народы многонациональной России хотели решить свою судьбу совместно с Россией, то эта Россия и российская демократия очутились в таком положении, что принципы и идеалы демократии не получили должной санкции, и вместо свободы мы видим в России анархию и развал. И те великие лозунги революции, которые обещали всем народам свободно самоопределиться, эти лозунги само-

⁵⁸ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 16.

⁵⁹ Там же. С. 47.

⁶⁰ Там же. С. 54.

⁶¹ Там же. С. 55.

⁶² Там же. С. 56.

определения превратились в другой лозунг – самоопределение, но по приказанию и по повелению центра»⁶³.

В результате объявленная Февральской революцией свобода, по мнению М.Э. Расулзаде, «оказалась в руках узурпаторов, называющих себя демократами, и приняла форму порабощения»⁶⁴. Далее он подчеркнул, что в этой ситуации закавказские народы столкнулись с реальной опасностью, когда «анархия может вылиться в форму централистской России и будут торжествовать не принципы демократии, а принципы империализма. Если мы и дальше будем терпеть это положение, то этот надвигающийся на нас северный империализм внесет в ряды закавказской демократии неурядицу, а также нашествие с юга – нашествие турок, которое тоже может нас разъединить. В этом разъединении гибель закавказской демократии»⁶⁵.

Именно по этой причине М.Э. Расулзаде считал, что для свободного развития закавказской демократии «Закавказье должно быть самостоятельным». Для того чтобы «закавказские народы могли жить солидарно и могли воспользоваться дарами свобод, приобретенных революцией, необходимо объявить независимость Закавказья» – констатировал М.Э. Расулзаде⁶⁶.

Следует отметить, что для М.Э. Расулзаде, как и в целом для «Мусавата», идея независимости Закавказья была не самоцелью, а практическим шагом в направлении создания азербайджанской государственности. Ведь М.Э. Расулзаде в тот момент был активным поборником конфедеративной формы устройства закавказского государства. Иными словами, по его замыслу, Закавказье должно было стать союзом независимых государств, объединившихся для координации своих действий в определенных областях и в первую очередь во внешнеполитической и военной сфере.

⁶³ Закавказский сейм. Стенографический отчет, 9 апреля 1918 года. С. 9.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 10.

⁶⁶ Там же.

Именно по инициативе М.Э. Расулзаде на совместном заседании азербайджанских сеймовых фракций 3 мая 1918 года было принято решение «поддерживать идею конфедерации Грузии, Армении и Азербайджана вместе с Северным Кавказом», причем Азербайджан и Северный Кавказ должны были «федерировать между собой»⁶⁷.

Впрочем, в тот период грузинские и армянские представители в Сейме не проявили особой заинтересованности в реализации идеи Кавказской конфедерации, что еще больше усилило дезинтеграционные процессы в Закавказье. В подобной ситуации Сейм окончательно потерял контроль над происходившими в Закавказье процессами. Как отмечал один из очевидцев тех событий, «пусто, скучно, никчемно, почти жутко было в зале заседаний Сейма в эти трагические для Закавказья дни. Чувствовалось уже, что все происходившее в Сейме происходит так себе, как бы от нечего делать, что о главном, о волнующем все равно говорить здесь не будут, что главное происходит там, за кулисами, у каждой партии, у каждой группы по-своему, без возможности что-либо делать сообща»⁶⁸.

Всем было очевидно, что дни Закавказской республики сочтены. В конечном итоге отсутствие единой сплачивающей цели и непреодолимые разногласия между закавказскими народами по основным проблемам внутренней и внешней политики сделали, по существу, невозможным их дальнейшее сосуществование в рамках единого государства.

Главной причиной неудачи национально-государственной программы, намеченной Сеймом, явилось несовпадение национальных устремлений закавказских народов, что, в свою очередь, было обусловлено множеством факторов исторического, политического, экономического и психологического характера. Устранение же этих противоречий в экстремальных условиях того времени было абсолютно нереально. Более того, они имели тенденцию к обострению, в чем немалую роль сыграли и внеш-

⁶⁷ ГА АР, ф.970, оп.1, д.1, л.34.

⁶⁸ Ставровский А. Закавказье после Октября. М.; Л., 1925. С. 49.

ние факторы, в частности острое соперничество мировых держав за влияние в регионе. При этом каждое из этих государств делало ставку на политические силы одной из закавказских наций. В итоге это привело к тому, что грузины заняли прогерманскую позицию, армяне остались верны своей проанглийской ориентации, а азербайджанцы склонились к Турции.

В этих условиях 26 мая 1918 года Закавказский сейм принял, пожалуй, единственно верное решение о своем самороспуске, тем самым санкционировав государственное размежевание закавказских народов. Как верно заметил представитель Грузинской национальной демократической партии Г.В. Гвазава, «...настал день национальной организации, ибо все остальные организации – чистая химера»⁶⁹.

§ 2. Первые шаги Азербайджанской Республики (май – декабрь 1918 года)

Роспуск Закавказского сейма и провозглашение независимости Грузии создали реальную угрозу возникновения вакуума власти на территории Азербайджана. С целью недопущения развития событий в таком опасном направлении азербайджанские депутаты теперь уже бывшего Сейма 27 мая 1918 года собрались на свое чрезвычайное заседание. Учитывая серьезность момента, «собрание всех бывших членов Закавказского сейма – азербайджанцев единогласно решило взять на себя бремя правления Азербайджаном, провозгласив себя Временным Национальным Советом Азербайджана»⁷⁰. Председателем Национального Совета (НС) в ходе тайного голосования был избран М.Э. Расулзаде, а его заместителями – Г. Агаев и М.Г. Сеидов.

Избрание М.Э. Расулзаде председателем НС Азербайджана, несомненно, явилось признанием его неоспоримых заслуг в

⁶⁹ *Ставровский А.* Закавказье после Октября. С. 83.

⁷⁰ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 47.

освободительной борьбе азербайджанских тюрков, в том числе со стороны его политических оппонентов. Учитывая, что в момент провозглашения независимости Национальный Совет являлся высшим органом государственной власти в Азербайджане, то М.Э. Расулзаде по праву считается первым президентом независимой Азербайджанской Республики.

Значимость избрания М.Э. Расулзаде руководителем Национального Совета еще больше возрастает в свете того факта, что он сам отсутствовал на этом заседании, поскольку находился в Батуме, где в составе закавказской делегации принимал участие в трудных переговорах с представителями Германии и Турции относительно политического будущего региона.

Следует отметить, что именно в Батуме, а не в Тифлисе в тот момент решалась судьба политического будущего не только Азербайджана, но и соседних Грузии и Армении. От результатов переговоров с германскими и турецкими представителями во многом зависела жизнеспособность принятых решений о провозглашении независимости трех закавказских государств.

28 мая 1918 года на заседании Национального Совета было принято решение о незамедлительном провозглашении независимости Азербайджана. Участники заседания 24 голосами при двух воздержавшихся (С.М. Ганизаде и Дж. Ахундов) утвердили текст «Акта о независимости Азербайджана», провозгласившего создание Азербайджанской Демократической Республики (АДР), который гласил: «В ходе великой российской революции в России установился политический строй, который повлек за собой распад отдельных частей государственного организма и оставление русскими войсками Закавказья.

Предоставленные собственным своим силам народы Закавказья взяли в свои руки дело устройства своих судеб и создали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Однако в дальнейшем ходе политических событий грузинский народ счел за благо выделиться из состава Закавказской Федеративной Республики и образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынешнее политическое положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Оттоманской империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктуют Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того тяжелого внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались.

На основании этого Мусульманский Национальный Совет Азербайджана, избранный народным голосованием, ныне всенародно объявляет:

I. Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав, и Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, является полноправным независимым государством.

II. Формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается Демократическая Республика.

III. Азербайджанская Демократическая Республика стремится установить добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества, а в особенности с сопредельными народами и государствами.

IV. Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола.

V. Азербайджанская Демократическая Республика всем народностям, населяющим ее территорию, предоставит широкий простор для свободного развития.

VI. До созыва Учредительного Собрания во главе управления всем Азербайджаном стоит Национальный Совет, избранный народным голосованием, и Временное правительство, ответственное перед Национальным Собранием»⁷¹.

Затем Национальный Совет утвердил состав первого пра-

⁷¹ *Гасанов Дж.* Азербайджан в системе международных отношений (1918–1920 гг.). Баку, 1993. С. 86 (на азерб. яз.).

ительства независимого Азербайджана во главе с Ф. Хойским. Кроме Ф. Хойского, который также выполнял полномочия министра внутренних дел, в состав правительства вошли Н. Усуббеков (министр финансов и министр народного просвещения), М.Г. Гаджинский (министр иностранных дел), Х. Мелик-Асланов (министр путей сообщения и министр почт и телеграфа), Х. Хасмамедов (министр юстиции), А. Шейхульисламов (министр земледелия и министр труда), Х. Султанов (военный министр), М.Ю. Джафаров (министр торговли и промышленности) и Дж. Гаджинский (министр государственного контроля)⁷².

30 мая 1918 года во внешнеполитические ведомства всех ведущих мировых государств были отправлены радиотелеграммы следующего содержания: «По распадению федеративной Закавказской Республики и после выхода от нее Грузии Национальный Совет Азербайджана 28 мая 1918 года объявил независимость Азербайджана, в состав которого входят Восточное и Южное Закавказье, и провозгласил Азербайджанскую Республику. Временное местонахождение моего Правительства в городе Гяндже. Хойский – Председатель Совета Министров Азербайджанской Республики»⁷³.

Азербайджанская Демократическая Республика была первой республикой в истории всего мусульманского Востока, ибо, как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «все другие государства тюркского происхождения в своем возникновении базировались главным образом на религиозной основе, тогда как Азербайджанская Республика основывается на современной базе национально-культурного самоопределения, на почве тюркской национально-демократической государственности»⁷⁴.

Как подчеркивал М.Э. Расулзаде в одной из своих публикаций, «народ превращается в нацию лишь в тот момент, когда демонстрирует свою решимость создать государство и настаивает

⁷² ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 4, л. 3.

⁷³ Там же, д. 5, л. 1.

⁷⁴ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

на этом»⁷⁵. По его мнению, «азербайджанское общество продемонстрировало свою волю стать нацией в современном смысле этого слова 28 мая – с провозглашением независимости и принятием соответствующей декларации»⁷⁶.

Чтобы по достоинству оценить этот шаг азербайджанских лидеров, следует учесть, что до 28 мая 1918 года не существовало отдельной, общепризнанной национально-административной и социально-политической единицы под названием «Азербайджан». В этом контексте М.Э. Расулзаде вполне справедливо отмечал, что лишь «обнародовав Декларацию 28 мая 1918 года, Национальный Совет Азербайджана подтвердил существование азербайджанской нации в политическом смысле этого слова. Тем самым понятие «Азербайджан» из географического, этнографического и лингвистического превратилось в политическое определение»⁷⁷.

Несмотря на то что провозглашение независимости стало восстановлением исторической справедливости и реализацией естественного права азербайджанских тюрков на собственную государственность, тем не менее принятие такого ответственного решения требовало от членов НС Азербайджана немалого политического мужества и воли, а также определенной доли риска. Дело в том, что не только внешнеполитические факторы, но и внутренняя ситуация в стране отнюдь не благоприятствовала созданию независимого Азербайджанского государства. К тому же необходимо признать, что в момент провозглашения 28 мая 1918 года независимость Азербайджана имела в значительной степени декларативный характер.

В первую очередь это было связано с тем, что независимость была провозглашена за пределами Азербайджана. И для наполнения государственной независимости реальным содержанием еще предстояло обеспечить переезд национального правительства из Тифлиса в пределы страны и установить его юрисдикцию над всей территорией Азербайджана, значительная часть которо-

⁷⁵ *Resulzade M.E. Milli Tesanüd. S. 25.*

⁷⁶ *A.g.e. S. 18.*

⁷⁷ «Истиглал». 1933. 28 мая (на азерб. яз.).

го, включая столицу Баку, в то время находилась под контролем большевистских сил. Необходимо было также ликвидировать очаги сепаратизма в различных регионах Азербайджана, угрожающие самому существованию молодой республики, создать дееспособную систему государственной власти, призванную решить первоочередные задачи национального возрождения, приступить к военному строительству с целью создания национальной армии, способной защитить страну от внешних угроз. И самое главное – национальному правительству предстояло добиться признания независимости Азербайджана со стороны мирового сообщества и в первую очередь союзных держав.

Решение всех этих многочисленных проблем составляло основное содержание деятельности Национального Совета после провозглашения независимости Азербайджана 28 мая 1918 года. И М.Э. Расулзаде как председатель этого высшего на тот момент органа государственной власти страны непосредственно руководил процессом становления и упрочения азербайджанской государственности.

В этой связи глубоко символично, что на первом международном документе, констатировавшем факт существования независимого Азербайджана, стоит подпись М.Э. Расулзаде. Именно он вместе с тогдашним министром иностранных дел национального правительства М.Г. Гаджинским 4 июня 1918 года подписал договор о дружбе между Османской империей и АДР, ставший гарантией безопасности азербайджанской независимости в начальный период ее существования. В этом отношении большое значение имела IV статья этого договора, согласно которой «Императорское Оттоманское правительство обязалось оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, если таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране»⁷⁸.

Этот пункт договора позволил азербайджанскому правительству обратиться за военной поддержкой к Турции, когда в начале

⁷⁸ *Гасанов Дж.* Азербайджан в системе международных отношений. С. 90.

июня 1918 года вооруженные силы Бакинского Совета начали наступление в направлении временной столицы страны – Гянджи. Учитывая печальный опыт мартовских событий 1918 года, не вызывает сомнений, что наступление большевистско-дашнакских сил в направлении Гянджи представляло смертельную угрозу не только для азербайджанской независимости, но самого физического существования азербайджанских тюрок.

Характерно, что 24 мая 1918 года, т.е. еще до распада Закавказской Федерации и образования Азербайджанской Республики, руководитель Бакинского Совета С.Г. Шаумян открыто писал: «...мы готовимся в ближайшее время пойти на Гянджу. Нужно торопиться в Гянджу, чтобы там, а затем и дальше вызвать восстание армян... Если это восстание не произойдет и турки успеют закрепить за собой Грузию и Тифлис, тогда мы будем совершенно изолированы и нам придется оборонять только Абшеронский полуостров»⁷⁹. Как видно из содержания этого письма, руководитель бакинских большевиков строил масштабные планы по распространению своей власти на территорию всего Закавказья. И первым шагом на пути реализации этого плана должно было стать уничтожение национальных сил Азербайджана, выступавших за государственную независимость страны.

Наличие подобных планов у большевиков подтверждает и военный историк А.Б. Кадишев. По его мнению, успех наступления на Гянджу позволил бы большевикам «установить связь с районами Азербайджана, находившимися еще под господством мусаватистов... разгром войск мусаватистов открывал дорогу в Грузию и Армению и давал возможность объединить революционные силы Закавказья»⁸⁰.

В этой непростой ситуации правительство Османской империи незамедлительно отреагировало на просьбу азербайджанской стороны, направив свои регулярные части в Азербайджан.

⁷⁹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917–1918 гг. Баку, 1957. С. 425.

⁸⁰ Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 110–111.

Турецким частям при поддержке азербайджанских добровольцев удалось в битве под Геокчаем, которая продолжалась в течение четырех дней, с 27 июня по 1 июля 1918 года, приостановить продвижение большевистских сил к Гяндже. Битва под Геокчаем стала переломным моментом в летней военной кампании 1918 года, поскольку после нее стратегическая инициатива на фронте полностью перешла в руки турецко-азербайджанских сил.

Следует отметить, что в начальный период своего существования Азербайджанская Республика сталкивалась не только с серьезными внешними угрозами, но и внутренними проблемами. Дело в том, что уставшее от бесчинств большевистско-дашнакских вооруженных формирований мирное азербайджанское население жаждало силы, способной восстановить спокойствие и порядок в стране. При этом многие азербайджанцы осознавали, что собственными силами не удастся пресечь господствующую в стране анархию и хаос. В этом отношении они возлагали особые надежды на помощь Османской империи. Появление в начале июня 1918 года в Гяндже 300 турецких военных инструкторов во главе с Нури-паши и восстановление ими за относительно короткий срок должного правопорядка в городе еще больше усилили авторитет и популярность турок среди азербайджанского населения.

Этой ситуацией решили воспользоваться так называемые «илхагисты» – сторонники присоединения Азербайджана к Турции. Основной костяк «илхагистов» составляли буржуазно-помещичьи и клерикальные круги Азербайджана, которые не без основания опасались укрепления позиций НС во главе с М.Э. Расулзаде.

При этом «илхагистов» тревожила не столько сама идея независимости Азербайджана как таковая, сколько планы НС Азербайджана по кардинальной реорганизации политической системы страны на основе демократических ценностей. Призывы членов НС к скорейшей реализации широких демократических свобод, необходимости отделения церкви от государства, проведению аграрной реформы, предоставлению женщинам равных с

мужчинами гражданских прав и др. не без основания рассматривались этими кругами прямой угрозой своим привилегиям.

В силу этого для немалой части азербайджанской буржуазии, помещиков и духовенства НС и созданное им правительство являлись слишком революционными и радикальными. Путем слияния Азербайджана с Турцией они пытались помешать осуществлению этих планов НС. Как впоследствии подчеркивал М.Э. Расулзаде, «турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул»⁸¹.

«Илхагисты» развернули масштабную кампанию среди населения против Национального Совета, не брезгуя при этом никакими средствами. Так, приверженность Национального Совета к идее азербайджанской независимости «илхагисты» объясняли тем, что руководители этой структуры якобы продались армянам и не желают прихода турецких войск в Азербайджан⁸². В условиях, когда протурецкие настроения в Азербайджане были в своем апогее, подобная «пропаганда» находила определенный отклик у наиболее отсталой части населения, недостаточно проинформированной о деятельности Национального Совета.

Характерно, что еще задолго до объявления независимости Азербайджана, в период существования Закавказского сейма, «илхагисты» направили своих многочисленных эмиссаров в Трапезунд, Батум и Стамбул, где проходили переговоры между Турцией и закавказской делегацией, чтобы убедить турецких представителей в необходимости вхождения Азербайджана в состав Османской империи⁸³. В своих воспоминаниях Р. Векилов отмечал, что «с первых же дней открытия мирных переговоров с Турцией сепаратные делегации от азербайджанского населения наводнили сперва Трапезунд, потом Батум и Стамбул, выставляя свой пресловутый лозунг «илхаг»⁸⁴.

⁸¹ «Азербайджан». 1919. 12 февраля.

⁸² «Азербайджан». 1919. 28 мая.

⁸³ «Эльм». 1992. 17 января (на азерб.яз.).

⁸⁴ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

Одновременно эмиссары «илхагистов», используя религиозный фактор, вели активную кампанию дискредитации национальных сил Азербайджана на страницах турецкой печати. Дело в том, что подавляющее большинство азербайджанских тюрок являются шиитами, в то время как османские турки в основном принадлежат к суннитскому течению ислама. Спекулируя на этом факте, представители «илхагистов» через турецкую прессу распространяли слухи о якобы притеснении суннитов в Азербайджане со стороны шиитов, захвативших все ключевые посты в национальном правительстве. Они утверждали, что среди правительственных лиц нет ни одного суннита. С подобным доносом они даже обратились к главе турецкого правительства⁸⁵.

Отсутствие традиций государственности, низкий уровень национального и политического сознания у значительной части населения, а также имидж турок как «спасителей» Азербайджана являлись дополнительными факторами, способствовавшими успеху пропагандистской деятельности «илхагистов». Ведь определенная часть «илхагистов» искренне полагала, что «азербайджанцы не в состоянии создать и управлять самостоятельным государством. Поэтому они были убеждены в том, что в этой ситуации нет ничего предосудительного в нахождении двух братских тюркских народов под одним государственным управлением»⁸⁶.

Положение сторонников азербайджанской независимости еще больше осложнялось тем обстоятельством, что «илхагисты» пользовались полной поддержкой командующего турецкими войсками в Азербайджане Нури-паши. Это было обусловлено близостью их политических взглядов относительно перспектив государственного развития Азербайджана.

Следует учесть, что для тогдашних правящих кругов Османской империи была абсолютно неприемлемой приверженность лидеров Национального Совета к демократическим идеалам рос-

⁸⁵ ГА АР, ф.894, оп. 10, д. 31, л. 7.

⁸⁶ «Элм». 1992. 17 января (на азерб.яз.).

сийской революции и светской модели государства. Кроме того, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что Нури-паша был братом по отцу одного из наиболее радикально настроенных в отношении так называемых «восточных территорий» турецких руководителей – Энвер-паши и активным проводником в жизнь его политической программы, предусматривающей интеграцию всех тюркских народов Кавказа и Средней Азии в состав Османской империи.

По этой причине поддержку, оказанную со стороны Нури-паши «илхагистам», вряд ли можно объяснить тенденциозной информированностью турецкого генерала о намерениях НС Азербайджана, как это утверждают некоторые исследователи, пытаясь из добрых побуждений сглаживать естественные противоречия между Азербайджаном и Турцией в тот период. По нашему мнению, поддержка Нури-паши «илхагистов» исходила из самой сути тогдашней политики правящих кругов Турции в отношении тюркских народов, в том числе Азербайджана.

Так, еще в марте 1918 года в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией в подобие Австро-Венгрии. Естественно, что подобное предложение было отвергнуто азербайджанскими представителями, поскольку фактически означало аннексию Азербайджана со стороны Турции⁸⁷.

Однако демократические силы АДР, сгруппировавшиеся вокруг Национального Совета, ясно отдавали себе отчет в том, что без поддержки стратегического союзника им не удастся реализовать идею азербайджанской независимости. И только с помощью дружественной внешней силы можно спасти азербайджанский народ от разрушающей анархии и дашнакско-большевистской угрозы, водворив в стране государственный порядок. В сложившихся в то время условиях таким стратегическим союзником могла стать лишь Турция.

⁸⁷ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. С. 208.

Но в отличие от «илхагистов» руководители Национального Совета не собирались взамен даже этой жизненно необходимой в тот момент помощи жертвовать азербайджанской независимостью. Для М.Э. Расулзаде и его соратников идея азербайджанской независимости была не преходящей идеей и не предметом политического торга, они защищали ее от любых посягательств, откуда бы это ни исходило.

Подтверждением тому являются слова Н. Усуббекова, который перед мирной конференцией в Батуме говорил: «Анархия столь грандиозного размера, которая имеется не только у нас, у азербайджанских тюрков, но и на всей территории Закавказья, не может быть подавлена нашими собственными силами; положение еще больше усугубляется тем, что с востока наступают большевики в союзе с нашими вековыми врагами, неся с собою разорение и окончательную гибель тюркскому народу. При таком положении вещей, при такой нашей беззащитности нет другого исхода, как обратиться к иностранному вмешательству. В данном случае мы можем радоваться тому счастливому сочетанию обстоятельств, что внешней силой, долженствующей явиться сюда, будет дружественная и братская нам сила – Турция... Настало время, когда наша делегация должна идти в Батум и от имени тюрков Восточного Закавказья просить помощи у Оттоманской империи. Но при всем этом никогда не надо упускать из виду идею самостоятельного существования свободного Азербайджана»⁸⁸.

Некоторые члены Национального Совета, хорошо осведомленные о наличии аннексионистских настроений в правящих кругах Османской империи в отношении Азербайджана, еще в ходе заседания от 28 мая 1918 года высказывали сомнения относительно целесообразности немедленного провозглашения независимости Азербайджана. В частности, проявляя нерешительность в этом вопросе, Ф. Хойский предлагал «до выяснения ситуации на местах воздержаться от объявления независимости Азербайджа-

⁸⁸ *Ставровский А.* Закавказье после Октября. С. 50–51.

на и ограничиться образованием полноправного правительства Азербайджана для ведения мирных переговоров с державами»⁸⁹.

Правда, на том же заседании НС Г. Агаев, пытаясь успокоить своих коллег, утверждал, что прибытие в Гянджу турецких офицеров во главе с Нури-пашой не имеет ничего общего с будущим политическим устройством Азербайджана и «турки не преследуют никаких агрессивных действий в политической жизни Азербайджана, а наоборот, они заинтересованы в сохранении самостоятельности Азербайджана»⁹⁰. Однако, как показал дальнейший ход событий, опасения Ф. Хойского были не напрасны.

В этой связи отнюдь не случайно, что, переехав 16 июня 1918 года из Тифлиса в Гянджу, Национальный Совет и азербайджанское правительство сразу же натолкнулись на крайне враждебное отношение Нури-паши. Обладавший реальной властью в городе Нури-паша публично выразил недоверие Национальному Совету и сформированному им правительству, тем самым спровоцировав серьезный политический кризис.

Попытки делегации НС и правительства Азербайджана в составе М.Э. Расулзаде, Ф. Хойского и М.Г. Гаджинского обсудить с Нури-пашой возможные пути выхода из создавшейся ситуации потерпели провал. Нури-паша высокомерно отказался даже выслушать азербайджанских лидеров под тем предлогом, что «он солдат и в политике не разбирается», и направил их к своему советнику по гражданским делам Ахмед беку Агаеву.

Подобное поведение Нури-паши было равносильно выражению недоверия НС Азербайджана и сформированному им правительству. Фактически на карту было поставлено само существование независимого Азербайджана. Тем более что начало переговоров азербайджанских лидеров с А. Агаевым также не предвещало ничего оптимистичного для сторонников сохранения государственной независимости Азербайджана. Будучи убежденным сторонником пантуранистских идей, А. Агаев

⁸⁹ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 49–50.

⁹⁰ Там же.

больше всего опасался того, что азербайджанские турки пойдут по пути формирования самостоятельного государства. В этом смысле он был яростным поборником идеи вхождения Азербайджана в состав Османской империи. Эти разногласия между НС Азербайджана и турецким командованием фактически являлись отражением «борьбы между демократическими течениями и консервативными силами вокруг проблемы государственного устройства Азербайджана»⁹¹.

Придерживаясь принципиальной позиции в вопросе азербайджанской независимости, М.Э. Расулзаде в категоричной форме выступил против планов «илхагистов» относительно вхождения Азербайджана в состав Османской империи. Одновременно он был сторонником поиска компромиссных вариантов с целью недопущения дальнейшего разрастания конфронтации между Национальным Советом Азербайджана и Нури-пашой, поскольку прекрасно осознавал негативные последствия подобного развития ситуации.

Одним из таких компромиссных вариантов стало сформулированное М.Э. Расулзаде предложение о реорганизации Национального Совета. Оно предусматривало расширение состава Национального Совета за счет сторонников Нури-паши и формирование нового правительственного кабинета. Но при этом НС сохранял за собой статус высшего органа государственной власти в Азербайджане, а право выдвижения кандидатуры нового премьер-министра сохранялось за председателем НС⁹².

Подобный компромисс был неприемлем для Нури-паши, стремившегося к единоличной власти в Азербайджане и, следовательно, полному контролю над правительством. Поэтому компромиссное предложение М.Э. Расулзаде было отвергнуто А. Агаевым. При этом он многозначительно намекнул, что народ не поддерживает Национальный Совет и в случае мятежа турки не намерены защищать Национальный Совет⁹³.

⁹¹ *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская Республика. С. 40 (на азерб. яз.).

⁹² ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 48.

⁹³ Там же.

По существу, это было плохо скрытой угрозой в адрес Национального Совета, чтобы добиться его полной ликвидации в качестве высшего органа власти в стране. Отсутствие у А. Агаева всякого желания искать с представителями Национального Совета взаимоприемлемый выход из ситуации вынудило азербайджанских лидеров поставить вопрос ребром: «На каких условиях Нури-паша согласится поддержать азербайджанское правительство?» На это последовал такой же прямой ответ А. Агаева, смысл которого заключался в том, что необходимо распустить Национальный Совет, чтобы Нури-паша получил возможность по своему усмотрению организовать новое правительство⁹⁴. Нетрудно было догадаться, что правительство Нури-паши состояло бы из «бывших придворных служителей русского царизма и шейх-уль-ислама»⁹⁵, то есть исключительно из противников азербайджанской независимости.

Естественно, что лидеры Национального Совета не могли принять это предложение А. Агаева, которое фактически было равносильно отказу от независимости Азербайджана. В тот момент члены Национального Совета, по выражению М.Э. Расулзаде, оказались фактически в положении «войсковой части, получившей приказ защищаться на последних тыловых позициях отступающей армии в самый грозный и ответственный момент битвы»⁹⁶.

В этой ситуации лишь твердость и прагматизм М.Э. Расулзаде и других руководителей НС, сочетавшиеся с их готовностью пойти на разумные компромиссы, не затрагивающие фундаментальные принципы государственной независимости, позволили с наименьшими потерями выйти из острейшего политического кризиса.

⁹⁴ *Holly Shissler* A. İki İmparatorluk Arasında: A. Ağaoglu ve Yeni Türkiye. İstanbul, 2005. S. 260

⁹⁵ *Мусаев И.М.* Политическая ситуация и политика иностранных государств в азербайджанских регионах – Нахчыване и Зангезуре. (1917–1921 гг.) Баку, 1998. С. 99 (на азерб. яз.).

⁹⁶ *Векилов Р.* История возникновения Азербайджанской Республики // «Хазар». 1990. № 2. С. 122.

В частности, отрезвляющее воздействие на турецких представителей оказало предупреждение азербайджанских лидеров о том, что в случае насильственного разгона НС и образования нового правительства Азербайджана под непосредственным руководством Нури-паши Турции не избежать осложнений на международной арене. Ведь фактическая аннексия Азербайджана противоречила международным обязательствам Турции как перед своими союзниками по Первой мировой войне, так и перед Россией по Брест-Литовскому договору. В итоге турецким представителям все же пришлось пойти на компромисс с НС Азербайджана.

17 июня 1918 года с целью обсуждения сложившейся ситуации на свое экстренное заседание собрался НС Азербайджана. Открывая заседание, М.Э. Расулзаде, в частности, сказал: «В вопросах, предстоящих нашему сегодняшнему обсуждению, мы должны прежде всего не поддаваться чувствам и, понимая всю ответственность и чрезвычайность положения, обсудить его с должным хладнокровием. Сегодня мы должны принять во внимание создавшееся положение, оставаясь верными своим принципам». Далее М.Э. Расулзаде выразил надежду, что члены НС «при принятии решения будут руководствоваться интересами Родины и нации, и этим докажут свой патриотизм»⁹⁷.

Подчеркивая сложность ситуации, он предупредил, что «азербайджанский идеал, рожденный вследствие мировой войны и российской революции и делающий первые шаги на арене политической жизни, переживает невыразимо важные минуты. Дойдет ли это новорожденное тюркское политическое дитя до совершеннолетия, займет ли место в ряду других наций или погибнет как хилый ребенок? Вот момент, когда на долю лиц, взявших в свои руки судьбу Азербайджана, выпадает самый трудный, но вместе с тем самый важный долг – не дать погибнуть новорожденному Азербайджану»⁹⁸.

Таким образом, даже в такой критической ситуации М.Э. Расулзаде ставил во главу угла задачу сохранения азербайджанской

⁹⁷ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 57.

⁹⁸ Там же, л. 61.

независимости. И особо следует отметить то обстоятельство, что в этом вопросе он получил абсолютную поддержку членов Национального Совета. Практически все члены НС независимо от их политической принадлежности высказались за сохранение независимости Азербайджана. Однако в противостоянии с Нури-пашой соотношение сил было явно не в пользу НС Азербайджана, что делало неизбежным определенные уступки со стороны последнего.

Это осознавали и члены НС, предлагавшие различные варианты выхода из кризисной ситуации. Так, М. Магеррамов (Мусульманский социалистический блок) предложил НС упраздниться, никому не уступив свою власть и возвратив ее народу⁹⁹. Представитель меньшевистского «Гуммета» А. Шейхульисламов же утверждал, что Национальный Совет не может никому уступить прав, данных ему народом. «Пусть нас распустят силой. И пусть будет известно, что желающие распустить нас являются врагами и Азербайджана, и Турции», – заявил он¹⁰⁰.

Национальный Совет действительно стоял перед трудноразрешимой дилеммой: полностью самоустраниться от управления страной, уступив дорогу «илхагистам», результатом чего стала бы полная потеря государственной независимости Азербайджана, или же, придерживаясь тактики компромиссов и даже жертвуя определенной частью суверенитета страны, все же не позволить «илхагистам» и стоящим за ними силам полностью монополизировать государственную власть, тем самым сохранив перспективу демократического и независимого развития Азербайджана в будущем.

Ситуация еще больше осложнилась тем, что представители социалистических партий в знак протеста против действий Нури-паши решили выйти из состава Национального Совета, тем самым сняв с себя всякую ответственность за дальнейшее развитие событий.

⁹⁹ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 59.

¹⁰⁰ Там же, л. 60.

В этой критической обстановке инициативу снова взял в свои руки М.Э. Расулзаде, повторно призвав членов Национального Совета не поддаваться эмоциям. Он решительно выступил против добровольной уступки Нури-паше права формирования нового правительства Азербайджана. М.Э. Расулзаде напомнил своим коллегам по Национальному Совету о том, что «если мы не воспользуемся данными нам народом правами и уступим организацию правительства другим силам, то будет опасность формирования реакционного правительства»¹⁰¹.

Позицию М.Э. Расулзаде поддержал и Н. Усуббеков. В своем обращении к участникам заседания Н. Усуббеков, имея в виду «илхажистов» и их покровителей из числа турецких офицеров, в частности, сказал: «Эти личности хотят пользоваться нашими правами. Если мы не захотим сделать никаких уступок и крепко будем держаться за наши права, то повредим международному положению страны. Но в такой серьезный момент это не будет делом патриота. А потому я предлагаю принять отставку кабинета и предложить нашему председателю поручить формирование нового правительства тому, кому он доверяет. Новоорганизованному правительству дадим все полномочия с условием сохранения завоеваний свободы и верности им, чтобы оно управляло страной, созвало в ближайшем будущем Учредительное собрание и не уступало добровольно никому своих прав и сдалось бы только силе и штыкам. Я должен заявить, что буду первым защитником независимости против всяких покушений»¹⁰².

Взвешенная и прагматичная позиция М.Э. Расулзаде и Н. Усуббекова, а также их скоординированные действия позволили склонить членов НС к принятию компромиссного решения. По предложению Н. Усуббекова участники заседания единогласно проголосовали за отставку кабинета Ф. Хойского и поручили председателю НС М.Э. Расулзаде выдвинуть кандидатуру, ответственную за формирование нового правительства.

¹⁰¹ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 61.

¹⁰² Там же, л. 57.

Формирование нового кабинета председатель НС М.Э. Расулзаде вновь поручил Ф. Хойскому. Затем Национальный Совет принял постановление о правах и обязанностях правительства Ф. Хойского. Согласно этому документу правительство не имело «права отменить государственную независимость и существующие политические свободы, а также изменить революционные законы по аграрному и другим подобным важным вопросам». Постановление также обязывало правительство Ф. Хойского принять незамедлительные меры с целью созыва Учредительного собрания Азербайджана в течение ближайших шести месяцев. В остальных вопросах управления государством правительство имело полную свободу действий¹⁰³. После этого, передав «всю полноту власти образованному под председательством Ф. Хойского правительству», НС принял решение о своем роспуске¹⁰⁴.

В своей заключительной речи на заседании М.Э. Расулзаде признал, что «уход со сцены Национального Совета, являвшегося хотя бы отчасти народным представительством во временной столице Азербайджана – г. Гяндже, несомненно, должен считаться отступлением демократии и успехом реакционных сил». Тем не менее он призвал членов Национального Совета не отчаиваться и не терять оптимизма.

Далее, анализируя происходящие на территории бывшей Российской империи политические процессы, М.Э. Расулзаде заявил: «Нынешнее положение рождает в нас мысль о крахе русской революции. Но, господа, не обманем себя внешним видом, не будем думать так поверхностно. Пусть говорят что хотят, – русская революция вовсе не потерпела крах. Что должна была совершить российская революция? На этот вопрос не надо отвечать с точки зрения русских революционеров, отравленных мыслью о «Великой России», а следует анализировать природу самой революции. Если поступим так, то станет очевидным, что русская революция должна была освободить униженные и обе-

¹⁰³ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 149, л. 89.

¹⁰⁴ Там же.

здоленные классы и поработанные народы. Мы должны признать, что обездоленные классы получили больше, чем хотели, а народы получают независимость один за другим. Да, разрушается великая Россия, охватывающая шестую часть всей суши. Но разве революция обязана была воссоздать великую Россию? Категорически нет».

М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «положение будет лучше прежнего. А потому до сих пор живу надеждами. Я знаю, что Азербайджан полностью будет пользоваться демократическими принципами и свободами российской революции, и не сомневаюсь в том, что в независимом Азербайджане общественные и личные свободы будут шире, чем в прежней деспотической России. Даже, господа, хочу утверждать, что Азербайджан будет счастливее Грузии, считающейся самой свободолюбивой и революционной республикой на Кавказе».

Не считая нужным реагировать на выпады политических противников Национального Совета, М.Э. Расулзаде лишь выразил уверенность в том, что «через несколько месяцев свободные народные выборы покажут истинное желание народа. Сам народ будет судьей в этом споре, и истина выяснится».

В завершение своего выступления, обращаясь к членам Национального Совета, М.Э. Расулзаде сказал: «Не забудем, что исторический момент благоприятствует нашим национальным идеалам. И будем надеяться, что скоро увидимся в столице Азербайджана – Баку, в Учредительном собрании. Да здравствует Азербайджан! Да здравствует тюркский народ!»¹⁰⁵ Как показало дальнейшее развитие событий, эти слова М.Э. Расулзаде оказались поистине пророческими.

Таким образом, в борьбе с «илхагистами» Национальному Совету удалось, хотя и в значительно ограниченной форме, сохранить независимость Азербайджана. Ради этого члены Национального Совета фактически добровольно отказались от политической власти, приняв решение о своем самороспуске. Тем

¹⁰⁵ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 61.

самым они наглядно продемонстрировали, что национальные интересы для них выше всяких личных амбиций.

Июньский кризис 1918 года был обусловлен не только противостоянием двух различных политических течений с собственным видением перспектив государственного развития Азербайджана, но и столкновением двух взаимоисключающих проектов национального развития. Это был выбор между интеграцией в состав Османской империи и созданием собственной государственности у азербайджанских тюрков. В этом столкновении двух различных направлений руководители НС во главе с М.Э. Расулзаде сделали однозначный выбор в пользу создания азербайджанской национальной государственности. Это имело судьбоносное значение для дальнейшего национального развития азербайджанских тюрков.

Этот выбор азербайджанских лидеров и в первую очередь М.Э. Расулзаде был обусловлен их скептическим отношением к «романтическому пантуранизму». Представители этого течения «одно кровное родство тюркских народов, некоторую общность их языков, а также религиозное их однородство считали доказательством принадлежности всех тюркских народов к единой нации. И стремились при удобной политической комбинации создать единое турецкое государство»¹⁰⁶.

Не отрицая прогрессивную историческую роль «романтического пантуранизма» в ослаблении позиций религиозно-исламской идеологии в тюркском мире и в пробуждении тюркских народов к независимой национальной жизни, М.Э. Расулзаде, тем не менее, считал эту идею «утопией, не имеющей под собой реальной почвы»¹⁰⁷.

М.Э. Расулзаде считал идеологию «романтического пантуранизма» уже пройденным этапом. По его собственному признанию, эта идеология особенно не привлекала азербайджанских лидеров, поскольку «при развивающейся демократической

¹⁰⁶ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 70.

¹⁰⁷ Там же. С. 71.

структуре нового азербайджанского общества, возникающего на развалинах феодального Средневековья, движение с явно противоположными тенденциями, конечно, не могло иметь успеха»¹⁰⁸. Он исходил из того, что «единой тюркской нации нет, а существуют только нации тюркской расы»¹⁰⁹. Как он отмечал, азербайджанские лидеры «добивались прежде всего освобождения отдельных тюркских народов в виде отдельных независимых государств»¹¹⁰. Именно лозунг «независимого Азербайджана» составлял сердцевину стройной идеологии азербайджанизма.

М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «романтического, политического «пантуранизма» уже нет, есть только «тюркизм», преследующий исключительно реальные и конкретно-национальные цели». Это означало, что «оставаясь в пределах своей национальной политики и прежде всего базируясь на свои собственные силы сохранить свое существование и работать над благодеянием собственного народа», а не подвергать его «разорению в погоне за несбыточной и утопичной мечтой», которой является создание единого государства всех тюркских народов»¹¹¹.

М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «национальное самосознание тюркских народов от расовой идеологии переходит на идеологию национальную»¹¹². По его словам, «подобно славянским народам, которые, воодушевившись панславизмом, затем национально осознавши себя, стремились к свободе и независимости и ныне являются вполне самостоятельными, азербайджанский народ, в свое время объективно воодушевившись революционизирующей идеей пантуранизма, субъективно пришел к идее защиты своего национального бытия»¹¹³.

М.Э. Расулзаде предлагал строить отношения между тюркскими народами не на основе их этнического родства, а на базе

¹⁰⁸ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 70–71.

¹⁰⁹ Там же. С. 49.

¹¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹¹ Там же. С. 53.

¹¹² Там же. С. 79.

¹¹³ Там же. С. 81.

интересов каждого народа. В его трактовке лишь наличие общих интересов в борьбе за национальное освобождение и стремление консолидировать силы тюркских народов в этой борьбе, а не идея единого тюркского государства составляло содержание «тюркского единства». Таким образом, речь шла о налаживании сотрудничества и взаимопомощи тюркских народов в борьбе за реальные и конкретные национальные идеалы.

М.Э. Расулзаде особо подчеркивал, что между «вчерашним пантуранизмом и сегодняшним тюркизмом такая же разница, какая имела в понимании панславизма между чешскими идеологами Ф. Палацким и К. Гавличеком». Как известно, первый из них ратовал за создание единой славянской империи под владичеством великой братской России, и освобождение чехов ожидал исключительно со стороны России. А второй, оставаясь верным славянству, как бы в противоположность этой иллюзии в своих воззрениях опирался на реальную почву, выдвинув лозунг «независимой Чехии». Он утверждал, что освобождение чехов произойдет в первую очередь непосредственно их собственными силами¹¹⁴. «И сегодняшняя Чехословакия, можно сказать, плод этой реалистической мысли», – подчеркивал М.Э. Расулзаде.

В этой связи М.Э. Расулзаде резонно отмечал, что если идея о славянском объединении не была помехой для образования чехословацкого государства, то и идея тюркского единства не может служить препятствием для создания Азербайджанского государства. По его словам, «какой-либо идеалист в масштабе Ф. Палацкого может быть и сейчас воодушевлен мыслью, что в один прекрасный день все славянские народы, в том числе чехословаки, образуют политическое единство. Однако эта идея не может отрицать факта существования Чехословакии как самостоятельного и независимого государства». М.Э. Расулзаде считал, что это также применимо и в отношении идеи азербайджанской независимости¹¹⁵. В этом контексте не удивительно, что

¹¹⁴ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 25.

¹¹⁵ Там же. С. 25–26.

М.Э. Расулзаде ратовал за освобождение конкретных тюркских народов и создание их национальной государственности, а не за объединение их в едином государстве.

По мнению М.Э. Расулзаде, идеи «романтического пантунанизма» сохранили свою ценность лишь в области культуры, в борьбе за сохранение культурного наследия тюркских народов¹¹⁶. Он признавал тюркизм не как политическое, а как «научно-философско-эстетическое течение», являющееся методом борьбы за культурное объединение тюркских народов. «Мы – народники в политике, тюркисты в культуре!» – заявлял М.Э. Расулзаде¹¹⁷.

Характерно, что подобная концепция азербайджанских деятелей и их приверженность к идее «независимого Азербайджана» определенными политическими кругами Османской империи воспринималась чуть ли не показателем враждебного отношения азербайджанцев к «интересам Турции и тюркского единства»¹¹⁸. Одна из турецких газет того времени с тревогой писала, что «в Азербайджане появились партии либеральная и консервативная, но не появилась партия присоединения к Турции»¹¹⁹.

В этой ситуации азербайджанским лидерам приходилось доказывать, что лозунг независимого Азербайджана не противоречит интересам Турции. Тем не менее подобная пропаганда посредством СМИ не могла не вызывать у определенной части турецкого общества негативного отношения к лидерам АДР. И эти настроения впоследствии сыграли не последнюю роль в большевистской оккупации Азербайджана в апреле 1920 года, чему в немалой степени содействовали некоторые круги в правящей элите Турции.

Как бы то ни было, перипетии июньского кризиса 1918 года лишней раз демонстрируют всю лживость доминировавших в советской историографии утверждений о том, что якобы «мусаватисты были врагами независимости азербайджанского народа» и стремились «включить Азербайджан в состав Османской

¹¹⁶ *Расулзаде М.Э.* О пантунанизме. В связи с кавказской проблемой. С. 26.

¹¹⁷ Там же. С. 47.

¹¹⁸ Там же. С. 71.

¹¹⁹ Там же. С. 72.

империи и тем самым полностью обезопасить себя от революции»¹²⁰. В борьбе с «илхагистами» Национальный Совет и его председатель М.Э. Расулзаде поставили во главу угла интересы азербайджанской независимости, не дав «илхагистам» возможности реализовать свои замыслы относительно присоединения Азербайджана к Османской империи. Хотя и в значительно урезанной форме, азербайджанскую независимость все же удалось сохранить. И это было главным достижением политических сил, сгруппировавшихся под руководством М.Э. Расулзаде в Национальном Совете Азербайджана.

Ликвидация июньского политического кризиса 1918 года во все не означала завершение противостояния двух направлений государственного развития Азербайджана. Тем более что этот кризис привел к усилению позиций «илхагистов» во внутривнутриполитической жизни Азербайджана. После июньских событий они начали применять тактику выхолащивания самой сути идеи независимости. Для этого «илхагисты» использовали различные средства – от широкомасштабного наступления на демократические права и свободы азербайджанских граждан до удаления из страны наиболее авторитетных лидеров национального движения.

При благословении Нури-паши создавались всевозможные искусственные препятствия на пути построения демократического и независимого Азербайджанского государства. Введение различного рода запретительных мер полностью парализовало общественно-политическую жизнь страны. После июньских событий политические партии, в том числе «Мусават», фактически были вынуждены приостановить свою деятельность или в значительной степени ее ограничить. Не случайно, что, выступая в декабре 1919 года на II съезде «Мусавата», сам М.Э. Расулзаде характеризовал этот период как застойный для партии. «За все время нахождения турок на территории Азербайджана, – отмечал он, – партийная жизнь замерла»¹²¹.

¹²⁰ Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957. С. 83.

¹²¹ «Азербайджан». 1919. 6 декабря.

Безусловно, частично эти меры можно было объяснить чрезвычайностью ситуации, связанной с оккупацией значительной части территории Азербайджана, включая его столицу – Баку, большевистско-дашнакскими бандами. Но даже это обстоятельство не оправдывает многие жесткие меры, принятые под давлением Нури-паши и «илхагистов», которые однозначно являлись шагом назад в демократическом развитии страны. В частности, речь идет о предоставлении шейх-уль-исламу права участия в заседаниях правительства с решающим голосом. Кроме того, образование министерства религиозных дел противоречило принципу разделения церкви и государства и стало серьезным ударом по светской модели государства, о приверженности к которой неоднократно заявлял М.Э. Расулзаде и его близкие соратники¹²².

Но лучше всего об истинных замыслах Нури-паши и «илхагистов» свидетельствует решение правительства от 21 июня 1918 года, согласно которому государственным флагом Азербайджанской Республики было объявлено полотнище, «изготовленное из красной материи с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красном фоне»¹²³. Этот флаг был фактически идентичен государственному флагу Османской империи. Единственное различие заключалось в том, что в турецком флаге звезда была пятиконечной¹²⁴.

По существу, со стороны Нури-паши и «илхагистов» предпринимались энергичные шаги в направлении приведения политических институтов и государственных структур Азербайджана в соответствие с политической системой Османской империи, которая в то время уже являлась анахронизмом. В реальной практике это означало осуществление ползучей аннексии.

Чтобы снизить до минимума противодействие этим планам со стороны национальных сил и получить полную свободу действий в их реализации, Нури-паша и «илхагисты» решили изба-

¹²² ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 45, л. 2.

¹²³ Там же, д. 149, л. 47.

¹²⁴ Гусейн-заде А. Мои размышления в Азербайджане // Ш.Гусейнов. В поисках национальной правды и справедливости. Баку, 2004. С. 149 (на азерб. яз.).

виться от лидера национального движения и наиболее последовательного сторонника азербайджанской независимости, в срочном порядке отправив его за пределы страны. Так, уже на следующий день после роспуска Национального Совета, 18 июня 1918 года, М.Э. Расулзаде под предлогом участия на Стамбульской конференции во главе азербайджанской дипломатической миссии был отправлен в Турцию¹²⁵. В состав миссии, кроме М.Э. Расулзаде, входили также А. Сафикюрдский и Х. Хасмамедов.

Стамбульская конференция была задумана для налаживания сотрудничества между новообразованными кавказскими государствами и странами – участниками коалиции центральных держав в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Но истинной причиной такого решения было желание Нури-паши и «илхагистов» свести до минимума возможности влияния М.Э. Расулзаде на внутривосточные процессы в Азербайджане.

Правда, М.Э. Расулзаде были предоставлены широкие полномочия. Он получил право подписывать на планируемой Стамбульской конференции от имени Азербайджанского правительства любые документы политического, военного и финансово-экономического характера¹²⁶. Однако, не умаляя значение поставленных перед дипломатической миссией задач, в том числе важность самой Стамбульской конференции, все же хочется отметить, что по степени значимости они не шли ни в какое сравнение с теми судьбоносными проблемами азербайджанской независимости, которые в то время предстояло решить внутри Азербайджана. Данное обстоятельство делало необходимым присутствие М.Э. Расулзаде как лидера национального движения именно в Азербайджане. По крайней мере, при желании без всякого ущерба для государственных интересов Азербайджана М.Э. Расулзаде легко можно было заменить другим лицом в составе этой дипломатической миссии.

¹²⁵ ГА АР, ф. 2898, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹²⁶ *Гасанов Дж.* Азербайджан в системе международных отношений. С. 101.

Однако смертельная опасность, угрожавшая в тот момент азербайджанскому населению со стороны вооруженных сил Бакинского Совета, отодвигала на задний план эти негативные моменты во взаимоотношениях между азербайджанским правительством и турецким командованием, заставляя их, отбросив все разногласия в сторону, выступить единым фронтом против общего врага.

В этом отношении турецкая военная помощь сыграла ключевую роль в защите зарождающейся азербайджанской государственности от посягательств большевистско-дашнакских сил. В отношении тюркских народов Кавказа и Центральной Азии Турция выполняла ту же освободительную миссию, что и Россия на Балканах. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, несмотря на все коллизии азербайджано-турецких отношений, «память о турках в наших сердцах останется такая же, какая осталась в Болгарии о русских героях, пришедших туда для ее освобождения»¹²⁷.

24 июня 1918 года М.Э. Расулзаде во главе азербайджанской делегации прибыл в Стамбул. Характерно, что даже свою фактически «политическую ссылку» в Стамбул он использовал с максимальной отдачей для защиты интересов независимого Азербайджана. В своем первом же письме после прибытия в Стамбул, адресованном военному министру Турции Энвер-паше, М.Э. Расулзаде главный акцент сделал именно на необходимости сохранения и упрочения азербайджанской независимости. Он обращал внимание Энвер-паши на то обстоятельство, что национальные интересы Османской империи диктуют необходимость существования самостоятельной и сильной Азербайджанской Республики. В письме содержалась подробная информация о ситуации в стране и поднимался вопрос ускорения принятия решения относительно турецкой военной помощи Азербайджану в связи с событиями в Бакинской губернии.

Следует отметить, что в период нахождения в Стамбуле М.Э. Расулзаде особо волновала судьба Баку. Дело в том, что

¹²⁷ «Азербайджан». 1919. 12 февраля.

многие ведущие государства мира, и в первую очередь Россия, Великобритания и Германия, в то время пытались установить свой контроль над богатейшими нефтяными месторождениями Баку, поскольку «нефть для воюющих сторон была необходима, как вода»¹²⁸. Причем противоречия в этом вопросе имелись не только между Антантой и коалицией центральных держав, но и внутри каждого из этих блоков.

Как свидетельствует донесение М.Э. Расулзаде из Стамбула от 19 июля 1918 года, немцы, являвшиеся союзниками Османской империи в Первой мировой войне, тем не менее активно противодействовали взятию Баку со стороны турецко-азербайджанских сил, аргументируя свою позицию тем, что в этом случае большевики могут сжечь нефтяные промыслы¹²⁹. В этой связи неудивительно, что летом 1918 года за спиной азербайджанского правительства происходил настоящий торг между представителями различных государств, предметом которого являлся Баку с его нефтяными богатствами.

Примером тому являлись переговоры между Россией и Германией, которые велись в течение всего июля и августа 1918 года и завершились 27 августа подписанием дополнительного соглашения к Брест-Литовскому мирному договору. Некоторые положения этого соглашения напрямую касались Азербайджана. Согласно этим положениям Германия взяла на себя обязательство препятствовать пересечению границ Шемахинского и Бакинского уездов вооруженными силами третьей державы. Очевидно, что речь шла о турецких войсках, в то время задействованных в Азербайджане для освобождения Бакинской губернии от большевистско-дашнакских сил. Взамен за эту «услугу» Россия должна была поставлять Германии ежемесячно четвертую часть всей добываемой в Баку нефти¹³⁰.

¹²⁸ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 2.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. С. 226.

Практическая значимость этого соглашения была равна нулю, поскольку в момент его подписания большевистская Россия уже не контролировала Баку, а Германия не обладала в регионе сколько-нибудь серьезной военной силой, а также необходимыми рычагами, чтобы приостановить продвижение турецко-азербайджанских войск к Баку. Тем не менее в связи с подписанием данного соглашения 12 сентября 1918 года М.Э. Расулзаде в качестве главы азербайджанской делегации в Стамбуле вручил посланнику германского правительства в Турции графу Вальдбургу ноту, в которой выражался протест против признания Германией суверенитета России над городом Баку, «естественной столицей, интеллектуальным, экономическим и политическим центром Азербайджана»¹³¹.

В ноте подчеркивалось, что «азербайджанский народ, пользуясь правом, которое было провозглашено русской революцией и подтверждено русским правительством в Брест-Литовске, а именно правом самоопределения, сбросил вековое иго и провозгласил свою независимость в твердой уверенности, что сможет рассчитывать на симпатии Четверного Соглашения»¹³².

В ноте с исторической, географической, культурной, экономической и этнографической точек зрения обосновывалась принадлежность Баку к Азербайджану. До сведения германского посла доводился и тот факт, что Баку «с незапамятных времен являлся крупным центром азербайджанских тюрков и был аннексирован Россией лишь в 1813 году»¹³³.

Отмечая значимость Баку для независимого существования Азербайджана, М.Э. Расулзаде писал: «Все политические, экономические и общественные институты, духовные учреждения, школы и благотворительные общества, культурные центры, мусульманские типографии – все сконцентрировано в Баку, который одновременно является центром объединения всей нашей

¹³¹ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 16, л. 3.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

интеллигенции. Это центр, объединяющий все материальные и нравственные силы, способные создать независимость страны»¹³⁴.

Как отмечалось в ноте, «этот вопрос является для Азербайджана не просто проблемой территориального приращения, а скорее условием жизнеспособности страны», в то время как для других государств, претендующих на Баку, город представляет лишь экономический интерес. При этом от имени азербайджанского правительства М.Э. Расулзаде гарантировал обеспечение «коммерческих и экономических интересов тех стран, которые будут поддерживать с нами дружеские отношения, в особенности интересов такой великой промышленной державы, как Германия». В конце документа выражалась «твердая надежда» на то, что данная позиция азербайджанского правительства и права азербайджанцев «на этот город будут серьезно приняты во внимание императорским германским правительством»¹³⁵.

Безусловно, М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что подобными дипломатическими демаршами вряд ли удастся решить проблему Баку в пользу Азербайджана. Поэтому в своем письме министру иностранных дел Азербайджана М.Г. Гаджинскому от 6 сентября 1918 года он подчеркивал, что «вопрос Баку зависит только от силы. Если Баку не будет взят – все кончено. Прощай Азербайджан»¹³⁶. Он нисколько не сомневался в том, что «величайшим и достойнейшим ответом» на русско-германское соглашение от 27 августа 1918 года может стать только «взятие Баку»¹³⁷.

Анализируя происходящие процессы, связанные с попытками различных государств установить свой контроль над нефтяными месторождениями Баку, он настоятельно требовал от азербайджанского правительства «любыми средствами, любыми

¹³⁴ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 16, л. 4.

¹³⁵ Там же, л. 4.

¹³⁶ Там же, ф. 894, оп. 10, д. 154, л. 16.

¹³⁷ Там же, д. 31, л. 29.

¹³⁸ Там же, д. 154, л. 9.

путями в ближайшее время освободить Баку»¹³⁸. Так, в своем послании от 6 августа 1918 года М.Э. Расулзаде, обращаясь к своим соратникам, в частности, писал: «Во что бы то ни стало Вы должны взять Баку. Чтобы всех поставить перед лицом свершившегося факта. Тогда события приобретут совершенно другой оборот. Большевики могут угрожать сопротивлением, но я полагаю, что они не будут воевать, поскольку в настоящее время они заняты внутренними распрями»¹³⁹.

Примечательно, что М.Э. Расулзаде советовал освободить Баку азербайджанскими силами. Он считал, что «движение в сторону Баку обязательно должно быть от имени Азербайджана, город должен быть освобожден азербайджанским правительством. В противном случае возможны затруднения»¹⁴⁰. В этой связи он призывал азербайджанских руководителей «наряду с проявлением политической инициативы из всех сил стараться и в организации военного дела»¹⁴¹.

Правда, все это отнюдь не означало, что М.Э. Расулзаде недооценивает значимость турецкой военной помощи или же вообще отказывается от нее. Наоборот, во время нахождения в Стамбуле М.Э. Расулзаде пытался добиться усиления турецкого военного присутствия в Азербайджане, неоднократно поднимая этот вопрос перед представителями правительства Османской империи. Но одновременно он указывал членам азербайджанского правительства, что «нельзя все наши проблемы разрешить с помощью турецких войск». Как истинный патриот своей родины М.Э. Расулзаде мечтал о создании сильной современной армии в Азербайджане, способной защищать суверенитет страны. Поэтому он предлагал национальному правительству в кратчайшие сроки издать закон о всеобщей воинской обязанности: «Пусть начнется набор, а то ожидать всего от «анатолийского мамедчика» (имеются в виду турецкие солдаты. – А.Б.) будет неправиль-

¹³⁹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 19.

¹⁴⁰ Там же, д. 154, л. 9.

¹⁴¹ Там же, ф. 894, оп. 10, д. 154, л. 15.

но... Население думает, что все наши вопросы разрешаются войсками, прибывающими из Анатолии»¹⁴².

Он был встревожен тем фактом, что первая попытка Нури-паши собрать азербайджанских добровольцев с целью освобождения Баку фактически провалилась, поскольку на этот призыв, по сведениям Энвер-паши, откликнулись только 36 человек. По этой причине М.Э. Расулзаде предлагал объявить всеобщую воинскую повинность и призвать в армию «всех от 20 до 25-летнего возраста». При этом он отмечал, что при встречах с иностранными дипломатами в Стамбуле все они начинают разговор с вопроса: «Начали ли организовывать войско? Этот вопрос интересует всех: друзей, врагов, политиков, население. Этот вопрос – всем вопросам начало»¹⁴³. В этой связи он предлагал незамедлительно учредить военное министерство.

Следует отметить, что азербайджанской делегации во главе с М.Э. Расулзаде приходилось действовать в Стамбуле в очень непростых условиях, обусловленных отсутствием более или менее налаженной связи с азербайджанским правительством. Это затрудняло получение оперативной информации о положении внутри страны и принятых азербайджанским правительством решениях. По словам М.Э. Расулзаде, в течение первых трех месяцев нахождения в Стамбуле делегации удалось получить от азербайджанского правительства только три пакета с необходимыми официальными документами. Данное обстоятельство создавало немалые проблемы для деятельности азербайджанской делегации.

Достаточно отметить, что даже радостную весть об освобождении 15 сентября 1918 года города Баку объединенными турецко-азербайджанскими войсками М.Э. Расулзаде получил не из официальных источников Азербайджана, а по телефону от тогдашнего военного министра Турции Энвер-паши. «Это краткое сообщение вызвало у меня такие чувства, которые невозможно выразить словами», – отмечал М.Э. Расулзаде.

¹⁴² ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 154, л. 4–5.

¹⁴³ Там же, л. 5.

Действительно, трудно переоценить значимость этого события для укрепления азербайджанской независимости. Как писала газета «Азербайджан», «если дату 28 мая мы считаем официальным днем провозглашения нашей независимости, то день 15 сентября, день вступления азербайджанских войск и азербайджанского правительства в Баку, можно считать днем закладки фундамента и главных основ государственного организма»¹⁴⁴. В этом отношении освобождение Баку стало одним из важных этапов на пути построения независимого Азербайджанского государства.

Хотя Стамбульская конференция так и не состоялась, но азербайджанская делегация выполнила значительный объем работы для защиты национальных интересов Азербайджана. В своих многочисленных встречах с представителями дипломатических миссий различных государств, аккредитованных в Стамбуле, М.Э. Расулзаде пытался довести до них истинную информацию о ситуации в Азербайджане, о целях и задачах национального правительства.

Не всегда эти встречи проходили гладко, поскольку даже представители некоторых соседних государств, мягко говоря, с раздражением воспринимали провозглашение азербайджанской независимости. В этом отношении достаточно характерным является негативная реакция тегеранского режима на это событие. Как вспоминал М.Э. Расулзаде, будучи летом 1918 года в Стамбуле, он отправил в персидское консульство текст декларации об объявлении независимости Азербайджана. Сотрудники консульства, положив все эти документы в один пакет, вернули их обратно с сопроводительным письмом, в котором подчеркивалось, что иранское правительство не признает самостоятельного государства под названием Азербайджан. Одновременно в МИД Азербайджана была направлена нота протеста иранской стороны с утверждением, что территория

¹⁴⁴ «Азербайджан». 1919. 28 мая.

Азербайджанской Республики якобы составляет неотъемлемую часть Персии¹⁴⁵.

При этом М.Э. Расулзаде с сожалением отмечал, что в то время аналогичной позиции придерживались не только правящие круги Ирана, но и многие азербайджанцы, проживающие в этой стране. Например, один из соратников М.Э. Расулзаде по Конституционной революции в Иране – С.Г. Тагизаде, руководствуясь принципами персидского патриотизма, высказывал свое недовольство политикой азербайджанского правительства, направленной на создание самостоятельной государственности азербайджанских тюрков. Даже С.Дж. Пишевари, впоследствии ставший лидером национального движения иранских азербайджанцев во время Второй мировой войны, в 1918 году придерживался позиции неприятия независимости Азербайджана, также считая его исторической областью Ирана¹⁴⁶.

Летом 1918 года вопрос установления окончательных границ между закавказскими государствами был предметом интенсивных консультаций в Стамбуле между дипломатами различных государств. В них активное участие принимали и члены азербайджанской делегации. Учитывая сложность данного вопроса, М.Э. Расулзаде приходилось использовать все свое дипломатическое мастерство для нейтрализации территориальных притязаний соседних Грузии и Армении к Азербайджану.

Как и следовало ожидать, больше всего проблем для азербайджанской делегации создавали армянские представители, которые, по выражению М.Э. Расулзаде, «развернули в Стамбуле отчаяннейшую пропаганду туркофильства». Подобным способом они пытались добиться уступок в свою пользу в территориальных вопросах как от Турции, так и от Азербайджана. В частности, как информировал из Стамбула М.Э. Расулзаде, в представленном Энвер-паше проекте армяне требовали от Тур-

¹⁴⁵ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика: Документы и материалы. Баку, 1998. С. 70.

¹⁴⁶ *Расулзаде М.Э.* Идеология независимости и молодежь // «Азадлыг», 1990. 31 декабря (на азерб. яз.).

ции – Сурмали, Нахичевань, Ахалкалаки, Эчмиадзин и Эривань, а от Азербайджана – Казахский, Карабахский, Зангезурский и Ордубадский уезды¹⁴⁷.

В этой связи глава азербайджанского правительства Ф. Хойский, инструктируя М.Э. Расулзаде, писал: «Вам надо всемерно отстаивать границы Азербайджана; если армяне заявят претензии на Карабах, то тогда откажитесь уступить им Эривань и часть Казахского уезда, если же армяне останутся на почве состоявшегося устного соглашения, то даже можно было бы уступить им часть Эриванского уезда...»¹⁴⁸. Данное письмо Ф. Хойского лишней раз свидетельствует о том, что решение Национального Совета Азербайджана от 29 мая 1918 года об уступке города Эривани армянской стороне было результатом достигнутого между сторонами джентльменского соглашения. Согласно его условиям армяне, получив Эривань в качестве столицы, обязались отказаться от притязаний на другие азербайджанские регионы, и в первую очередь на Карабах.

Впрочем, в территориальных спорах с Арменией М.Э. Расулзаде занимал достаточно жесткую позицию, выступая против каких-либо серьезных послаблений в этом вопросе армянской стороне. Как он резонно замечал в своем донесении М.Г. Гаджинскому, «пойти на уступку в этих вопросах армянам означает дать возможность разыграть их аппетиту»¹⁴⁹.

Для сравнения отметим, что М.Э. Расулзаде в вопросах решения территориальных проблем с Грузией занимал гораздо более гибкую позицию. Он даже не исключал возможность определенных территориальных уступок грузинам, чтобы «составить с ними союз». В письме М.Г. Гаджинскому он по этому поводу, в частности, писал: «Было бы очень хорошо, если бы вы пришли с грузинами к соглашению и разрешили бы вопрос окончательно»¹⁵⁰. Он

¹⁴⁷ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 21.

¹⁴⁸ Государственный архив политических партий и общественных движений Управления делами президента Азербайджанской Республики (далее – ГАППОД УДПАР), ф. 277, оп. 2, д. 7, л. 37.

¹⁴⁹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 27.

¹⁵⁰ Там же.

не без основания считал, что достижение договоренности с грузинами значительно укрепит позиции Азербайджана в противостоянии с Арменией.

Но при этом М.Э. Расулзаде подчеркивал необходимость оставления в пределах Азербайджана участков Борчалы и Караязы, а также Закатальского и Сигнахского уездов, на которые претендовала Грузия. Наиболее принципиальное значение для него имело включение в состав Азербайджана южной части Борчалы, что позволило бы иметь прямой коридор с Турцией¹⁵¹.

Следует отметить, что, возглавляя азербайджанскую делегацию в Стамбуле, М.Э. Расулзаде занимался решением не только политических, но и финансово-экономических проблем, с которыми в то время сталкивалось азербайджанское правительство. Характеризуя финансовую ситуацию в стране, 11 июля 1918 года премьер-министр Ф. Хойский сообщал М.Э. Расулзаде о том, что «правительство наше сейчас сильно нуждается в деньгах. Выпущенные общезакавказские боны, из которых Азербайджану досталось очень мало, иссякли, и мы накануне полного безденежья».¹⁵² Поэтому перед М.Э. Расулзаде была поставлена задача – добиться от турецкого правительства открытия кредитной линии азербайджанскому правительству, а также организовать в Стамбуле печатание первых азербайджанских денежных знаков¹⁵³.

За относительно короткий срок М.Э. Расулзаде удалось решить эти проблемы. И уже в начале сентября 1918 года он информировал МИД Азербайджана о подписании с турецким правительством соглашения, которое предусматривало реализацию в этой стране азербайджанских товаров на сумму 2 млн турецких лир. Причем из этой суммы азербайджанское правительство получало авансом 500 тыс. лир, что позволило несколько снизить остроту проблемы нехватки денежных купюр в стране¹⁵⁴.

М.Э. Расулзаде решил также проблему изготовления первых денежных знаков Азербайджанской Республики, печатание кото-

¹⁵¹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 27.

¹⁵² ГАППОД УДПАР, ф. 277, оп. 2, д. 21, л. 4.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ГА АР, ф. 894, оп. 0, д. 31, л. 12–13.

рых началось в начале сентября 1918 года. Как он писал из Стамбула, «Азербайджан будет иметь двоякого рода денежные знаки: азери и более мелкие разменные монеты. Азери будет нашей денежной единицей. Азери будут достоинством в 1, 2, 5, 10, 25, 50, 100, 500, затем будут отчеканены монеты достоинством в 1, 5, 10, 15, 20, 25, 50, которые будут использованы в качестве разменных денег. Приступили к печатанию почтовых и гербовых марок»¹⁵⁵.

Несмотря на то что в период нахождения М.Э. Расулзаде в Стамбуле само дальнейшее существование Азербайджанской Республики было под большим вопросом, тем не менее он вынашивал далеко идущие планы относительно перспектив национального развития азербайджанских тюрков. В этом контексте немалый интерес представляют сведения М.Э. Расулзаде о его контактах в Стамбуле с представителями иранских азербайджанцев. В своем донесении от 19 июля 1918 года он, в частности, пишет: «Я здесь повидался с персидскими азербайджанцами. Они мои старые товарищи. В них я почувствовал тайную любовь к независимости Азербайджана. Многие из них разочаровались в Персии». Далее М.Э. Расулзаде сообщает об организации в Стамбуле общества южных азербайджанцев, занимающегося пропагандой тюркизма и азербайджанизма. При этом он выражал надежду на создание в будущем единого Азербайджанского государства путем объединения северной и южной частей страны¹⁵⁶.

Действительно, создание независимого Азербайджана способствовало пробуждению национального самосознания и среди иранских азербайджанцев. Не случайно, что заместитель дипломатического представителя Азербайджанской Республики в Иране А. Садыхов сообщал о развитии в этой стране движения «азербайджанских самостийников, которые начинают проникаться национальным чувством и работать в пользу отделения от Ирана и образования независимого и самостоятельного Персидского Азербайджана. Это движение в настоящее время сильно

¹⁵⁵ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 12–13.

¹⁵⁶ Там же, л. 8.

беспокоит как персидское правительство, так и англичан, имеющих большие виды на богатейший край. В Персидском Азербайджане замечается также агитация в пользу отделения его от Персии и присоединения к Азербайджанской Республике. Азербайджанская Республика должна быть готова к грядущим событиям в Персии и использовать эти события в своих интересах»¹⁵⁷.

Об этом же информировал свое правительство и дипломатический представитель Азербайджана в Иране А. Зиядхан, который отмечал, что «отношение персов к нашей республике не особенно благожелательное, напротив – отношение тюрок персидского Азербайджана к нам дружественно-братское, тенденция Персидского Азербайджана – к автономии, самостоятельности и отделению от Персии»¹⁵⁸.

Нахождение в Стамбуле позволяло М.Э. Расулзаде быть в курсе всех международных событий, которые в тот период менялись порою с калейдоскопической быстротой. Ему удалось сразу же уловить изменение конъюнктуры на международной арене осенью 1918 года. Неудачи центральных держав на фронтах Первой мировой войны дали основание М.Э. Расулзаде сделать вывод об их обреченности. Пытаясь заранее подготовить членов азербайджанского правительства к предстоящим изменениям в международной обстановке, он еще в середине сентября 1918 года обращал их внимание на то обстоятельство, что «политическое положение принимает все более серьезный оборот. Уже прошло время рассуждать об исключительном торжестве Германии. Германия и ее союзники перешли на положение серьезной обороны. Австрия внутри переживает большие трудности. Внутри Турции положение также серьезное. В провинциях царствует голод и бандитизм»¹⁵⁹.

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде рекомендовал азербайджанскому правительству вести «самостоятельную энергичную

¹⁵⁷ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 162, л. 18.

¹⁵⁸ Гулиев В. Поколение поборников независимости // «Зеркало». 2008. 2 августа.

¹⁵⁹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 25.

политику, поскольку это будет в нашу пользу»¹⁶⁰. Как он отмечал, «чем больше будете показывать Азербайджан, как самостоятельное государство, тем будет лучше»¹⁶¹. Поэтому в адресованной премьер-министру Ф. Хойскому телеграмме М.Э. Расулзаде требовал срочного созыва Национального Совета Азербайджана и отправки в Европу азербайджанской делегации с целью налаживания контактов с государствами Антанты¹⁶².

Уже к концу сентября 1918 года М.Э. Расулзаде пришел к выводу о бессмысленности дальнейшего нахождения азербайджанской делегации в Стамбуле. Поэтому он считал, что «будет лучше и почетнее быть на местах, обращать больше внимания на накопление силы нации»¹⁶³. И в конце октября 1918 года М.Э. Расулзаде вернулся в Баку.

Как и предсказывал М.Э. Расулзаде, стремительная развязка событий на фронтах Первой мировой войны привела к кардинальным изменениям как на международной арене, так и в расстановке сил в Закавказском регионе, что, в свою очередь, поставило азербайджанских лидеров перед очередным серьезным испытанием. Потерпев поражение в войне, Турция 30 октября 1918 года подписала Мудросское перемирие с державами Антанты. Согласно условиям этого перемирия, Турция должна была вывести свои войска из Закавказья, которое объявлялось сферой влияния Великобритании¹⁶⁴.

Несмотря на все сложности азербайджано-турецких взаимоотношений, в тот период именно Турция являлась фактически единственной союзницей азербайджанского народа в его борьбе за независимость. Уход турок из Азербайджана не только создавал труднопреодолимые препятствия на пути достижения стратегических целей Азербайджанского национального движения, но и ставил под удар все предыдущие завоевания освободитель-

¹⁶⁰ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 25.

¹⁶¹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 14.

¹⁶² ГАШПОД УДПАР, ф. 277, оп. 2, д. 1, л. 55.

¹⁶³ ГААР, ф. 894, оп. 10, д. 31, л. 29.

¹⁶⁴ Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 255.

ной борьбы. Тем более что англичане, призванные заменить турок в регионе, не питали особых симпатий ни к азербайджанским лидерам, ни к декларируемым ими целям.

В силу этого первые контакты с англичанами не давали особого повода для оптимизма сторонникам азербайджанской независимости. Так, встречаясь в начале ноября 1918 года в Энзели с азербайджанской делегацией в составе Н. Усуббекова, А. Агаева и М. Рафиева, главнокомандующий британскими войсками в Иране генерал В. Томсон отказался признать азербайджанскую независимость. Он прямо заявил, что «не существует республики, родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования». Правда, в ответ на возражение азербайджанских представителей В. Томсон обещал по прибытии в Баку со всеми проблемами разобраться на месте и «вынести соответствующее решение»¹⁶⁵.

В. Томсон поставил перед азербайджанскими представителями ряд требований, которые подробно изложены в телеграмме азербайджанской делегации, отправленной из Энзели. В частности, В. Томсон «настоятельно потребовал очищения Баку к десяти часам утра 17 ноября не только от турецких, но и от азербайджанских войск». При этом он заверил, что «будет оккупирован только Баку с промыслами. Азербайджанские войска останутся везде, кроме района Баку. Азербайджан официально не признается, но представители Англии, Франции, Америки будут в сношении с фактическим его правительством». Генерал также гарантировал, что «все организации, правительственные, государственные, общественные учреждения продолжат функционировать на прежних основаниях, за исключением следующих: генерал Томсон будет объявлен генерал-губернатором города. Во главе городской милиции станет англичанин. Городская дума, Совет съездов могут быть реорганизованы... Принцип самоопределения народностей решится на мирной конференции, причем

¹⁶⁵ ГА АР, ф. 894. оп. 10, д. 148, л. 44.

Азербайджан не будет исключен. В отряде будет Л. Бичерахов с казаками, относительно действий которых генерал дает заверение; вооруженные армяне не будут впущены в город»¹⁶⁶.

17 ноября 1918 года английские войска прибыли в Баку. По прибытии в Баку генерал В. Томсон обратился с воззванием к населению города, в котором слово «Азербайджан» даже не упоминалось. Из содержания воззвания истекло, что англичане рассматривают Кавказ и Азербайджан составной частью России¹⁶⁷.

Положение сторонников азербайджанской независимости дополнительно осложнялось тем, что вместе с англичанами в Баку прибыл вооруженный отряд Л. Бичерахова, новоиспеченного «главнокомандующего русскими морскими и сухопутными силами на Кавказе». Поздравив местное население «с возвращением русских и союзных войск в Баку», он в своем воззвании «К гражданам России» выразил уверенность в том, что «при помощи союзников Великая Русь скоро будет восстановлена в своих исконно старых границах»¹⁶⁸.

Действительно, политика английского командования в первые дни его пребывания в Баку в целом благоприветствовала устремлениям Л. Бичерахова и его единомышленников. Азербайджанское же население города, наоборот, находилось в весьма тревожном состоянии, которое еще больше усиливалось бесчинствами солдат Л. Бичерахова на улицах Баку. Бичераховские солдаты устраивали дебоши в азербайджанских кварталах города, срывали вывески на азербайджанском языке, разбивали витрины магазинов и даже сбивали папахи азербайджанцев.

Описывая положение национального правительства в тот период, М.Э. Расулзаде отмечал: «Турецкая армия ушла, нет и азербайджанских частей. Потому что прибывшее командование не признавало войск, называвшихся азербайджанскими частями. Собственно говоря, азербайджанские войска не представля-

¹⁶⁶ Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. С. 32–33.

¹⁶⁷ «Азербайджан». 1919. 19 ноября.

¹⁶⁸ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 119, л. 4.

ли организованной силы, поскольку их численность составляла всего 1500 человек, причем они были рассредоточены по всей территории страны. В Баку национальное правительство смогло опереться лишь на полицейский корпус численностью в 500 чел. Но если даже национальное правительство обладало бы достаточной силой, естественно, немислимо было для Азербайджана открыть военные действия против армии, перед которой капитулировали Германия и Турция»¹⁶⁹.

Следует отметить, что первоначальное негативное отношение англичан к национальному правительству было обусловлено объективными факторами. Ведь азербайджанские лидеры в период после Февральской революции 1917 года во внешнеполитической сфере придерживались активной протурецкой ориентации, что вызывало явное раздражение англичан. К тому же еще были свежи в памяти события лета и осени 1918 года, связанные с освобождением Баку, когда азербайджанские и английские солдаты, находясь в противоположных сторонах фронта, сражались друг против друга.

Тем временем лидеры Русского Национального Совета в Баку, считавшие Азербайджан неотъемлемой частью России, чувствуя поддержку англичан, начали открыто требовать аннулирования азербайджанской независимости и передачи им всей полноты власти. Характеризуя сложившуюся в конце ноября 1918 года обстановку в стране, М.Э. Расулзаде писал: «С одной стороны, поддержанная авторитетом союзного командования вооруженная сила (отряд Л. Бичерахова. – А.Б.), не признававшая независимости Азербайджана, а с другой стороны – правительство, черпавшее силу из чаяний и воли азербайджанского народа и не опиравшееся на организованную военную силу. Русские организации и политические партии, являвшиеся подголоском союзного командования, до невозможности были избалованы и в высшей степени набрались смелости. Азербайджанцам говорили, что «откажитесь от независимости, объявленной вами, и мы окажем вам благоволение»,

¹⁶⁹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 148, л. 44.

и к этому любезно добавляли, что в правительстве, организуемом ими, азербайджанцами, сравнительно с другими, будут предоставлены очень высокие посты. Враждебность же и упрямство армянской организации были еще более явными»¹⁷⁰.

В этой непростой ситуации даже некоторые опытные азербайджанские политики дрогнули, выступив, по сути, за принятие требований Русского Национального Совета. Например, Ахмед бек Агаев, выступая на заседании Русского Национального Совета, так изложил свои взгляды на создавшееся положение: «В результате мировой войны Турция, на которую до сего времени опирались азербайджанские тюрки, оказалась побежденной. Поскольку азербайджанцы могут ориентироваться только на Турцию и Россию, то с поражением Турции им ничего не остается, как связать свою судьбу с судьбой России. Тем более что в культурном отношении Россия стоит на более высокой ступени, нежели Турция. Исходя из этих соображений, а также если азербайджанский вопрос не будет разрешен на мирной конференции в Европе, то азербайджанский народ должен согласиться войти в состав общероссийской федерации»¹⁷¹.

Предложение А. Агаева фактически означало отказ от идеи государственной независимости Азербайджана и капитуляцию перед Русским Национальным Советом, ранее в ультимативной форме потребовавшем от азербайджанских лидеров признания будущей федеративной связи Азербайджана с Россией в качестве базы переговоров.

Именно имея в виду А. Агаева, М.Э. Расулзаде впоследствии писал: «Были такие, которые перед затруднениями изменили свою позицию на 180 градусов. Для того чтобы понять создающуюся опасность, достаточно сказать, что некоторые уважаемые лица, в патриотизме которых нельзя было сомневаться, впали в такое малодушие, что предлагали поставить на обсуждение вопрос об отказе от независимости»¹⁷².

¹⁷⁰ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 148, л. 46.

¹⁷¹ Там же, д. 98, л. 3.

¹⁷² Там же, д. 148, л. 46.

Причем за спиной А. Агаева стояли некоторые влиятельные силы азербайджанского общества, обладавшие немалым весом в экономической жизни страны, а также бывшие «илхагисты», которые теперь уже ратовали не за слияние с Турцией, а с Россией. Так, некоторые крупные землевладельцы и часть азербайджанской торгово-промышленной буржуазии, имевшей тесные контакты с российским капиталом, не надеясь на силу азербайджанского правительства, стремились иметь более твердую гарантию прочности и незыблемости своего положения в лице общероссийской государственности.

Поэтому неудивительно, что часть иттихадистов («Иттихад» – партия крупных землевладельцев и клерикалов Азербайджана), а также некоторые представители азербайджанской буржуазии – Нури Амирасланов, Гасан Мустафаев, Бала Гулиев и др. согласились принять «бичераховско-деникинскую ориентацию»¹⁷³ и вступить в сношения с Русским Национальным Советом.

В этом вопросе не следует игнорировать и роль психологического фактора. Ведь десятилетия русского владычества привели к притуплению чувства самодостаточности, и наоборот, стимулировали развитие иждивенческих настроений даже у части азербайджанской элиты, которая стремилась снять с себя всякую ответственность за судьбу страны и народа и переложить ее на чужие, более сильные плечи. При этом они искренне верили, что проблемами и бедами азербайджанского народа должны заниматься Стамбул, Москва, Лондон и вообще неизвестно кто, но только не они сами.

Трудно сказать, в каком бы направлении развивались события, если бы инициативу вновь не взял в свои руки Национальный Совет Азербайджана. Как было отмечено выше, еще находясь в Стамбуле, М.Э. Расулзаде советовал своим соратникам в Азербайджане немедленно возобновить деятельность этой структуры. И по возвращении в Баку в конце октября 1918 года он начал предпринимать конкретные шаги в данном направле-

¹⁷³ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 98, л. 5.

нии. И после пятимесячного перерыва, 16 ноября 1918 года, НС Азербайджана под руководством М.Э. Расулзаде собрался на свое первое заседание в Баку. На нем был утвержден текст обращения Национального Совета к гражданам Азербайджана, в котором, в частности, отмечалось: «Все граждане Азербайджана без различия религии и национальности, дети одной родины, должны протянуть руку друг другу, чтобы возможно лучше устроить свою жизнь в пределах общей родины, чтобы сообща ковать свое счастье и лучшее будущее. Особенно большая обязанность и ответственность в этом вопросе падает на азербайджанских тюрок, составляющих огромное большинство населения Азербайджана. Поэтому они должны быть более терпимыми, нести больше тягости и идти на самопожертвование»¹⁷⁴.

На данном заседании Национального Совета азербайджанскими лидерами был сделан достаточно сильный политический ход, в значительной степени предопределивший направление дальнейшего развития событий. Так, члены НС высказались за создание коалиционного правительства в Азербайджане. Учитывая, что формирование коалиционной власти в стране было одним из главных требований английского командования, то этот шаг азербайджанских лидеров позволил переломить ситуацию. Одновременно была создана почва для налаживания плодотворного сотрудничества между национальными силами и англичанами.

Причем готовность азербайджанских лидеров к созданию коалиционного правительства проявилась не только в декларативных заявлениях, но и в практических шагах Национального Совета, одним из которых стало принятие 19 ноября 1918 года Закона «Об образовании азербайджанского парламента»¹⁷⁵. Учитывая многонациональный состав населения страны, закон предусматривал создание всех необходимых условий для интеграции представителей не только относительно крупных национальностей – русских и армян, но и малочисленных нацио-

¹⁷⁴ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 25, л. 6.

¹⁷⁵ Там же, д. 169, л. 19–20.

нальных групп Азербайджана – поляков, грузин, евреев, немцев в государственные структуры власти. Для этих национальностей строго пропорционально их удельному весу в национальном составе населения Азербайджана были предусмотрены специальные квоты в парламенте. Из расчета 1 депутат на каждые 25 тыс. населения 120 депутатских мест в парламенте были распределены следующим образом: мусульманское население – 80, армяне – 21, русские – 10 и немцы, евреи, грузины и поляки – по одному месту. Многонациональный состав законодательного органа Азербайджана открывал прямой путь к созданию коалиционного правительства с участием представителей различных политических сил и национальных меньшинств страны.

После утверждения данного закона Национальный Совет обратился к народу с воззванием «Ко всем гражданам Азербайджана!». В нем население информировалось о преобразовании этой структуры из «национального учреждения азербайджанских мусульман» в «общегосударственное» учреждение – азербайджанский парламент. Именно парламент до созыва Учредительного собрания Азербайджана взял на себя полномочия отстаивать интересы молодого государства, формировать правительство, осуществлять законодательные функции¹⁷⁶.

24 ноября 1918 года Национальный Совет Азербайджана, пытаясь привлечь представителей бакинского Русского Национального Совета к участию в работе парламента и правительства, выступил с компромиссным предложением, согласно которому азербайджанские лидеры даже не настаивали на немедленном признании с их стороны независимости Азербайджана. Они предлагали оставить решение этого вопроса на рассмотрение Парижской мирной конференции при сохранении существующего статус-кво¹⁷⁷.

Однако Русский Национальный Совет (РНС), раньше времени возомнивший себя хозяином положения в городе, отказал-

¹⁷⁶ «Азербайджан». 1918. 29 ноября.

¹⁷⁷ ГА АР, ф. 895, оп. 1, д. 11, л. 12.

ся делегировать своих представителей в парламент и вновь потребовал передать ему всю полноту власти в городе. Условием вхождения своих представителей в состав парламента бакинский Русский Национальный Совет выдвинул отказ Азербайджана от своей «сепаратистской точки зрения», т.е. от идеи государственной независимости, и признание принципа «единства и неделимости России». По мнению представителей РНС, согласие на участие в работе парламента и правительства означало бы «молчаливое признание факта отделения Азербайджана от России», что, в свою очередь, значительно облегчило бы международное признание независимости Азербайджана¹⁷⁸.

Окончательно потеряв чувство реальности, РНС одновременно поставил перед английским командованием новые условия, фактически потребовав реанимировать политику репрессий в отношении азербайджанцев в духе трагических событий марта 1918 года. Принятие этих условий могло привести к новой эскалации межнациональной напряженности, что шло вразрез с планами англичан, стремившихся к стабилизации ситуации в регионе. Поэтому при всей симпатии англичан к русским они не могли принять подобные требования РНС.

Принципиальную позицию в данном вопросе занял и Национальный Совет Азербайджана. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, в ответ представителям Русского Национального Совета было твердо заявлено: «По основному положению парламента, русские и армяне могут участвовать в правительстве; больше этого мы категорически ничего не можем принять»¹⁷⁹. Таким образом, азербайджанские лидеры в отличие от руководителей РНС продемонстрировали больший реализм в оценке политической ситуации. Проявив твердость в защите идеи национальной независимости, они одновременно выразили готовность к созданию коалиционного правительства в стране.

На фоне непомерных амбиций и нереальных требований руководства РНС, ставших камнем преткновения на пути создания

¹⁷⁸ ГА АР, ф. 895, оп. 3, д. 7, л. 29.

¹⁷⁹ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 148, л. 47.

коалиционной власти в Азербайджане, конструктивная позиция азербайджанских лидеров не могла не imponировать англичанам. К тому же дальнейшее затягивание с формированием коалиционного правительства грозило окончательной дестабилизацией ситуации. Это способствовало постепенному сближению и налаживанию сотрудничества между англичанами и Национальным Советом Азербайджана.

Принципиальность в сочетании с гибкостью, проявленная руководством Национального Совета в деле защиты независимости Азербайджана, повлияла и на позицию представителей русского населения Баку. Не все они были согласны с политикой руководства РНС. В частности, функционировавшее в Баку «Славяно-русское общество» обратилось с просьбой разрешить его представителям войти в состав парламента для «участия в общем государственном строительстве»¹⁸⁰. После некоторого раздумья своих представителей в парламент согласились направить также партия «Дашнакцутюн» и армянская община Азербайджана.

Это позволило национальным силам 7 декабря 1918 года провести первое заседание азербайджанского парламента, которое с вступительной речью открыл председатель Национального Совета М.Э. Расулзаде. Он, в частности, сказал: «На мою долю выпало великое счастье открыть заседание первого азербайджанского парламента и честь поздравить вас, уважаемых депутатов. Ход великих событий привел нас к эпохе, когда каждый народ, входивший в состав Российского государства, предоставленный самому себе, самостоятельно должен позаботиться о своей судьбе, об устройстве внутренней жизни и урегулировании внешних взаимоотношений».

При этом М.Э. Расулзаде в своей речи особо подчеркнул, что «наше отделение от России не является враждебным актом по отношению к России. Мы не чувствовали обиды от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма.

¹⁸⁰ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 38, л. 10.

Мы желаем видеть в России государство, основанное на демократических началах. Мы любим Россию, но любим и свою независимость. Мы не хотим жить под игом давления, ибо счастье и свобода – в независимости. Для этого символизирующее независимый Азербайджан и поднятое Национальным Советом трехцветное знамя, олицетворяющее тюркскую национальную культуру, исламскую цивилизацию и демократические ценности современной Европы, вечно будет развеваться над нами. Однажды поднятое нами знамя свободы не должно спуститься»¹⁸¹.

Далее М.Э. Расулзаде напомнил членам азербайджанского парламента о трудностях и проблемах «тернистого пути» независимости и заявил: «Если мы, азербайджанцы, всем своим существом будем защищать и охранять свою судьбу, свою независимость, проявим стойкость и твердость в этом вопросе, то, несомненно, и Азербайджанская Республика станет прочной. Но повторяю, для этого нужно быть стойким и непоколебимым. Нужно доказать, что мы достойны независимого существования»¹⁸².

В конце своей речи лидер национального движения призвал членов парламента «ставить интересы родины и благополучие народа выше партийных интересов»¹⁸³.

В ответ на создание азербайджанского парламента силы, сгруппировавшиеся вокруг Русского Национального Совета, в середине декабря 1918 года предприняли неудачную попытку насильственного захвата власти в Баку, что окончательно дискредитировало их в глазах английского командования.

Тем временем после продолжительных консультаций 26 декабря 1918 года парламента утвердил состав нового правительственного кабинета Азербайджана во главе с Ф. Хойским. В состав правительства в качестве министров финансов, здравоохранения и продовольствия вошли трое членов Славяно-Русского общества.

¹⁸¹ «Азербайджан». 1918. 10 декабря.

¹⁸² Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. Баку, 1998. С. 35.

¹⁸³ «Азербайджан». 1918. 10 декабря.

После формирования нового правительства генерал В. Томсон 28 декабря 1918 года выступил с декларацией следующего содержания: «Ввиду образования коалиционного азербайджанского правительства под председательством Ф. Хойского объявляю, что союзное командование будет оказывать полную поддержку этому правительству как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана»¹⁸⁴.

Выступая по этому поводу 30 декабря 1918 года на заседании парламента, М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что заявление В. Томсона «покажет противникам Азербайджана, что в деле разрушения азербайджанской независимости им нечего рассчитывать на союзников. Они убедятся, что надежда их эфемерна и что азербайджанский народ не уступит своих прав и будет защищать их всеми силами». М.Э. Расулзаде также выразил надежду на то, что «признание легитимности нашего правительства союзным командованием превратится в признание нашей независимости правительствами держав этого командования»¹⁸⁵.

Прибывший 22 января 1919 года в Баку главнокомандующий союзными войсками в Закавказье генерал Дж. Мильн во время встречи с премьер-министром Ф. Хойским еще раз подтвердил, что «английское правительство признает правительство Азербайджана как единственную легальную власть на территории Азербайджана, что эта власть будет поддержана союзным командованием всеми способами»¹⁸⁶.

Таким образом, азербайджанские лидеры в ходе событий ноября–декабря 1918 года, руководствуясь извечным принципом, гласящим, что «в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы», смогли добиться кардинального изменения отношения англичан к национальному правительству – от полного неприятия к взаимовыгодному сотрудничеству. Даже А. Раевский вынужден был признать, что англичане помогли Азербайджану

¹⁸⁴ «Азербайджан». 1918. 29 декабря.

¹⁸⁵ «Азербайджан». 1919. 1 января.

¹⁸⁶ «Азербайджан». 1919. 25 января.

«государственно оформиться»¹⁸⁷. В этой связи М.Э. Расулзаде справедливо отмечал, что «такое поведение англичан не вытекало из того, что они были влюблены в черные глаза азербайджанцев. Собственно говоря, любовь не может служить политическим фактором, так как вместе с первобытной эпохой давно отошла в область преданий. Здесь имела место не любовь, а политические и экономические интересы. Нахождение нефти в руках независимого азербайджанского правительства и вообще отделение Азербайджана от России было на руку англичанам. Азербайджан же должен был использовать это обстоятельство. Этим объяснялись дипломатические успехи национального правительства»¹⁸⁸.

И во всех этих процессах ноября–декабря 1918 года активное участие в качестве руководителя Национального Совета Азербайджана принимал М.Э. Расулзаде, который своей деятельностью немало способствовал достижению первоочередной задачи национальных сил – признания азербайджанского правительства со стороны английского командования. Именно решение этой проблемы позволило азербайджанским лидерам сконцентрировать свои усилия непосредственно на строительстве дееспособных государственных органов власти в стране.

§ 3. Становление и упрочение азербайджанской государственности. Триумф и трагедия лидеров АДР (январь 1919 г. – апрель 1920 г.)

Нахождение значительной части страны, включая столицу Баку, под оккупацией большевистско-дашнакских сил и обусловленная этим фактором политическая нестабильность не позволяли азербайджанским лидерам на начальном этапе независимости приступить к полномасштабному государственному строительству. Подобную возможность они получили лишь в

¹⁸⁷ Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. С. 24.

¹⁸⁸ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 148, л. 49.

конце 1918 года, после создания парламента и признания легитимности сформированного им правительства со стороны английского командования.

Между тем именно от устойчивости и эффективности государственных структур в значительной степени зависела жизнеспособность создаваемого в Азербайджане национального государства. Ведь будучи основой всякой политической системы, государственные учреждения играют ключевую роль в консолидации политических институтов и общества в единую систему для реализации общенациональных задач.

При этом следует учесть, что становление новых государственных структур в Азербайджане, призванных заменить прежний аппарат национального угнетения, происходило в крайне неблагоприятных условиях, детерминированных колониальным наследием прошлого. Даже по сравнению с соседней Грузией и Арменией процессы создания структур управления национальным государством в Азербайджане были гораздо более тяжелыми.

Обращая внимание на это обстоятельство, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «мусульманский Азербайджан больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима. Не в пример армянам и грузинам, азербайджанцы не отбывали воинской повинности (как неблагонадежный элемент), не принимались на государственно-административные службы (за очень редким исключением), ограничивались в общегражданских правах (в местных самоуправлениях Закавказья мусульмане не имели право образовывать больше половины всех гласных) и искусственно держались в темноте»¹⁸⁹. В результате в течение достаточно длительного времени азербайджанцам запрещалось создавать общественные организации даже благотворительного и просветительного направления, не говоря уже о создании политических партий и организаций. Колониальные власти подобными методами стремились подавить всякую политическую активность у азербайджанских тюрок.

¹⁸⁹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // «Вопросы истории». 2002. № 2. С. 13–14.

Отсутствие опыта государственного строительства, острая нехватка квалифицированных национальных кадров, интриги недоброжелателей азербайджанской независимости как внутри страны, так и за ее пределами также оказывали весьма негативное влияние на процессы государственного строительства. При создании государственных структур азербайджанским лидерам приходилось считаться и с относительно низким уровнем национального самосознания у большинства азербайджанцев, чья психология и идентичность в немалой степени все еще основывались на обычаях и традициях уммы. В этих условиях неудивительно, что идея азербайджанской государственности все еще не укоренилась среди немалой части населения.

Азербайджанские лидеры были прекрасно осведомлены о неблагоприятной ситуации в этой сфере. По крайней мере, они были далеки от идеализации тогдашнего азербайджанского общества. Подтверждением тому является выступление М.Э. Расулзаде в феврале 1919 года на заседании азербайджанского парламента. Критически оценивая ситуацию после почти девятидесятилетнего существования азербайджанских тюрок в условиях независимости, он открыто признавал, что «в тюрках еще нет, в достаточной степени, национального самосознания, и считаем своей обязанностью, внушить народу это самосознание»¹⁹⁰.

Ситуация осложнялась и тем, что в программе строительства азербайджанской государственности задачи национального освобождения органически увязывались с одновременным осуществлением глубоких демократических преобразований в обществе. А проведение в жизнь реальных демократических преобразований требовало активного содействия снизу, которое в тот период, в силу вышеуказанных причин было не на должном уровне. Поэтому в условиях сохранения весьма сильных позиций региональной идентичности и партикуляристских тенденций, недостаточной развитости политического и национального самосознания азербайджанским лидерам зачастую приходилось

¹⁹⁰ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // «Вопросы истории». 2002. № 2. С. 5.

проводить социально-политические реформы сверху, не надеясь на сколько-нибудь значительную поддержку народных масс.

Впрочем, наличие этих многочисленных проблем лишь увеличивает значимость проделанной азербайджанскими лидерами работы по созданию эффективных властных структур национальной государственности в 1918–1920 годах. При этом следует особо подчеркнуть, что М.Э. Расулзаде являлся не только главным идеологом строительства национальной государственности, но и активным участником этого процесса. Более того, создание государственных структур и проведение в жизнь кардинальных демократических реформ зачастую осуществлялось под его непосредственным руководством. В этой связи не выдерживают никакой критики утверждения некоторых недоброжелателей, которые стремятся принизить роль М.Э. Расулзаде в строительстве национальной государственности тем фактом, что он якобы не занимал ответственные государственные посты в период с декабря 1918 года по май 1920 года.

Авторы подобных утверждений лишь подтверждают свою неосведомленность о структуре государственного управления периода АДР. Ведь по форме правления АДР 1918–1920 годов была классическим примером парламентской республики, опирающейся на принципы политического плюрализма и многопартийности. Анализ полномочий и методов деятельности парламента не оставляет сомнений, что именно этот орган был ведущей ветвью государственной власти АДР в 1918–1920 годах, определяя функции и полномочия всех остальных государственно-правовых институтов.

Азербайджанский парламента не только был наделен верховной законодательной властью, но и обладал правом формировать и контролировать исполнительные структуры во главе с правительством. Например, утверждение кандидатуры премьер-министра и всего персонального состава правительства, а также программы деятельности кабинета являлось исключительной прерогативой парламента. Он же в случае необходимости путем выражения вотума недоверия мог отправить правительство в от-

ставку. Для этого было достаточно простое большинство голосов депутатов при наличии кворума.

М.Э. Расулзаде, обращая внимание на ключевую роль парламента в политической системе страны, подчеркивал, что «он держал в своих руках все узловые точки государства. Без его согласия не мог пройти ни один закон, не могла быть объявлена война или заключено перемирие; он же контролировал и государственную казну. Ни одна другая сила не могла вмешиваться в его деятельность, и вся власть принадлежала только парламенту. Это было подлинно народной республикой, не имеющей аналогов даже в Европе»¹⁹¹.

В этом отношении все нити управления как законодательными, так и исполнительными структурами Азербайджана находились в руках правящей партии, каковой на тот момент являлся руководимый М.Э. Расулзаде «Мусават», обладавший наиболее многочисленной фракцией в парламенте. Поэтому неудивительно, что в качестве лидера фракции правящей партии страны в парламенте М.Э. Расулзаде обладал широкими возможностями и полномочиями для определения основных направлений деятельности не только законодательного органа, но и правительства Азербайджана. Для сравнения отметим, что даже председатель парламента, хотя и считался номинальным главой государства, не имел таких возможностей для влияния на принимаемые парламентом решения как лидер фракции правящей партии. Спикер парламента выполнял лишь чисто представительские функции, поскольку его полномочия ограничивались ведением текущих заседаний и подписанием принимаемых законов.

Безусловно, с началом работы азербайджанского парламента М.Э. Расулзаде сосредоточился в основном на законотворческой деятельности. Будучи убежденным сторонником национального государства, он все свои усилия направлял на создание добротных законов, способных стать прочной правовой основой для осуществления необходимых реформ в стране. Все основные за-

¹⁹¹ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // «Хазар». 1990. № 1. С. 54.

коны, принятые национальным парламентом в 1918–1920 годах и обеспечившие на тот момент лидирующее положение Азербайджана в исламском мире в области демократических преобразований, в той или иной степени связаны с именем М.Э. Расулзаде. Он принимал непосредственное участие в их подготовке и продвижении по парламентским структурам.

Правда, это было сопряжено с немалыми с трудностями, поскольку, не обладая твердым большинством в парламенте, фракции «Мусават» и ее лидеру приходилось при принятии законодательных актов, необходимых для реализации демократических реформ в стране, постоянно балансировать между различными политическими силами.

Основные приоритеты мусаватской фракции в строительстве национальной государственности были обнародованы М.Э. Расулзаде 10 декабря 1918 года на втором заседании парламента в декларации партии «Мусават». В ней были сформулированы стратегические цели партии в области строительства национальной государственности. В начале своей программной речи М.Э. Расулзаде напомнил о том, что всего полтора года тому назад даже идея азербайджанской автономии, выдвинутая «Мусаватом», была встречена в штыки всеми без исключения азербайджанскими политическими организациями. Но, как подчеркнул М.Э. Расулзаде, «не увлекшись социалистическими течениями, склоняющимися к петроградскому централизму, и не заразившись таким психически болезненным состоянием, завладевшим многими умами, как «илхагизм», партия все же добилась признания идеи азербайджанской независимости со стороны других азербайджанских партий»¹⁹².

И он с гордостью отметил, что теперь идея азербайджанской независимости и необходимость ее защиты от внутренних и внешних посягательств нашла свое отражение в декларациях всех азербайджанских фракций, представленных в парламен-

¹⁹² Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 37.

те, и в этом вопросе между ними нет никаких разногласий. Он выразил свое удовлетворение тем обстоятельством, что теперь «партии занимаются уже не пропагандой идеи независимости Азербайджана, а политической, правовой и внешней защитой существующего факта».

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде отметил, что в области внешней политики «защита и юридическое признание Азербайджана должны быть альфой и омегой в политике вновь образуемого правительства». Далее он призвал своих коллег по парламенту сделать все возможное, чтобы его «призыв – «развивающийся национальный флаг не должен более спуститься», встреченный единодушным одобрением в день торжественного открытия парламента, осуществился не на словах, а на деле»¹⁹³.

М.Э. Расулзаде полагал, что провозглашенные президентом США В. Вильсоном принципы «о праве малых народов на самоопределение, воспринятые Англией и Францией, создадут благоприятную ситуацию «для защиты интересов самоопределившегося Азербайджана перед лицом всего культурного мира, а в особенности перед державами Согласия». И воспользоваться этим благоприятным положением, по его мнению, являлось первоочередной задачей парламента и правительства¹⁹⁴.

В области внутренней политики М.Э. Расулзаде ратовал за осуществление кардинальных демократических преобразований. «Завоевания Великой российской революции, – подчеркивал он, – как то: свобода печати, слова, совести, собраний, союзов и все другие гражданские и национальные права, должны быть обеспечены законом, Азербайджан должен быть страной свободной. Если до сих пор вследствие исключительных условий, переживаемых страной, эти начала свободы и демократизма не были осуществлены в достаточной мере, то в ближайшем буду-

¹⁹³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 39.

¹⁹⁴ Там же.

щем наше правительство должно обратить особое внимание на упрочение этих начал в стране»¹⁹⁵.

Одним из стержневых элементов демократии, в представлении М.Э. Расулзаде, был принцип национального равноправия. «В Азербайджане не должно быть сынов и пасынков; армяне, русские, евреи, грузины, немцы, поляки и другие народы, оставаясь гражданами Азербайджанской Республики, должны пользоваться правами национально-культурной автономии», – подчеркивал он в своем выступлении на парламенте¹⁹⁶.

Как отмечал М.Э. Расулзаде, хотя «азербайджанские тюрки составляют большинство населения страны, это не дает им никаких преимуществ перед остальными этническими группами, наоборот, этот факт накладывает на них дополнительную ответственность по поддержанию межэтнического согласия».

В своей речи М.Э. Расулзаде выступил в поддержку идеи коалиционного правительства, считая его важным средством обеспечения доверительных отношений между представителями различных национальностей Азербайджана. «Если до сих пор правительство состояло из одних мусульман, то впредь оно должно быть сконструировано на справедливых коалиционных началах. Азербайджанские тюрки, испытавшие на себе все тяжести подневольного состояния, не создадут подневольных наций», – подчеркнул он¹⁹⁷. М.Э. Расулзаде настаивал на том, что Азербайджану необходимо «правительство, способное защищать существование народа и независимость страны». Он был убежден, что в тогдашних условиях подобное правительство «могло быть организовано только на коалиционных началах»¹⁹⁸. Причем вся практика государственного строительства в 1918–1920 годах свидетельствует о том, что высказанные М.Э. Расулзаде с парламентской трибуны идеи являлись программой практических действий.

¹⁹⁵ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 40.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. С. 40.

¹⁹⁸ Там же. С. 43.

Так, одним из первых решений парламента стал Закон «О несомещении государственной службы с членством в парламенте», положивший начало реализации в стране принципа разделения различных ветвей власти и их автономного существования. Данный закон, принятый по настоянию М.Э. Расулзаде, запрещал членам парламента занимать должности в исполнительных структурах. В нем отмечалось: «Члены парламента, несшие должности по другим государственным учреждениям и проживающие в г. Баку, в течение трех дней, а иногородние – десяти, должны представить в канцелярию парламента документы об оставлении ими государственной службы. В противном случае они лишаются как должности, так и права представительства в парламенте»¹⁹⁹. Подобное совмещение должностей разрешалось только министрам.

В условиях острого дефицита управленческих кадров это был довольно рискованный шаг, предпринятый азербайджанскими лидерами в направлении демократизации системы государственного управления в стране. Во время обсуждений в парламенте некоторые депутаты выступили против данного законопроекта, мотивируя свою позицию тем, что при острой нехватке кадров принятие подобного предложения вовсе парализует деятельность государственных структур. Они были убеждены в том, что реализацию подобного принципа могут позволить себе такие развитые страны, как Франция, Америка и Англия, а для зарождающейся азербайджанской демократии это является преждевременным шагом. Поэтому они предлагали разрешить государственным чиновникам совмещать службу в исполнительных структурах с членством в парламенте²⁰⁰.

Возражая авторам этих суждений, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что если мы выбрали путь парламентаризма, то должны быть до конца последовательными в реализации его основных принципов, в том числе принципа разделения властей. По его убежде-

¹⁹⁹ «Азербайджан». 1919. 28 января.

²⁰⁰ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 177.

нию, «депутат, представляющий нацию, должен быть полностью свободен в своих мыслях и действиях. Если депутат одновременно будет выполнять функции правительственного чиновника, то он будет лишен этой свободы. Что же касается слабости кадрового и интеллектуального потенциала нашей страны, то я не думаю, что после отправки в парламент 60 депутатов у Азербайджана не останется кадров для заполнения вакансий правительственных чиновников. Если же мы настолько бессильны, то нам вообще не нужен никакой парламент»²⁰¹. Именно яркое выступление М.Э. Расулзаде позволило изменить расстановку сил в парламенте в пользу принятия Закона «О несовмещении государственной службы с членством в парламенте».

На одном из первых заседаний азербайджанского парламента М.Э. Расулзаде, подчеркивая необходимость «скорейшего созыва Учредительного собрания Азербайджана», предложил создание специальной комиссии для выработки избирательного закона²⁰². Впоследствии он же руководил работой этой комиссии, которой в течение буквально нескольких месяцев удалось разработать и весной 1919 года внести на обсуждение парламентариев проект «Положения о выборах в Учредительное собрание Азербайджанской Республики».

М.Э. Расулзаде был главным автором этого избирательного закона, который своим революционным для тогдашнего периода подходом ко многим проблемам занимает особое место среди принятых в 1918–1920 годах азербайджанским парламентом законодательных актов. Он же в качестве докладчика представлял данный законопроект в ходе обсуждений в парламенте.

Принятый парламентом 21 июля 1919 года в третьем чтении избирательный закон устанавливал пропорциональную систему выборов в Учредительное собрание. Выборы проводились «на основе всеобщего, без различия пола и равного избирательного

²⁰¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 178.

²⁰² Там же. С. 43.

права, посредством прямых выборов и тайного голосования»²⁰³. Согласно закону право участия в выборах в Учредительное собрание предоставлялось всем «гражданам республики обоего пола, коим ко дню выборов исполняется 20 лет»²⁰⁴.

Таким образом, «Положение» предоставляло женщинам равные с мужчинами избирательные права. Между тем в тот период принцип гендерного равноправия в избирательной сфере еще не был реализован во многих европейских государствах, не говоря уже о мусульманском Востоке.

Характерно, что лица, занимающие должности в исполнительных и правоохранительных органах, в частности приставы, уездные начальники и их заместители, полицмейстеры и их заместители, губернаторы и их помощники, пользовались лишь активным избирательным правом. Другими словами, они не могли стать членами Учредительного собрания, что было серьезным шагом в направлении деполитизации правоохранительных и исполнительных структур.

Кроме того, по настоянию М.Э. Расулзаде в избирательный закон был включен пункт, запрещающий духовным лицам вести предвыборную агитацию «в храме или ином предназначенном для богослужения месте как посредством проповедей, так равно и в виде устных или письменных воззваний»²⁰⁵. Виновные в нарушении данного положения наказывались «заключением в тюрьму сроком до шести месяцев»²⁰⁶.

Учитывая, что влияние религиозной идеологии и мусульманского духовенства на наиболее отсталую часть населения было еще существенным, это было вполне осознанным шагом со стороны М.Э. Расулзаде, направленным на максимальное ограничение вмешательства духовных лиц в политические процессы на стороне самых реакционных сил.

²⁰³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 71.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. С. 86–87.

²⁰⁶ Там же. С. 87.

Как и следовало ожидать, в ходе обсуждений в парламенте данное предложение М.Э. Расулзаде столкнулось с острым противодействием представителей клерикальной партии «Иттихад». В частности, член иттихадской фракции С.М. Ганизаде выступил с инициативой отмены данного пункта. Он мотивировал это тем, что «мечети, как и религия ислама, объемлют не только божественное служение, но и почти все отрасли общественной жизни. Здесь именно в мечетях происходят сходы. В мечетях собираются люди для обсуждения своих нужд и жизненных проблем, и запрещать здесь агитацию неправильно»²⁰⁷. Отвечая С.М. Ганизаде, М.Э. Расулзаде с парламентской трибуны заявил: «На этот вопрос надо смотреть с государственной и принципиальной точек зрения. Мы устраиваем не теократическое, а демократическое государство на новых началах. В такое время нельзя возвращаться к основам прошлых веков. Их время давно уже прошло. Религия и мечеть должны хранить свою святость, оставаясь вдали от политики. Духовенство должно оставаться носителем мира и согласия среди бушующих политических страстей. Нам говорят, что жандармы и городовые с плетью идут на выборы, но молла идет с еще более худшим бичом – «куфром». Всякого инакомыслящего он предаст «анафеме», называя «кафиром» и «баби». Если вы уважаете моллу и мечеть, не втягивайте их в политическую грызню»²⁰⁸. В конечном итоге парламентарии подавляющим большинством голосов отвергли инициативу С.М. Ганизаде, оставив соответствующий пункт избирательного закона в редакции, предложенной М.Э. Расулзаде.

Следует отметить, что секуляризм занимал важное место в системе политических взглядов М.Э. Расулзаде, который прекрасно осознавал пагубность клерикализма как для развития национального самосознания азербайджанцев, так и для становления зарождающейся азербайджанской государственности. В

²⁰⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 468.

²⁰⁸ Там же. С. 469.

своей работе «О пантуранизме» М.Э. Расулзаде открыто подчеркивал, что ислам препятствует пробуждению национального самосознания мусульманских народов, задерживает их прогресс и тем самым мешает им стать независимыми нациями. Далее он отмечал, что «препятствовать пробуждению национального самосознания – это значит препятствовать народам образовывать независимые государства»²⁰⁹.

Поэтому М.Э. Расулзаде предлагал «усиливать во всех мусульманских странах процесс пробуждения национального самосознания, ибо первоисточником всякого прогресса, а также основой национальной независимости является только наличие осознанного национального «Я»²¹⁰.

В силу этого лидер «Мусавата» выступал за вытеснение или, в крайнем случае, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в общественно-политической жизни общества, естественно, за исключением сфер, имеющих непосредственное отношение к отправлению религиозного культа. Поэтому неудивительно, что Азербайджан стал практически первым светским государством мусульманского Востока, в котором церковь была отделена от государства, а религия объявлена личным делом граждан страны.

С целью развития национального самосознания народных масс целые полосы печатных изданий партии «Мусават» и официальных газет посвящались очеркам из истории, литературы и политики Азербайджана, истории возникновения Азербайджанской Республики и происхождения слова «Азербайджан». Для широкой публики проводились лекции на тему «Азербайджанская Республика» и устраивались специальные «Азербайджанские вечера». На этих вечерах ответственным распорядителем выступал сам М.Э. Расулзаде²¹¹.

²⁰⁹ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 58.

²¹⁰ Там же. С. 58.

²¹¹ *Гулиев Дж.* Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970. С. 122.

Одним из крупных достижений мусаватской фракции во главе с М.Э. Расулзаде в области демократических преобразований было обеспечение практически полной свободы слова в стране. М.Э. Расулзаде с гордостью отмечал, что «каждая партия имела свою газету, а правительство относилось ко всем газетам с большим уважением и доброжелательностью, несмотря на то, что большинство из них критиковало и тягалось с ним»²¹².

Правовую основу свободы слова составлял «Устав о печати», принятый парламентом 30 октября 1919 года и запретивший всякую цензуру на печать. Согласно этому документу «никакого разрешения со стороны правительственной власти на открытие типографии, литографии, металлографии и других заведений этого рода для тиснения, напечатания, выпуск из типографий и продажу произведений печати, публичное представление драматических произведений, а равно на открытие кабинетов для чтения не требовалось»²¹³.

Для основания периодических изданий достаточно было информировать о своем намерении главного инспектора по делам печати. Печатный орган мог быть привлечен к ответственности только по решению суда и только в случае совершения преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством²¹⁴.

В основу разработанного фракцией «Мусават» и принятого 11 августа 1919 года парламентом Закона «Об азербайджанском гражданстве» был положен принцип происхождения. Азербайджанскими гражданами считались все подданные бывшей Российской империи, без различия национальности и вероисповедания, которые сами или их родители родились на территории Азербайджанской Республики²¹⁵.

Некоторые современные авторы обвиняют азербайджанских лидеров, и в первую очередь М.Э. Расулзаде, в излишней

²¹² *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени // «Хазар», 1990, № 1. С. 53–54.

²¹³ ГА АР, ф. 894, оп. 3, д. 294, л. 43.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ ГА АР, ф. 895, оп. 3, д. 92, л. 31.

увлеченности демократическими свободами в ущерб интересам национальной безопасности, что, по их мнению, стало одной из основных причин падения АДР. В качестве примера они приводят нахождение в составе азербайджанского парламента фракций «Дашнакцутюн», армянской общины и «Славяно-русского общества», крайне враждебно настроенных в отношении азербайджанской независимости.

Отвечая подобного рода критикам, М.Э. Расулзаде еще 28 января 1919 года с парламентской трибуны говорил: «Желая участия всех партий в нашем парламенте, мы, конечно, не предполагали, что все они будут сходиться на одной точке зрения и будут отстаивать нашу независимость. Мы желали только одного, чтобы критика наших действий и возражения против наших позиций раздавались не вне стен парламента, а с парламентской кафедры, чтобы ответы на это получались бы с той же кафедры»²¹⁶. Это было проявлением приверженности М.Э. Расулзаде к цивилизованным, парламентским методам политической борьбы. И не вина, а скорее, беда М.Э. Расулзаде и его соратников заключается в том, что как само азербайджанское общество того периода, так и политические оппоненты «Мусавата» оказались не готовыми вести политическую борьбу в цивилизованных рамках.

Безусловно, стране предстояло пройти еще долгий путь по развитию демократии. Но уже проделанная работа – создание парламентской системы управления, основанной на многопартийной системе, реализация принципа разделения властей, обеспечение на практике основных гражданских прав и демократических свобод и т.д. дает основание утверждать, что в 1918–1920 годах был заложен крепкий фундамент для дальнейшего демократического развития азербайджанского общества.

О функциональном характере азербайджанской демократии периода 1918–1920 годов свидетельствует один примечательный факт. Так, в начале марта 1920 года правоохранительными

²¹⁶ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 143.

органами Азербайджана в Баку был раскрыт большевистский заговор, преследующий цель насильственного захвата власти в стране. Однако двоим активным участникам заговора – Г. Джабиеву и А. Байрамову удалось скрыться в квартире члена азербайджанского парламента, большевика А. Караева. Осведомленная об этом полиция не могла войти в квартиру, так как закон о парламентаризме не давал ей этого права. Для этого требовалось согласие самого члена парламента, занимающего эту квартиру, или же официальное разрешение президиума парламента. Только по истечении суток полиция получила подобное разрешение. Причем она имела право лишь на осмотр, но не на обыск квартиры А. Караева. А к тому времени Г. Джабиеву и А. Байрамову удалось уйти из квартиры²¹⁷.

Успехи, достигнутые в этот период азербайджанскими лидерами в сфере демократических преобразований, особенно наглядно видны на фоне соседних мусульманских стран, в которых в то время все еще господствовал восточный деспотизм со всеми его атрибутами. Таким образом, в исследуемый период Азербайджан по уровню общественно-политического развития намного опережал соседние мусульманские государства.

Трудно переоценить роль М.Э. Расулзаде в достижении всех этих успехов в деле строительства национальной государственности. Причем многие проекты, инициированные М.Э. Расулзаде, были направлены не на получение быстрых и сиюминутных политических дивидендов, а рассчитаны на долгосрочную перспективу укрепления основ молодой азербайджанской государственности. При этом он прекрасно осознавал, что ему и его соратникам приходится делать черновую работу и, скорее всего, им не удастся воспользоваться плодами проводимых в азербайджанском обществе реформ.

В этом отношении достаточно примечательным является одно из его выступлений в ходе парламентских прений. «Исто-

²¹⁷ *Караев А.Г.* Из недавнего прошлого: Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (б). Баку, 1926. С. 117.

рия несколько похожа на кухню, – подчеркивал М.Э. Расулзаде, – где повар готовит вкусную пищу, но часто сам не успевает ее попробовать. Порой ему бывает даже тошно от этих яств, но все же он, не отходя от плиты, аккуратно исполняет свою работу, а потом приготовленными ими блюдами питаются и наслаждаются многие. Мы, члены парламента, создавая историю Азербайджана, должны соглашаться и на неприятности для себя теперь, чтобы наша история не была запятнанной. Мы должны заботиться о потомстве, а потому теперь должны идти на все жертвы»²¹⁸.

Как лидер парламентской фракции правящей партии М.Э. Расулзаде возлагал большие надежды в строительстве национального государства на представителей молодого поколения, ратовал за их выдвижение на ответственные посты в государственных структурах. Так, в ходе утверждения в парламенте состава первого правительственного кабинета Н. Усуббекова некоторые депутаты выразили свое недовольство тем обстоятельством, что многие министерские портфели в нем были предоставлены молодым и незнакомым широкой публике лицам. Парируя подобные выпады парламентариев, М.Э. Расулзаде говорил: «...это молодое правительство. Вероятно, произнесенные здесь имена членов этого правительства для многих являются новыми именами. Вам известно, что мы нация, недавно вступившая на арену политической жизни. В ходе мировой революции, когда наблюдается стремление к изменению и обновлению всего, можно лишь приветствовать выдвижение молодых сил на министерские посты. Кроме знаменитых «идолов», нам нужны решительные и честные молодые деятели. И если по своему составу новое демократическое правительство молодое, то это дает нам надежду, что оно осуществит на практике те цели, которые оно сегодня нам изложило в своей декларации»²¹⁹.

²¹⁸ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 449–450.

²¹⁹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. Баку, 1998. Т. 1. С. 453 (на азерб. яз.)

Одно из центральных мест в парламентской деятельности М.Э. Расулзаде занимали проблемы развития системы образования на национальном языке. При его непосредственном участии был разработан и принят парламентом целый пакет законов, направленных на языковую национализацию системы образования. Языковая национализация подразумевала планомерное вытеснение языка бывшей империи с одновременным восстановлением позиций и государственного статуса азербайджанского языка, утраченных им в колониальный период.

Для ускорения национализации школьной системы была образована специальная комиссия по разработке и изданию учебников на национальном языке²²⁰. За относительно короткий период, практически за год, комиссия сумела создать и напечатать немалое количество учебников на азербайджанском языке для начальных и средних школ.

Составной частью политики языковой национализации являлась попытка реформирования азербайджанской письменности и ее перевода на латинскую графику. В марте 1919 года впервые на мусульманском Востоке на государственном уровне была создана специальная комиссия для перевода азербайджанской письменности с арабской на латинскую графику²²¹.

Несмотря на огромные трудности, принятые меры позволили к началу 1919/20 учебного года охватить языковой национализацией не только все начальные школы, но и 15 из 23 государственных средних учебных заведений страны. Об успешности этого процесса свидетельствует тот факт, что даже авторы, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к М.Э. Расулзаде и его соратникам, признают, что реализованная ими в тот период национализация системы образования являлась одним из главных достижений «правительственной политики АДР»²²².

²²⁰ *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская Республика. С. 56 (на азерб.яз.).

²²¹ *Балаев А.* Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX вв. Баку, 2005. С. 70.

²²² *Волхонский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 221.

Наряду с расширением сети начальных и средних школ, М.Э. Расулзаде выступал за развитие системы высшего образования в Азербайджане, хотя реализация этой задачи была сопряжена со многими трудностями. Как известно, в период царского режима на территории Азербайджана не было ни одного высшего учебного заведения. Поэтому страна не обладала необходимыми национальными кадрами для учреждения хотя бы одного высшего учебного заведения. В этих условиях некоторые парламентарии высказывались за идею «развития просвещения снизу, а не сверху», т.е. они предлагали первоначально «поставить на ноги низшую и среднюю школу, а также учительские семинарии и институты», чтобы затем, опираясь на них и по мере подготовки национальных кадров, учредить университет с преподаванием на родном языке²²³.

В этих условиях М.Э. Расулзаде и его соратникам по фракции «Мусават» пришлось предпринять немало усилий, чтобы убедить парламентариев в необходимости немедленного учреждения в Баку университета на русском языке. Симптоматично, что при обсуждении соответствующего законопроекта в финансово-бюджетной комиссии парламента представитель фракции «Славяно-русского общества» в парламенте Кравченко высказал свои сомнения относительно целесообразности создания университета, посоветовав «впустую не транжирить народные средства»²²⁴. И это несмотря на то, что на начальном этапе функционирования университета обучение в нем должно было вестись на русском языке, так как профессорско-преподавательский состав учебного заведения состоял исключительно из представителей русской интеллигенции.

Хотя азербайджанский язык являлся обязательным предметом преподавания на всех факультетах университета, тем не менее против открытия русскоязычного университета в Баку выступили и представители некоторых азербайджанских фракций, в

²²³ «Азербайджан». 1919. 24 августа.

²²⁴ Там же.

частности «Иттихада». Лидер иттихадской фракции К. Карабеков, имея в виду русских преподавателей, считал недопустимым «вручение судьбы университета в руки людей неведомых нам и чуждых нашей государственности»²²⁵. Поэтому он предлагал не спешить с рассмотрением данного законопроекта и вернуть его в парламентские комиссии и фракции для дальнейшей доработки.

Возражая ему, М.Э. Расулзаде напомнил своим коллегам по парламенту о том, что недостаточно объявить себя независимым. По его мнению, для того чтобы зажить действительно независимой жизнью и занять подобающее место в семье культурных народов мира, необходимо заложить прочный фундамент, на котором азербайджанский народ мог бы полностью проявить особенности своего национального гения. В этом контексте он рассматривал «открытие университета одной из первых забот государства», считая его важнейшим атрибутом азербайджанской независимости.

М.Э. Расулзаде рассматривал университет не только как образовательное учреждение, но и как центр научно-культурной жизни страны, способный стимулировать исследования основных проблем национальной жизни, а также дальнейшее развитие культурной гомогенизации и национального самосознания населения Азербайджана.

Поэтому М.Э. Расулзаде считал ошибочной и позицию некоторых парламентариев, которые предлагали пока ограничиться отправкой определенного количества азербайджанских студентов для получения высшего образования за границу. Отметив наличие у правительства планов относительно отправки около ста азербайджанских студентов в лучшие университеты Западной Европы, он вместе с тем подчеркнул необходимость «создания научного рассадника именно внутри страны»²²⁶.

Безусловно, М.Э. Расулзаде не скрывал, что и для него предпочтительным было бы создание университета на национальном

²²⁵ «Азербайджан». 1919. 30 августа.

²²⁶ Там же. 24 августа.

языке. Но одновременно он ясно осознавал, что из-за недостаточности научных сил страна не в состоянии создать национальный университет в ближайшем будущем. «Но даже если имелись бы эти научные силы, – подчеркивал он, – то невозможно было найти студентов, способных слушать лекции в высшем учебном заведении на азербайджанском языке». Ведь не секрет, что подавляющее большинство азербайджанской молодежи того времени получало начальное и среднее образование на русском языке и по этой причине очень слабо владело родным языком.

Учитывая все эти факторы, М.Э. Расулзаде признавал невозможность в тот момент открытия университета на национальном языке. Но одновременно он был убежден в том, что это обстоятельство «никого не может остановить, как не останавливало и другие страны». В качестве примера он приводил опыт первых русских и японских университетов, в которых в момент их учреждения преподавание также велось на иностранных языках. «Что касается того, почему у нас университет на русском языке, то вопрос ясен – потому, что комплект слушателей у нас не знает никакого другого иностранного языка, кроме русского», – заявил М.Э. Расулзаде²²⁷.

Таким образом, наиболее действенным средством создания в будущем национального университета и необходимой его предпосылкой М.Э. Расулзаде считал скорейшее учреждение университета на одном из развитых европейских языков, которым в условиях Азербайджана был русский язык.

Подчеркивая наднациональный характер науки, М.Э. Расулзаде справедливо указывал, что «ее мы можем изучать в Китае и можем учиться у китайца в Азербайджане... Науку можно изучать во всех странах и на всех языках, вот почему наша фракция высказывается за немедленное открытие университета. Не надо гнушаться скромностью научной силы»²²⁸.

²²⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 626.

²²⁸ Там же. С. 626–627.

М.Э. Расулзаде также советовал «не бояться, что открываемый университет, как утверждает священник Кравченко, будет русским. В тюркской стране, в тюркской среде он будет носить свою окраску». Он обоснованно указал на то обстоятельство, что «фундамент национализации университета закладывается вместе с его учреждением, поскольку в нем будет преподаваться тюркский язык, да и студенты здесь, в Баку, будут находиться в родной атмосфере, близко к родной стихии и родному своему народу»²²⁹.

М.Э. Расулзаде искренне надеялся на то, что «в атмосфере, густо насыщенной национальными стремлениями, введение усиленного обучения тюркскому языку» позволит уже в ближайшей перспективе безболезненно и поэтапно осуществлять национализацию университета.

В этом вопросе М.Э. Расулзаде активную поддержку оказал и тогдашний министр просвещения Азербайджанской Республики Р. Капланов. В своей яркой речи в ходе обсуждения законопроекта об открытии университета в Баку Р. Капланов в частности заявил: «Если мы самостоятельное государство, если мы твердо решили не оставаться бесформенным конгломератом, а превратиться в организованную нацию, играющую подобающую ей роль в общей культурной жизни человечества, мы не можем не прийти к необходимости создания научного центра, который будет душой нашего национального тела»²³⁰. Он выразил надежду на то, что этот рассадник науки «будет вдохновлять и руководить всей умственной жизнью страны и явится тем центром, вокруг которого будет концентрироваться вся политическая и общественная жизнь народа»²³¹.

В конечном итоге эти аргументы подействовали на депутатов, и 1 сентября 1919 года парламент подавляющим большинством голосов принял Закон «Об учреждении в городе Баку государственного университета», который начал функционировать 15 ноября того же года.

²²⁹ «Азербайджан». 1919. 24 августа.

²³⁰ «Азербайджан». 1919. 27 августа.

²³¹ Там же.

Символично, что на том же заседании парламента по инициативе фракции «Мусават» было принято постановление об отправке за счет государства в лучшие европейские университеты примерно 100 абитуриентов и студентов для получения высшего образования по различным специальностям – от архитектуры до кораблестроения²³². Представляя проект постановления парламентариям, член фракции «Мусават» Р. Векилов заявил, что «все народы, ставшие на самостоятельный путь развития, всегда стремились на Запад; туда же должны стремиться и мы, ибо этот путь ведет к теснейшему сближению с западноевропейской культурой и дает возможность воспользоваться ее благами из первоисточника. Это наивернейший путь для прогресса отсталых народов»²³³.

Большое значение М.Э. Расулзаде придавал и языковой национализации государственных учреждений. По сути, этот процесс подразумевал перестройку всей структуры языковой ситуации путем устранения одного из ее компонентов и восполнения его другим²³⁴. Следует учесть, что с провозглашением в мае 1918 года независимости Азербайджана впервые в новой и новейшей истории страны появилась возможность свободного функционального развития национального языка. В правительственном воззвании от 17 июня 1918 года к народу Азербайджана говорилось: «Одной из ближайших задач правительства является национализация всех правительственных учреждений, суда и школы»²³⁵.

Первым же шагом в этом направлении стало создание соответствующей правовой базы языковой национализации. Так, правительственным постановлением от 27 июня 1918 года азербайджанский язык получил статус государственного языка Азербайджанской Республики. Правда, при этом временно допускалось употребление русского языка в государственных учреждениях. Дело в том, что в течение 100 лет колониальной зависимости от

²³² ГА АР, ф. 895, оп. 3, д. 103, л. 1.

²³³ «Азербайджан». 1919. 6 сентября.

²³⁴ Балаев А. Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX вв. С. 64.

²³⁵ ГА АР, ф. 895, оп. 1, д. 19, л. 1.

России царские власти делали все возможное, чтобы искоренить азербайджанский язык из основных сфер жизни общества. В частности, как уже было отмечено, он был полностью изгнан из официальных школ, в результате чего значительная часть азербайджанцев, получивших образование в подобных учебных заведениях, не могла читать и писать на азербайджанском языке.

Тем не менее М.Э. Расулзаде по мере возможностей пытался ускорить процесс языковой национализации системы образования и государственных учреждений. Еще в декларации партии «Мусават», обнародованной М.Э. Расулзаде, среди основных задач во внутренней политике особое место отводилось «введению в официальных бумагах между государственными учреждениями национального языка»²³⁶.

Характерно, что в ходе парламентских прений М.Э. Расулзаде неоднократно требовал составления и оглашения тех или иных официальных документов исключительно на азербайджанском языке. Даже правительственные телеграммы, отправляемые в иностранные государства, он предлагал «оглашать на тюркском языке, а потом, если понадобится, перевести их и на русский, ибо здесь Азербайджан и официальным языком должен считаться тюркский язык»²³⁷.

Создание благоприятных условий для широкого функционирования азербайджанского языка во всех сферах жизни общества способствовало также ускорению процесса развития национальной идентичности, что в тогдашних условиях имело поистине судьбоносное значение для зарождающейся азербайджанской государственности. Ведь родной язык, как правило, является мощным символом культурного единства и удобным инструментом административного управления в новом национальном государстве. Язык формирует важный элемент культурной идентичности, что, в свою очередь, является частью национальной идентичности. В этом смысле обязательное образование на

²³⁶ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 42

²³⁷ Там же. С. 99.

родном языке, которое несет национальное государство, постепенно выковывает единую нацию. Поэтому расширение базы национальной идентичности в значительной степени зависит от темпов развития школьной сети на родном языке и степени вовлечения в нее широких народных масс.

Будучи прагматичным политиком, М.Э. Расулзаде понимал, что полный перевод делопроизводства в государственных учреждениях на азербайджанский язык в тогдашних условиях не является легкой и быстро разрешимой задачей и потребует определенного времени. Не случайно, что, выступая в декабре 1919 года на II съезде «Мусавата», М.Э. Расулзаде с горечью заявлял: «Я был очень рад слышать о желании моих товарищей вести все дела в государственных учреждениях на тюркском языке, но, к сожалению, пока это не представляется возможным»²³⁸.

М.Э. Расулзаде в исследуемый период принимал активное участие и в обеспечении внешней безопасности и территориальной целостности Азербайджана, в налаживании дружественных отношений с соседними государствами, в организации азербайджанской армии как гаранта независимости страны. Так, в связи с вторжением ранней весной 1919 года частей Добровольческой армии Деникина в пределы Горской Республики М.Э. Расулзаде, выступая в парламенте, предупреждал, что «идущая сила – это сила, стремящаяся к порабощению свободных народов, к уничтожению добытых революцией прав народов на самоопределение, на самостоятельное существование»²³⁹. М.Э. Расулзаде призывал парламент не ограничиться выражением декларативного протеста, а оказать Горской Республике реальную помощь, в том числе в военной сфере. Именно по его инициативе началась отправка в Дагестан азербайджанских добровольцев²⁴⁰.

Но ситуация стала особенно угрожающей для независимости Азербайджана после окончательного захвата деникинскими

²³⁸ «Азербайджан». 1919. 9 декабря.

²³⁹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 260.

²⁴⁰ Там же.

войсками территории Дагестана и их выходом к азербайджанским границам. В этой связи именно М.Э. Расулзаде выступил с запросом к правительству, потребовав от премьер-министра Н. Усуббекова отчитаться перед парламентом о принятых мерах для защиты независимости страны.

Выступая по этому поводу 26 мая 1919 года в парламенте, М.Э. Расулзаде, в частности, заявил: «В последнее время население Азербайджана находится в состоянии тревоги. Причиной этой тревоги является занятие добровольческими отрядами Петровска (ныне Махачкала. – А.Б.) и Дербента. Необходимость защищать нашу независимость очевидна, так как Дагестан – это ворота Азербайджана, и враги, сидящие в Дагестане, – это враги Азербайджана и всех новообразовавшихся государств, враги, которые идут с черными мыслями. И, конечно, видя их движение, население не может сидеть спокойно дома. Поэтому мы обращаемся к правительству с вопросом, какие меры приняты им для защиты нашей самостоятельности?»²⁴¹

Обсуждение запроса фракции «Мусават» к правительству было продолжено на заседании парламента от 5 июня 1919 года. Повторно взяв слово, М.Э. Расулзаде, имея в виду командование Добровольческой армии, сказал: «Напрасно они питают себя иллюзией о том, что они торжественно вступят в нашу столицу и азербайджанцы выйдут коленопреклоненно целовать ноги царским генералам. Быть может, наши головы будут потоптаны под их ногами, но целовать эти ноги мы не будем»²⁴². Он выразил надежду на то, что «азербайджанцы славную смерть во имя своей самостоятельности предпочтут бесславному рабскому существованию»²⁴³. Характерно, что эти слова М.Э. Расулзаде были встречены громкими аплодисментами во всех скамьях, за исключением той части парламента, где сидели представители партий «Иттихад», «Дашнакцутюн» и фракции армянской общины.

²⁴¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 421.

²⁴² Там же. С. 448–449.

²⁴³ Там же. С. 449.

При этом М.Э. Расулзаде был далек от недооценки сил противника. Наоборот, он открытым текстом заявлял, что «враг наш силен». Тем не менее он говорил о необходимости «сплотить все силы, все партии, классы и слои населения вокруг правительства» с целью отпора противнику. «Мы не раз указывали, – подчеркивал он, – что если силы Деникина будут в Дербенте, то это будет револьвером, направленным в сердце Азербайджана. Рука врага уже взялась за курок, необходимо быстрым и ловким ударом отсечь эту руку. Мы никогда не были агрессивными и сторонниками войны. Что же делать, когда не всегда удается следовать собственному желанию. Часто, чтобы не заслужить проклятия потомства, мы должны делать и то, что противно нам»²⁴⁴.

М.Э. Расулзаде был одним из инициаторов принятого парламентом решения, согласно которому «в целях государственной обороны был выделен из состава правительства особый орган с предоставлением ему чрезвычайных полномочий»²⁴⁵. На основе этого решения 9 июня 1919 года был образован Комитет Государственной обороны, объявивший 14 июня 1919 года военное положение на всей территории Азербайджанской Республики.

В отражении возможной агрессии со стороны войск Деникина М.Э. Расулзаде большое значение придавал консолидированным действиям трех южнокавказских республик. Поэтому он с большим воодушевлением воспринял подписание 16 июня 1919 года между Азербайджаном и Грузией военно-оборонительного соглашения, согласно которому стороны «обязывались выступить совместно всеми вооруженными силами и средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности одной или обеих договаривающихся республик»²⁴⁶.

Выступая 27 июня 1919 года в ходе ратификации этого соглашения в азербайджанском парламенте, М.Э. Расулзаде ска-

²⁴⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 449.

²⁴⁵ Там же. С. 451–452.

²⁴⁶ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 87, л. 31.

зал: «Закключаемые между государствами соглашения нередко выглядят полезными лишь с точки зрения руководителей правительства, в то время как народные массы считают их неприемлемыми. Представленное сегодня на наше рассмотрение соглашение, предусматривающее дружбу и союзничество между Азербайджаном и Грузией, одобряется и поддерживается не только правительством, но и азербайджанской нацией. Сегодня азербайджанский парламент примет историческое решение об его утверждении. Азербайджанская нация будет товарищем по оружию и солидарным с грузинами против общего врага. Как видите из содержания соглашения, этот союз преследует единственную цель – защиту нашей независимости и безопасности от внешних сил»²⁴⁷.

Твердая позиция, занятая правительствами Азербайджана и Грузии, а также решительные действия английского командования предотвратили вторжение деникинских войск в пределы южно-кавказских государств. Так, английское командование потребовало от Деникина соблюдения демаркационной линии, установленной 11 июня 1919 года между Азербайджаном и Добровольческой армией в пяти милях южнее Петровска. И Деникину ничего не оставалось, как подчиниться данному требованию.

Характерно, что, хотя Армении и было предоставлено право в двухнедельный срок присоединиться к грузино-азербайджанскому военно-оборонительному соглашению, дашнакское правительство так и не решилось на этот шаг, поскольку тесно сотрудничало с Деникиным. Как признавались официальные представители Деникина, Армения и ее армия являлись авангардом Добровольческой армии в борьбе с Грузией и Азербайджаном²⁴⁸. Ирония судьбы заключается в том, что подобная политика дашнакского правительства в отношении своих соседей противоречила прежде всего долгосрочным интересам самой Армении.

²⁴⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. Т. 1. С. 761 (на азерб. яз.).

²⁴⁸ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 119, л. 3.

Ведь как справедливо отмечал М.Э. Расулзаде, только мирное сосуществование и налаживание добрососедских отношений между тремя новообразовавшимися южнокавказскими государствами – Азербайджаном, Грузией и Арменией могли стать твердой гарантией их самостоятельного существования, а также способствовать ускорению процесса их признания со стороны мирового сообщества. «Хотя на азербайджанскую демократию взваливали несправедливые обвинения в лицемерии, – отмечал М.Э. Расулзаде, – хотя нас стремились представить всем как «реакционеров» и «контрреволюционеров», хотя в происшедших печальных армяно-мусульманских столкновениях старались очернить нас, однако факты могут говорить за себя довольно красноречиво. Азербайджанский народ за весь период самостоятельного своего существования основывал свою политику и тактику лишь на миролюбии и дружественном сосуществовании с другими народами. Правительство Азербайджана с самого начала являлось сторонником этой тактики, вы не можете указать ни одного случая, когда оно отступало от нее. Азербайджанское правительство со дня своего существования стремилось к разрешению спорных вопросов между кавказскими народами путем не войн, а мира и согласия»²⁴⁹.

Склонность к мирному решению спорных проблем в деятельности М.Э. Расулзаде органически сочеталась с принципиальностью в вопросах отстаивания территориальной целостности Азербайджана. Несмотря на то что исходя из национальных интересов Азербайджана он высоко ценил дружественные отношения с Грузией, тем не менее в вопросе о населенном преимущественно азербайджанцами Борчалинском уезде, на который претендовала и Грузия, занимал достаточно бескомпромиссную позицию. Когда правительство Грузии 5 июня 1918 года приняло решение о насильственном присоединении Борчалы к Грузии и направлении в этот регион регулярных грузинских войск, М.Э. Расулза-

²⁴⁹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 67–77.

де, находившийся в Батуме, выразил свой решительный протест грузинским представителям. А на предупреждение грузинского представителя о том, что в случае неудовлетворения их притязаний на Борчалы «прольется кровь», он спокойно, но решительно ответил: «Ну что же, если вынудите, придется пойти и на кровопролитие»²⁵⁰. При этом следует учесть, что это жесткое заявление было сделано М.Э. Расулзаде в тот момент, когда азербайджанское правительство все еще находилось в Тифлисе и в немалой степени зависело от грузинских властей.

Впоследствии в своих выступлениях в парламенте М.Э. Расулзаде неизменно подчеркивал, что «Борчалы, населенное тюрками и мусульманами, является неотъемлемой частью Азербайджанской Республики»²⁵¹. Считая, что проблема Борчалы «создана искусственно», он даже предлагал грузинской стороне «решить этот вопрос посредством международного арбитража»²⁵².

Не менее решительным образом М.Э. Расулзаде действовал и при отражении территориальных притязаний армянской стороны в отношении Азербайджана. Во время обсуждения в парламенте 14 апреля 1919 года декларации правительства Н. Усуббекова некоторые депутаты критиковали последнего за то, что в списке спорных территорий, включенных в декларацию правительства, не был упомянут Карабах. Отвечая этим парламентариям, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что спорными необходимо считать те регионы, которые «еще не находятся в наших руках, поскольку туда Азербайджан пока не назначил своего представителя. Борчалинский вопрос упоминается, потому что он находится вне сферы нашего управления. Есть вопросы, касающиеся некоторых частей Эриванской губернии, которые находятся в чужих руках. Карабахский же вопрос находится в другом положении. Туда назначен наш генерал-губернатор, и наши права на эту территорию даже получили международное признание. Спраши-

²⁵⁰ ГА АР, ф. 894, оп. 1, д. 31, л. 15–16.

²⁵¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. Т. 1. С. 116 (на азерб. яз.).

²⁵² Там же. С. 115–116.

вать у правительства, которое оспаривает территорию в Эриванской губернии, о его отношении к Карабаху не имеет никакого смысла, поскольку правительство, идущее к Эриванской губернии, не может идти туда, не перевалив Карабахских гор»²⁵³.

Действительно, с целью пресечения вмешательства армянской стороны во внутренние дела республики 15 января 1919 года азербайджанское правительство приняло решение о создании Карабахского генерал-губернаторства в составе Джеванширского, Шушинского, Джебраильского и Зангезурского уездов²⁵⁴. 29 января 1919 года временным генерал-губернатором Карабаха был назначен Хосров бек Султанов, который, несмотря на все протесты армянской стороны, 12 февраля 1919 года прибыл в Шушу и приступил к исполнению своих обязанностей²⁵⁵.

3 апреля 1919 года было обнародовано заявление представителя союзного командования на Южном Кавказе Д. Шательворта, в котором подчеркивалось, что до окончательного решения вопроса Карабаха на Парижской мирной конференции этот регион остается в составе Азербайджана, и союзное командование признает администрацию Хосров бека Султанова единственной законной властью в Карабахе²⁵⁶. Исходя из реально сложившейся в тот момент ситуации в Карабахе, М.Э. Расулзаде резюмировал, что «карабахского вопроса так же нет, как нет бакинского вопроса»²⁵⁷.

М.Э. Расулзаде постоянно требовал от правительства принятия эффективных мер для обеспечения безопасности азербайджанских граждан от бесчинствующих армянских формирований в приграничных с Арменией регионах страны. Выступая 17 июля 1919 года на заседании парламента при обсуждении вопро-

²⁵³ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 357–358.

²⁵⁴ ГА АР, ф. 894, оп. 2, д. 81, л. 49.

²⁵⁵ Там же, ф. 970, оп. 1, д. 247, л. 10.

²⁵⁶ Там же, д. 62, л. 66.

²⁵⁷ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 358.

са азербайджанских беженцев из Армении и сопредельных с ней азербайджанских территорий, он указывал, что «жители Нахичеванского и Шарурского уездов являются нашими гражданами, и мы должны предпринять все усилия для их спасения». При этом он подверг жесткой критике предложение представителя партии «Иттихад» С.М. Ганизаде, который выступил с инициативой переселения в Азербайджан всех мусульман, проживающих на территории Армении. «Это неправильная мысль, – парировал М.Э. Расулзаде, – этим мы лишь будем способствовать исполнению вековой мечты армян»²⁵⁸.

Но, несмотря на наличие немалых проблем и противоречий во взаимоотношениях южнокавказских государств, М.Э. Расулзаде был убежденным сторонником идеи Кавказской конфедерации. Еще в ноябре 1918 года он по этому поводу писал: «Азербайджан я представляю как конфедеративную часть объединенного в союзное государство Кавказа, куда должны войти Азербайджан, Грузия, Армения и Северный Кавказ»²⁵⁹.

На II съезде партии «Мусават» именно по инициативе М.Э. Расулзаде была принята специальная резолюция о Кавказской конфедерации, в которой, в частности, говорилось: «признать целесообразным принцип объединения кавказских республик в свободный союз Кавказской конфедерации». Одновременно делегаты съезда призвали «всю кавказскую демократию, а также правительства соседних республик способствовать осуществлению этой идеи»²⁶⁰.

М.Э. Расулзаде искренне верил в способность и возможность азербайджанских тюрок встать в один ряд с самыми развитыми нациями мирового сообщества. И это несмотря на то, что тогдашние реалии азербайджанского общества не давали повода для особого оптимизма на этот счет. Ведь азербайджанскому обществу, в котором еще достаточно сильны были феодально-патри-

²⁵⁸ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. Т. 1. С. 860 (на азерб. яз.).

²⁵⁹ «Азербайджан». 1919. 12 ноября.

²⁶⁰ «Азербайджан». 1919. 14 декабря.

архальные пережитки и религиозные предрассудки, фактически предстояло сделать стремительный рывок из средневековья в современность. Причем это необходимо было осуществить в крайне неблагоприятных условиях непрекращающихся внешних угроз и упорного сопротивления консервативно-клерикальных сил внутри страны.

Но все эти трудности не смогли заставить М.Э. Расулзаде и его соратников свернуть с пути демократических преобразований. Наоборот, все эти проблемы лишь еще больше укрепляли в них убежденность в необходимости продолжения начатых реформ. Безусловно, в нынешнем азербайджанском обществе, утратившем многие свои морально-нравственные устои и продолжающем ускоренно деградировать, в котором люди вынуждены жить «тройным стандартом», когда думают одно, говорят другое, а делают третье, многие поступки азербайджанских лидеров периода АДР могут показаться невероятными.

И в первую очередь у немалой части современных азербайджанцев может вызвать удивление тот факт, что тогдашние руководители Азербайджана стремились не к укреплению в стране своей личной власти, а обеспечивали демократические условия для свободной деятельности своих непримиримых политических оппонентов, заботились о будущем не собственных детей, а тратили последние гроши из скудных финансовых ресурсов государства для отправки около 100 талантливых молодых азербайджанцев на учебу в престижные европейские университеты, не сколачивали состояние путем разграбления национальных богатств, а думали о будущем Азербайджана.

Подобное их поведение было обусловлено тем, что для М.Э. Расулзаде и подавляющего большинства его соратников власть являлась не средством получения материальных благ, а способом решения существующих общенациональных проблем с целью создания соответствующих условий для ускоренного развития Азербайджана. Именно бескорыстная и самоотверженная деятельность азербайджанских лидеров на этом поприще, а не методы государственного «пиара», которые практически от-

существовали в АДР, была главной причиной их популярности среди народных масс.

Как свидетельствуют источники того периода, 28 мая 1919 года в день празднования первой годовщины объявления независимости Азербайджана вышедшего к трибуне перед зданием парламента М.Э. Расулзаде народные массы встретили неопи-сваемым восторгом и почти громовыми, долго не смолкавшими овациями. Обращаясь к собравшимся перед зданием парламента, М.Э. Расулзаде в частности сказал: «Прежде чем говорить о значении сегодняшнего дня, хочу обратить ваше внимание на события, совершившиеся год назад, когда ваши представители вдали от вас, в Тифлисе и на берегах Черного моря (в Батуме. – А.Б.), решали судьбу как Закавказья, так и Азербайджана. Они хотя были от вас на далеком расстоянии, но, чувствуя идейную близость с вами, решая вопрос о самостоятельности, были уверены, что они исполняют вашу народную волю. Те, которые сегодня только в принципе признают самостоятельность Азербайджана, лукаво мотивируя это тем, что эта самостоятельность ханов и имущего класса, сегодня воочию убедились, что эта самостоятельность ваша, народная, и видят, как это море столичного населения без всякого исключения дорожит ею. Сегодняшний день показал сплоченность азербайджанского народа вокруг лозунга независимости, не исключая ни богатого, ни бедного, ни женщин, ни мужчин, ни даже детей. Сегодняшнее ваше собрание служит лучшим предзнаменованием того, что тюркский народ сможет сплотиться и в дни бедствия, и в день торжества, как сегодня»²⁶¹.

Далее М.Э. Расулзаде напомнил народу о том, что «осенью в тяжелую минуту нашей жизни, когда при открытии парламента мы говорили, что знамя Азербайджана, поднятое над парламентом, никогда не опустится, были люди, которые смеялись себе в ус, но сегодня эти господа должны видеть, что весь Баку утопает в море трехцветных азербайджанских знамен»²⁶². И в конце

²⁶¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Парламент: Стенографические отчеты. С. 426.

²⁶² Там же. С. 427.

своего выступления он поздравил всех от имени «Мусавата», отметив, что «сегодняшний день является днем торжества идеалов «Мусавата».

Следует отметить, что М.Э. Расулзаде прекрасно понимал необходимость сильной политической организации в стране как основы дальнейшего развития процесса строительства национальной государственности. Лишь такая организация, руководствующаяся в своей практической деятельности исключительно национальными интересами, могла обеспечить преемственность тех идей, которые начали осуществляться в Азербайджане. По этой причине он уделял пристальное внимание укреплению организационных структур и совершенствованию идеологической основы и программных установок «Мусавата».

В этом смысле знаменательным событием стал II съезд партии «Мусават», состоявшийся 2–11 декабря 1919 года в Баку. В работе съезда принимали участие 140 делегатов, представлявших все уезды Азербайджана, а также члены парламентской фракции партии. Лидер партии М.Э. Расулзаде в своей вступительной речи в частности сказал: «Господа! Я счастлив, что открываю второй съезд партии в столице нашего свободного, независимого Азербайджана. Два года назад не было того, свидетелями чего мы в настоящее время являемся. Дорогие товарищи! Мы с вами пережили много трудностей, но, будучи тюрками, никогда не теряли надежду на светлое будущее. Мы всегда верили, что наш народ, временно лишенный своих политических прав и казавшийся мертвым, в недалеком будущем воскреснет и займет подобающее ему место. Закрывая первый съезд нашей партии, я говорил, что придет время, когда мы получим «золотое яблоко», и те, которые привыкли смотреть на нас, как на мертвых, увидят нас живыми. Не прошло двух лет, и мы имеем уже свое независимое государство»²⁶³.

Выступивший затем с приветственным словом к съезду Ф. Хойский, отметив, что по многим соображениям он до сих пор

²⁶³ «Азербайджан». 1919. 4 декабря.

не является членом какой-либо политической партии, заявил: «Поэтому для меня было легче со стороны беспристрастно наблюдать за работой каждой партии в отдельности. Я считаю своим долгом заявить, что партия «Мусават» в своей работе многое сделала для укрепления нашей независимости. Было бы несправедливо это отрицать. Причина такой плодотворной работы заключается в том, что в те моменты, когда наш народ находился в опасности, руководители партии «Мусават» всегда ставили интересы народа выше своих партийных интересов»²⁶⁴.

С отчетным докладом о деятельности Центрального комитета и парламентской фракции партии выступил М.Э. Расулзаде. В докладе подробно была проанализирована деятельность партии в переломные моменты развития политических процессов в регионе – в ходе мартовских событий 1918 года, в Закавказском сейме, в периоды объявления независимости Азербайджана, отражения большевистско-дашнакской агрессии, борьбы за освобождение Баку и т.д. Особый раздел в докладе был посвящен деятельности парламентской фракции партии.

Необходимо отметить, что отчетный доклад был выдержан в достаточно самокритичном духе. В нем, наряду с достижениями, открыто говорилось о невыполненных задачах, о причинах затруднений и проблем в деятельности партии. В столь же демократичной атмосфере происходили и обсуждения вокруг отчетного доклада ЦК партии. Примечательно, что в них активное участие принимали не только опытные и авторитетные деятели партии, но и представители молодого поколения мусаватистов. Именно из их уст зачастую звучала и самая резкая критика в адрес руководства партии. С характерным для молодежи задором и максимализмом они требовали от руководства еще большей самоотдачи в реализации поставленных перед партией задач. В частности, молодые члены партии были особенно обеспокоены медлительностью, по их мнению, руководства партии

²⁶⁴ «Азербайджан». 1919. 4 декабря.

в решении аграрного вопроса, а также недостаточно быстрыми темпами внедрения азербайджанского языка в государственные органы управления и т.д.

Впоследствии советские историки, привыкшие к полному единодушию в аналогичных форумах коммунистов, трактовали живую дискуссию на II съезде «Мусавата» чуть ли не проявлением раскола партии. Безусловно, для людей с советским мышлением, воспринимавших каждое высказывание коммунистического вождя истиной в последней инстанции, была непривычной и даже из ряда вон выходящей критика, звучавшая в адрес лидеров «Мусавата» со стороны делегатов съезда, к тому же представителей молодого поколения.

Но именно критика в адрес руководства партии была наиболее наглядным показателем успешности проводимых в тот период в Азербайджане демократических реформ, в том числе и внутри «Мусавата». Именно так воспринимал критику своих более молодых коллег М.Э. Расулзаде, не скрывая своей удовлетворенности от наличия подобной атмосферы на съезде. При этом он делал особый акцент на то обстоятельство, что критика делегатов съезда не затрагивала основные принципы политической деятельности руководства партии²⁶⁵.

Симптоматично, что наиболее последовательные критики М.Э. Расулзаде на II съезде, среди которых своей бескомпромиссностью и резкостью высказываний особо выделялся 21-летний М.Б. Мамедзаде, всей своей последующей деятельностью доказали преданность идеалам партии и ее лидеру. Достаточно отметить, что сам М.Б. Мамедзаде впоследствии стал одним из близких соратников М.Э. Расулзаде и автором наиболее фундаментального труда эмигрантской литературы, посвященной истории национального движения в Азербайджане.

Докладчиком по вопросу внесения изменений в партийную программу на II съезде «Мусавата» также выступал М.Э. Расулзаде. Как известно, в программе партии, принятой в октябре

²⁶⁵ «Азербайджан». 1919. 9 декабря.

1917 года на первом съезде, основной целью «Мусавата» объявлялось достижение территориальной автономии Азербайджана в составе Российского государства. Кардинальные политические изменения в регионе, и в первую очередь провозглашение независимости Азербайджана, потребовали внесения определенных изменений в программу партии.

В своем докладе по этому вопросу на съезде М.Э. Расулзаде предложил определить в программе новые цели и устремления партии, отразить в ней достижение независимости Азербайджана и зафиксировать форму государственного правления страны, а также дополнить ее отдельным разделом о воинской повинности, который отсутствовал в прежнем основном документе «Мусавата». Согласно внесенным в программу партии изменениям и дополнениям, отныне стратегической целью «Мусавата» провозглашалась защита и укрепление государственной независимости Азербайджана. Исходя из этого, основной задачей партии объявлялось строительство национальной государственности.

По предложению М.Э. Расулзаде программа партии была дополнена специальным разделом о форме государственного правления Азербайджана. Формой государственного устройства независимого Азербайджана объявлялась демократическая республика, а официальным языком – азербайджанский язык. Как подчеркивалось в этом разделе, правительство опирается на парламентское большинство и ответственно перед ним. Для управления городами и регионами планировалось создание на выборной основе муниципалитетов и других структур местного самоуправления с широкими полномочиями. Руководствуясь необходимостью защиты государства от внешней агрессии и поддержания порядка внутри страны, делегаты съезда впервые в истории партии проголосовали за включение в программу особого раздела о всеобщей воинской повинности.

В заключительный день съезда, 11 декабря 1919 года, были сформированы руководящие органы партии. Подавляющим большинством голосов М.Э. Расулзаде был вновь из-

192

бран членом Центрального комитета и председателем партии «Мусават»²⁶⁶.

К началу 1920 года достижения в строительстве национальной государственности и реализации демократических преобразований в Азербайджане были немалыми. Тем не менее для окончательной реализации «Акта о независимости Азербайджана» необходимо было добиться признания Азербайджанской Демократической Республики со стороны мирового сообщества.

В этом отношении знаменательным событием в политической жизни страны стало принятие 11 января 1920 года Верховным советом союзных держав решения о признании де-факто независимости Азербайджана. Как справедливо отмечалось в воззвании по этому случаю правительства к гражданам страны, «вступление Азербайджана полноправным членом в семью передовых народов» стало возможным благодаря «проявленным народом воли к самостоятельной жизни и способности его к самоуправлению»²⁶⁷.

Однако международное признание Азербайджанской Республики по времени совпало с усилением угрозы для национальной независимости со стороны большевистской России. Оттесняя остатки Добровольческой армии на юг, большевистские войска с каждым днем все больше приближались к северным границам Азербайджана. Причем экономическая и военно-стратегическая значимость бакинской нефти не оставляла азербайджанским лидерам даже малейших шансов на достижение компромисса с большевиками.

Первый сигнал тревоги для азербайджанских лидеров прозвучал 2 января 1920 года, когда Азербайджанское правительство получило послание главы внешнеполитического ведомства Советской России Г.В. Чичерина с предложением заключить военный союз против Деникина. Обращая внимание на популистский и пропагандистский характер данного послания, М.Э. Расулзаде

²⁶⁶ «Азербайджан». 1919. 13 декабря.

²⁶⁷ «Азербайджан». 1920. 17 января.

подчеркивал, что, отказываясь признать Азербайджанскую Республику, большевистское руководство одновременно стремилось втянуть Азербайджан в неравное противоборство с Деникиным²⁶⁸.

Следует признать, что большевики затеяли беспроигрышную для себя дипломатическую игру с азербайджанской стороной, поскольку согласие Баку на совместную борьбу с Деникиным неминуемо привело бы к ослаблению Азербайджана, тем самым облегчив задачу окончательного уничтожения азербайджанской независимости со стороны большевистских орд. А в случае отказа Баку от этого предложения, что казалось более вероятным, большевистские власти получали прекрасный повод для оправдания вторжения своих войск в пределы Азербайджана.

Дальнейшие события развивались именно по второму сценарию, поскольку в ответном послании министр иностранных дел Азербайджана Ф. Хойский подчеркнул, что, «придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела другого народа, азербайджанское правительство считает недопустимым со своей стороны вторжение в сферу борьбы русского народа в деле устройства им своей внутренней жизни»²⁶⁹.

Как и следовало ожидать, активная дипломатическая переписка в первые месяцы 1920 года между Ф. Хойским и Г.В. Чичериним не привела к конкретным результатам. Более того, с каждым днем становилось все более очевидным, что руководство Советской России, начав этот диалог, не преследовало цель наладить дипломатические и экономические отношения с Азербайджаном²⁷⁰. В этом смысле вся эта дипломатическая переписка служила лишь прикрытием для готовящейся интервенции большевиков против Азербайджана и попыткой усыпить бдительность руководства республики.

Об истинных намерениях большевиков в отношении Азербайджана свидетельствует телеграмма В.И. Ленина от 17 марта

²⁶⁸ *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская Республика. С. 61 (на азерб. яз.).

²⁶⁹ *Гасанов Дж.* Азербайджан в системе международных отношений. С. 317.

²⁷⁰ *Волхонский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 195.

1920 года членам РВС Кавказского фронта И.Т. Смильге и Г.К. Орджоникидзе: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичным и удостовериться в подготовке твердой местной Советской власти»²⁷¹.

С этой целью с каждым днем усиливалась подрывная деятельность большевиков внутри Азербайджана, направляемая и финансируемая со стороны Советской России. Составной частью этой деятельности являлась активизация местных большевистских организаций.

Однако ни создание в феврале 1920 года «самостоятельной» Коммунистической партии Азербайджана, ни огромная финансовая и военная помощь, оказываемая извне, были недостаточны для реализации агрессивных планов большевиков в отношении национального правительства. По крайней мере, весной 1920 года местные большевики не имели абсолютно никаких шансов для прихода к власти в Азербайджане собственными силами. В этом отношении так называемая «самостоятельная» Компартия Азербайджана в лучшем случае была пригодна лишь для прикрытия факта внешней вооруженной интервенции и создания видимости свержения национального правительства со стороны «восставшего» местного населения. Но она не смогла выполнить даже эту миссию, поскольку в этот период количество сторонников большевиков в Баку не превышало 1000 человек²⁷².

По этой причине руководство Советской России, особо не надеясь на местных большевиков, предпочитало действовать одновременно в нескольких направлениях. Так, перед вторжением в Азербайджан оно тесно координировало свои действия с дашнакским правительством Армении, которое за свои «услуги» Кремлю надеялось в качестве «дивиденда» получить часть азербайджанских земель. Именно с благословения большевиков в ночь с 22 на 23 марта 1920 года – в день главного националь-

²⁷¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1978. Т. 51. С. 163–164.

²⁷² Мамедзаде М.Б. Азербайджанское национальное движение. С. 139 (на азерб. яз.).

ного праздника азербайджанцев – Новруз байрамы – армянские сепаратисты напали на Ханкендинский и Аскеранский гарнизоны азербайджанских войск. Это послужило сигналом для начала антиправительственного мятежа на всей территории нагорной части Карабаха, а также в населенных армянами местностях Гянджинского и Казахского уездов²⁷³.

Сепаратисты рассчитывали застать врасплох азербайджанцев, занятых празднованием Новруза. Хотя им удалось, воспользовавшись внезапностью атаки, захватить Аскеран, но нападение на Ханкенди было отражено азербайджанскими частями. Сорвалась также попытка наступления на азербайджанский гарнизон в Шуше²⁷⁴.

В отличие от нынешнего карабахского конфликта, тогдашнему азербайджанскому правительству удалось быстро локализовать и подавить мятеж. Уже 3 апреля 1920 года азербайджанские войска полностью восстановили контроль над Аскераном, потеря которого означала прекращение связи нагорной части Карабаха с Баку. В этой связи следует напомнить, что в ходе азербайджано-армянского военного конфликта в конце 80-х – начале 90-х годов XX века азербайджанским войскам, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось овладеть Аскераном.

Несмотря на эти успехи, для подавления дашнакского мятежа в Карабахе азербайджанскому правительству пришлось перебросить практически все боеспособные части национальной армии в этот регион. В результате непосредственно перед большевистской интервенцией северные границы Азербайджана оказались практически беззащитными.

Одновременно дашнакский мятеж в Карабахе оказал весьма негативное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Азербайджане, предоставив оппозиционным силам, в частности социалистам и членам «Иттихада», дополнительный повод для усиления давления на правительство. Демагогически обвиняя правительство и фракцию «Мусават» в неспособности защитить тер-

²⁷³ *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская Республика. С. 64–65 (на азерб. яз.).

²⁷⁴ ГА АР, ф. 2894, оп. 2, д. 5, л. 1.

риториальную целостность Азербайджана, они все более открыто и нагло требовали обращения за военной помощью к России для наведения порядка и установления спокойствия в стране.

В этом контексте весьма характерна речь одного из лидеров азербайджанских большевиков, члена социалистической фракции А. Караева. Выступая 1 апреля 1920 года в ходе дебатов в парламенте по карабахским событиям, он заявил буквально следующее: «Единственными защитниками независимости Азербайджана являются азербайджанские коммунисты... Красная армия стоит у ст. Ялама, и, по нашему мнению, нужно сейчас же вызвать ее на помощь сюда и предложить вам сдать власть большевикам, поскольку это единственная власть, которая способна разрешить национальный вопрос, и Красная армия – единственная армия, способная положить конец межнациональной резне и предотвратить в дальнейшем всякие попытки ее вызвать»²⁷⁵.

Отвечая на провокационное выступление А. Караева, М.Э. Расулзаде резонно заметил: «Я здесь слышал речь не члена азербайджанского парламента, а уполномоченного России, агента России... Во имя борьбы с карабахскими мятежниками нам предлагают сдаться на милость большевикам. При этом сознательно замалчивают тот факт, что именно они возглавляют мятеж в Карабахе». Далее, обращаясь с парламентской трибуны к А. Караеву, М.Э. Расулзаде заявил: «Если вы предоставите мне доказательства, что, придя к власти, сформируете национальное правительство, а не создадите тут под видом Азербайджанского правительства отделение Советской России, то я готов вести с вами переговоры. На самом деле вы не поборник независимости, а заговорщик, пытающийся ее уничтожить»²⁷⁶.

Характерно, что речь А. Караева была встречена аплодисментами турецкими представителями, сидевшими в ложе для почетных гостей парламента. И как показали последующие события, столь благожелательное отношение турецких представи-

²⁷⁵ Караев А.Г. Из недавнего прошлого: Материалы к истории Азербайджанской Коммунистической партии (б). Баку, 1926. С. 121.

²⁷⁶ «Азербайджан». 1920. 5 апреля.

телей к идее приглашения частей Красной армии в Азербайджан не было случайностью.

Подобное поведение турецких представителей в Азербайджане было следствием достигнутых договоренностей между кемалистской Турцией и большевистской Россией, которые стали одним из ключевых факторов, приведших к падению АДР.

Безусловно, союз между кемалистской Турцией и большевистской Россией по всем параметрам был «браком по расчету». Мустафу Кемалю в объятия большевиков подтолкнула критическая ситуация, сложившаяся в стране весной 1920 года. В этот период Турция фактически оказалась лицом к лицу с мощной коалицией европейских государств. А большевики умело воспользовались безвыходным положением Турции, руководство которой ради спасения страны от оккупации европейских государств вынуждено было пойти на сговор с Советской Россией.

Как по этому поводу отмечает турецкий историк О. Коджаман, «наступление британских войск на Стамбул 16 марта 1920 года оказало решающее влияние на характер советско-турецких отношений, склонив таких видных турецких лидеров, как Кязим Карабекир и Февзи Чакмак, к идее наладить связи с большевиками для получения от них военной помощи»²⁷⁷.

Их позиция была поддержана и лидером турецких «Национальных сил» (Kuva-i Milliye) М. Кемалем. В результате достигнутой сторонами договоренности Россия согласилась поставлять кемалистской армии оружие и боеприпасы, а также оказать финансовую помощь Турции. Взамен турецкая сторона отказывалась от всяких притязаний на Закавказье, признавая этот регион сферой влияния Советской России. Суть этой турецко-российской договоренности раскрывает письмо Мустафы Кемалю В.И. Ленину от 26 апреля 1920 года. В нем, в частности, отмечалось: «Если советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством

²⁷⁷ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. М., 2004. С. 50.

своего влияния, заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую Республику войти в круг советского государства»²⁷⁸.

После принципиального одобрения турецким руководством в конце марта 1920 года подобной договоренности с Советской Россией Исполнительный комитет «Национальных сил» Турции направил специальную инструкцию находившимся в тот момент в Баку турецким представителям во главе с Халил-пашой, приказав им действовать совместно с Кавказским краевым комитетом РПК(б) в направлении отстранения партии «Мусават» от власти в Азербайджане²⁷⁹.

Турецкие представители, как и большевики, прекрасно осознавали, что «Мусават» является наиболее последовательным защитником азербайджанской независимости, и в этом вопросе руководство партии вряд ли пойдет на какие-либо уступки. Поэтому они не без основания считали «Мусават» главным препятствием на пути реализации своих договоренностей. В этой связи не случайно, что основное острие удара турок и большевиков было направлено именно против «Мусавата».

Если у правительства Азербайджана имелось еще немало возможностей, чтобы противостоять карабахским сепаратистам и местным большевикам, то фактический переход руководства «Национальных сил» Турции на сторону Советской России кардинально изменил ситуацию.

Ведь большевики по объективным причинам не пользовались особым авторитетом среди азербайджанского населения, и по этой причине их пропаганда не представляла реальной угрозы для национального правительства. Между тем, как справедливо отмечает О. Коджаман, «сближение с турками дало большевикам

²⁷⁸ История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 92.

²⁷⁹ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 198.

дополнительный шанс на успех в их кавказской кампании, так как теперь они могли перетянуть на свою сторону значительную часть мусульманского населения Кавказа»²⁸⁰. Таким образом, складывающаяся в регионе весной 1920 года геополитическая ситуация не оставляла азербайджанским лидерам ни единого шанса для спасения независимости Азербайджана.

Между тем турецкие представители в Баку открыто обвиняли лидеров «Мусавата» и руководимое ими правительство в служении британским интересам и в безучастном отношении к судьбе братской Турции²⁸¹. Они пытались убедить азербайджанское население в том, что национальное правительство во главе с партией «Мусават» преграждает путь большевистским войскам, направляющимся якобы «для оказания помощи революционной Анатолии». Дезориентируя азербайджанские массы и сея в их сердца семена недоверия в отношении национального правительства, турки своей пропагандой способствовали созданию «чрезвычайно благоприятной почвы для советского переворота в Баку»²⁸².

В этой связи не случайно, что М.Э. Расулзаде выразил свой протест Халил-паше, проявлявшему особое рвение в агитационной работе среди населения против «Мусавата» и его принципиальной политики по защите национальной независимости. Обращаясь к нему, М.Э. Расулзаде говорил: «Не делайте этого. Оставьте нас в покое. Мы лучше вас знаем русских, под властью которых находились более ста лет»²⁸³.

Однако никакие уговоры и аргументы азербайджанских лидеров не действовали на турецких представителей, взявших курс на сотрудничество с большевиками с целью уничтожения азербайджанской независимости. В этой связи трудно не согласиться с мнением М.Э. Расулзаде о том, что своей агитацией турки со-

²⁸⁰ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 48.

²⁸¹ Karabekir K. İstiklal Harbimiz. İstanbul, 1960. S. 612.

²⁸² ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 98, л. 20.

²⁸³ Мамедзаде М.Б. Азербайджанское национальное движение. С. 137 (на азерб. яз.).

действовали большевистскому заговору против независимости Азербайджана и оккупации страны Советской Россией²⁸⁴.

Не ограничиваясь агитацией среди населения, турки открыто подталкивали парламентскую оппозицию Азербайджана на открытое противостояние с правительством и партией «Мусават». Халил-паша и его соратники пытались убедить оппозиционные партии в том, что лишь совместными усилиями они могут свергнуть правительство «Мусавата».

Именно под влиянием турок партии «Иттихад» и «Эхрар» отказались поддержать правительство Н. Усуббекова. В данном вопросе с ними полностью солидаризовались и социалисты, к тому времени уже находившиеся под полным контролем большевиков²⁸⁵. Тем самым они спровоцировали правительственный кризис в стране, полностью парализовав деятельность кабинета Н. Усуббекова. Таким образом, буквально накануне вторжения большевистских войск страна фактически осталась без правительства.

Подобная ситуация, способствуя усилению растерянности и неопределенности среди населения, уменьшала и без того ограниченные возможности Азербайджанской Республики по организации эффективного сопротивления внешней агрессии.

Однако деструктивная деятельность турецких представителей этим не ограничивалась. Следует учесть, что им были доверены ключевые руководящие посты в азербайджанской армии и стратегически важных государственных учреждениях страны. В частности, элитный полицейский полк «Ярдым алайы», на который была возложена задача охраны парламента и других государственных учреждений, состоял исключительно из турок. Впоследствии именно «Ярдым алайы» одним из первых перешел на сторону большевиков.

Кроме того, как выяснилось в результате раскрытия азербайджанскими спецслужбами сети большевистского заговора в

²⁸⁴ Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего времени // «Хазар». 1990. № 1. С. 57.

²⁸⁵ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 224, л. 7.

Баку, целью которого являлось «свержение существующего республиканского строя и введение советской власти»²⁸⁶, у большевиков имелись точные сведения о численности частей азербайджанской армии, местах их дислокации, количестве оружия и боеприпасов. В руки заговорщиков попала даже схема связи Бакинского укрепленного района и всех его фортификационных сооружений²⁸⁷.

И всю эту строго конфиденциальную информацию большевикам передавали в основном турецкие офицеры, служившие в азербайджанской армии. Они же вместе с представителями азербайджанской оппозиции выступали против преследования большевиков, уличенных в подготовке государственного переворота в стране.

Таким образом, накануне апрельского переворота в Азербайджане создалась достаточно причудливая и разношерстная в политическом отношении коалиция, состоящая из большевиков, азербайджанских социалистов, клерикалов из партии «Иттихад» и турецких офицеров. При всем различии их конечных целей и политико-идеологических воззрений на тот момент они были объединены общим стремлением – любыми средствами покончить с существованием независимого Азербайджана.

Тем временем в начале апреля 1920 года части XI Красной армии, разгромив остатки деникинских войск, вышли на северную границу Азербайджанской Республики. В этой связи 15 апреля Ф. Хойский направил ноту в МИД России, в которой, в частности, отмечалось: «...ныне наблюдается концентрация значительных войсковых сил российского правительства в Дербентском районе, у границ Азербайджанской Республики. Азербайджанское правительство, не будучи осведомленным о намерениях Советского правительства, просит срочно уведомить о причинах и целях концентрации войск в указанных районах»²⁸⁸.

²⁸⁶ «Азербайджан». 1920. 30 марта.

²⁸⁷ ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 139, л. 1.

²⁸⁸ ГА АР, ф. 970, оп. 1, д. 204, л. 1.

Однако российское внешнеполитическое ведомство даже не сочло нужным ответить азербайджанскому правительству. Это было обусловлено тем, что подготовка интервенции в Азербайджан вступила в завершающую стадию и большевики уже не нуждались в дипломатическом прикрытии своих истинных целей в отношении Азербайджанской Республики. Уже в ночь с 26 на 27 апреля 1920 года части XI армии перешли азербайджанскую границу и начали продвигаться в сторону Баку.

27 апреля в 12 часов дня азербайджанскому парламенту был предъявлен ультиматум следующего содержания: «Красный флот Социалистической Советской Азербайджанской Республики предлагает Вам немедленно сдать власть Советскому Рабоче-крестьянскому правительству во главе с тов. Н. Наримановым. Красный флот в этом случае гарантирует спокойствие и мир всему населению Баку без различия национальностей. Командующий Красным флотом Советского Азербайджана Ч. Ильдрым»²⁸⁹.

Члены парламента в экстренном порядке собрались для обсуждения создавшегося положения и выработки общей позиции в отношении предъявленного коммунистами ультиматума. На заседании парламента, проходившем под председательством М.Э. Расулзаде, представители «Иттихада», партии «Эхрар» и социалистической фракции единодушно высказались в пользу передачи власти большевикам. Следует отметить, что, пока шло обсуждение ультиматума, орудия Каспийской военной флотилии были направлены на здание парламента. Не менее агрессивно была настроена и состоящая из турок парламента́нская охрана, требовавшая от депутатов немедленного принятия ультиматума.

Тем не менее М.Э. Расулзаде и Ш. Рустамбеков выступили против принятия ультиматума. В своей речи, разоблачая инсинуации о том, что XI армия, не вступая в Баку, отправится на помощь Турции, М.Э. Расулзаде заявил: «Господа! Мы остались перед лицом агрессивного ультиматума. Тут говорят о капитуля-

²⁸⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 85, оп. 27, д. 313, л. 20.

ции. Но, господа, что означает капитуляция? Перед кем мы капитулируем? Нас уверяют в том, что во главе вторгнувшейся в наши пределы армии стоит турецкий офицер под именем Неджати. Утверждают, что прибывшая из России эта оккупационная армия отправится на помощь Турции, борющейся за свою свободу.

Господа! Турция является спасительницей Азербайджана. Мы с удовольствием готовы принять и оказать всякое содействие силе, которая стремится на ее помощь. Но с условием, что эта сила не раздавит нашу свободу и независимость. Тогда как любая сила, без нашего согласия вторгнувшаяся в наши пределы, является не другом, а врагом».

Он предупредил парламентариев, что «если даже командующим армией, вторгшейся в пределы Азербайджана без нашего разрешения, является турок, как в этом нас убеждают, от этого она вовсе не перестает быть русской и оккупационной. Ее целью является восстановление границ в пределах 1914 года. Придя сюда под предлогом оказания помощи Анатолии, эта оккупационная армия никогда не покинет наши пределы»²⁹⁰.

М.Э. Расулзаде предложил создать новое правительство, наделенное чрезвычайными полномочиями, и отвергнуть ультиматум коммунистов. И в конце своей речи он предупредил членов парламента о том, что «принятие этого ультиматума будет означать сдачу собственными руками власти врагу, принявшему обличие друга. Мы пришли сюда по желанию и воле народа, и нас отсюда должны выбивать лишь с помощью штыков и силы»²⁹¹.

Примечательно, что все парламентские фракции требовали проведения обсуждений относительно ультиматума коммунистов в закрытом режиме. Лишь фракция «Мусавата» настояла на открытом обсуждении этого документа. Более того, по инициативе мусаватской фракции на заключительное заседание парламента были допущены все желающие. Именно с их стороны речь М.Э. Расулзаде была встречена громкими аплодисментами.

²⁹⁰ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 145 (на азерб. яз.).

²⁹¹ Там же. С. 146.

Однако большинство членов парламента придерживалось иного мнения и проголосовало за принятие ультиматума большевиков, что положило начало целой цепи трагических событий в истории азербайджанского народа.

К утру 28 апреля Баку был занят XI Красной армией, вслед за которой шли турецкие офицеры во главе с генералом Халилпашой, агитировавшие азербайджанцев не оказывать сопротивления большевикам. Они сыграли значительную роль в успокоении народных масс сразу же после апрельского переворота.

Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, в первые дни после вторжения XI армии в пределы Азербайджана стены бакинских зданий были обклеены различными приказами, декларациями и объявлениями с подписями турецких офицеров, занимавших руководящие посты в городской полиции и гарнизоне. В них утверждалось, что командующим XI армией является турецкий офицер, а в ее составе имеются полки, сплошь состоящие из турецких военных, а также немалую часть этой армии составляют поволжские татары. Население Баку предупреждалось о том, что XI армия торопится на помощь Анатолии и по этой причине любое сопротивление к ее продвижению будет расценено как желание помочь спасению Турции и предательством интересов тюркского единства и ислама²⁹².

Как докладывал Г.К. Орджоникидзе В.И. Ленину сразу после взятия Баку большевистскими частями, «весьма активную роль в пользу революции в Баку сыграли турецкие аскеры и офицеры»²⁹³. В отчете внешнеполитического ведомства РСФСР к VIII съезду Советов отмечалось: «Кемалисты вступили с нами в сношения через Азербайджан, где группа их приверженцев содействовала перевороту и приглашению российских красных войск революционным азербайджанским правительством».

Несмотря на падение АДР, захватившим власть в Азербайджане большевикам не удалось перечеркнуть все достижения пе-

²⁹² *Расулзаде М.Э.* Азербайджанская Республика. С. 67 (на азерб. яз.).

²⁹³ РГАСПИ, ф. 85, оп. 13, д. 13, л. 9.

риода национальной независимости. Большевики, для которых «еще в 1918 году даже упоминание о независимости Азербайджана было равносильно проклятию»²⁹⁴, были вынуждены считаться с реалиями, созданными за 23 месяца независимости азербайджанскими лидерами во главе с М.Э. Расулзаде. И в первую очередь им пришлось смириться с тем фактом, что Азербайджан стал реальностью на политической карте мира. Поэтому большевики вынуждены были отказаться от планов расчленения азербайджанских земель между соседними республиками – Грузией, Арменией и Российской Федерацией и согласиться на сохранение, хотя и в номинальной форме, национальной государственности азербайджанцев в составе советской империи. Именно это обстоятельство позволило спустя 70 лет, в начале 90-х годов XX века, вновь восстановить независимую Азербайджанскую Республику.

Историческая заслуга лидеров АДР также заключается в том, что они предприняли первую на всем мусульманском Востоке попытку реализации европейской модели национальной государственности. Как известно, европейские народы прошли эту стадию исторического развития еще в XIX веке, а на Востоке миссия стать первопроходцами этого процесса выпала на долю азербайджанских лидеров.

В этом отношении основатели АДР во главе с М.Э. Расулзаде на несколько лет опередили создателя современной Турции Ататюрка. Ведь идеи национальной государственности, которыми руководствовался Ататюрк при создании нынешней Турецкой Республики в середине 20-х годов XX века, были сформулированы и реализованы М.Э. Расулзаде и его соратниками в Азербайджане еще в 1918–1920 годах. Причем в отличие от Ататюрка, опиравшегося исключительно на авторитарные методы при строительстве турецкого национального государства, азербайджанские лидеры придерживались демократических принципов. В этом контексте М.Э. Расулзаде и его соратников в какой-то степени можно считать учителями самого Ататюрка.

²⁹⁴ *Swietochowski T.* Müslüman Cemaatten Ulusal Kimliği. Rus Azerbaycanı. 1905–1920. Ankara, 1988. S. 258.

ГЛАВА III

БОРЬБА ЗА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ИДЕАЛ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ (1920–1955)

*Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба,
Мне плевать на твою справедливость, творец.*
Омар Хайям

§ 1. Деятельность М.Э. Расулзаде после падения АДР. Турецкий период эмиграции

С падением АДР азербайджанский народ вступил в один из самых трагических периодов своей истории. Сразу же после захвата страны XI армией, предав забвению свои недавние обещания относительно соблюдения основных гражданских прав и свобод, в том числе в политической сфере, большевики начали преследования и репрессии видных деятелей АДР. В Азербайджане был установлен режим массового террора. Причем жертвами заработавшей на полную мощь машины репрессий зачастую становились рядовые граждане, а не только лица, занимавшие высокие государственные должности в период АДР. Карательные органы, осуществлявшие эти репрессии, обладали чрезвычайными полномочиями и напрямую были подчинены Кремлю. Они фактически были бесконтрольны в своих действиях, в результате чего насилия над личностью и имуществом мирных граждан приняли огромные масштабы. Очевидец тех событий так описывает ситуацию сразу же после свержения в апреле 1920 года национального правительства: «Я не в силах переписать всех отдельных случаев бессмысленных и бесцельных жестокостей пьяных матросов, красноармейцев и чекистов; грабежи,

оскорбления, надругательства над основными правами человека; изнасилования женщин и тому подобные бесчисленные факты преступлений разнузданных и озверелых хамов; тщательно скрываемые ужасы застенков и Чека. В эти кошмарные дни человек чувствовал себя лишенным элементарнейших гарантий свободы, права, справедливости...»¹. Ежедневные обыски, ничем не оправданные и самочинные реквизиции, повальные облавы по всему городу, аресты и расстрелы людей без суда и следствия стали обыденным явлением жизни населения Азербайджана.

Фактически вся большевистская власть в Азербайджане держалась на штыках XI армии. Азербайджанские коммунисты, сыгравшие роль «пятой колонны» при оккупации страны XI армией, не имели никакого влияния на принимаемые этими карательными органами решения. Несмотря на то что формально страной руководил Революционный комитет Азербайджана во главе с Н. Наримановым, в реальной действительности эта структура была лишь марионеткой в руках кремлевских эмиссаров – Г.К. Орджоникидзе, А. Микояна, М. Левандовского, В. Панкратова и др. Назначенное на руководящие посты ограниченное количество азербайджанских коммунистов – А. Караев, М.Д. Гусейнов, Г. Мусабеков, Д. Буниатзаде и другие – готовы были выполнять любые приказы кремлевских эмиссаров. В этой связи М.Э. Расулзаде верно заметил, что «нариманы и алигейдары подписывались под приказами микоянов, чораевых, соловьевых»². Неудивительно, что эти «азербайджанские коммунисты» не пользовались особым авторитетом среди населения.

Определенной популярностью из руководителей-азербайджанцев среди народных масс обладал лишь Н. Нариманов, который, как подчеркивал один из его современников, отличался «мягкостью характера, и эта его черта, граничащая с бесхарактерностью и трусостью, составляла и самый крупный его минус»³.

¹ Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // «Хазар». 1990. № 3. С. 81.

² Расулзаде М.Э. Сиявуш нашего времени // «Хазар». 1990. № 1. С. 61.

³ Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // «Хазар». 1990. № 3. С. 80.

Очевидно, что в условиях жестокой диктатуры и массовых репрессий не могло быть и речи о существовании каких-либо политических свобод. Вскоре после падения АДР захватившие власть в стране коммунисты потребовали от всех политических партий Азербайджана признания новой власти и «добровольного» приостановления своей деятельности. И большинство азербайджанских партий поторопилось выполнить данное требование большевиков. Так, после апрельского переворота партия «Иттихад» выступила с заявлением, в котором подчеркивалось, что «в ходе революции 27 апреля цели партии были достигнуты». Поэтому руководство партии рекомендовало своим членам вступить в ряды АКП(б). Аналогичным образом поступили и представители меньшевистского «Гуммета» и социалистического блока, которые, впрочем, в последние месяцы своей деятельности ничем не отличались от большевиков, кроме своего названия⁴.

Лишь «Мусават», несмотря на все усилия коммунистов, отказался признать новую власть. Большевистские власти с помощью двух лиц, ранее исключенных из партии «Мусават», организовали 29 апреля 1920 года в Баку так называемую «конференцию» мусаватистов. Единственным пунктом повестки дня «конференции» был вопрос о признании большевистской платформы и принятии решения о самороспуске партии. Однако участники конференции, среди которых преобладали представители молодежи, составившие впоследствии основной костяк подпольной организации «Мусават» внутри страны, отвергли это предложение. Они решили, что «лишь при соблюдении обязательств, данных и подписанных большевиками», «Мусават» будет лояльно относиться к новой власти⁵. Один из руководителей АКП(б) М.Д. Гусейнов, комментируя это решение, назвал его «самоубийственным» для «Мусавата»⁶.

Коммунисты также не выполнили свое обещание относительно сохранения среднего и младшего кадрового состава госу-

⁴ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 147–148 (на азерб. яз.).

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

дарственных учреждений. Ведь первоначально ими было обещано, что будут заменены лишь лица, занимавшие ответственные посты. Однако вскоре большевистские власти под прикрытием ротации кадров в правительственных учреждениях начали в массовом порядке увольнять служащих-азербайджанцев, повсеместно заменяя их представителями некоренных национальностей. Национальный состав служащих правительственных учреждений «приводил в ужас беспристрастных наблюдателей, поскольку они были заполнены исключительно русскими, армянами и евреями»⁷.

Начались гонения на азербайджанский язык, который целенаправленно вытеснялся из правительственных учреждений. В своей работе «К истории нашей революции в окраинах», посвященной анализу особенностей большевистской политики в регионе, Н. Нариманов с горечью признавал, что в собственной столице «азербайджанские турки поневоле должны обращаться устно и письменно к служащим Баксовета на русском языке, так как русские, евреи и армяне не говорят на тюркском языке...». Далее он утверждал, что азербайджанские турки «не испытывали такого притеснения даже во времена существования городской Думы»⁸.

В результате подобной политики Азербайджан стал «игрушкой» в руках кремлевских эмиссаров⁹, что вызывало естественное недовольство и протесты населения. Неудивительно, что ситуация внутри страны с каждым днем все больше накалялась. Осознавая серьезность положения, новые власти начали предпринимать экстренные меры для разоружения и расформирования частей азербайджанской армии, которые не вызывали особого доверия у большевиков. Они не без основания полагали, что в случае возникновения массовых выступлений против большевистских властей национальная армия выступит в поддержку народных масс.

Но именно попытки разоружения частей азербайджанской армии и замены командного состава русскими и армянскими офицерами стали катализатором целой серии антибольшевист-

⁷ ГА АР, ф. 609, оп. 1, д. 45, л. 4.

⁸ Нариманов Н. К истории нашей революции в окраинах. Баку, 1990. С. 92.

⁹ Там же.

ских восстаний весной–осенью 1920 года в Гяндже, Карабахе, Загатале, Шеки, Лянкяране, Шемахе и других регионах Азербайджана. Эти восстания были активно поддержаны мирным населением, которое из-за неоправданной жестокости новых властей оказалось в безвыходном положении.

Этими антибольшевистскими выступлениями руководили ушедшие в подполье национальные силы Азербайджана во главе с партией «Мусават». Так, уже вечером 27 апреля 1920 года собравшиеся на квартире М.Э. Расулзаде мусаватисты учредили по его совету подпольный центр партии. Руководителем этого центра стал М.Б. Мамедзаде, а его генеральным секретарем – известный азербайджанский драматург Дж. Джаббарлы¹⁰.

Безусловно, пользуясь явным превосходством своих вооруженных сил, большевики с невиданной жестокостью расправлялись с этими выступлениями. Достаточно отметить, что только при подавлении гянджинского восстания красноармейцы истребили в этом городе примерно 13 тыс. мирных азербайджанцев, значительную часть которых составляли женщины, дети и старики¹¹. Однако, несмотря на все эти зверства и массовые репрессии, большевикам в течение длительного времени не удавалось стабилизировать ситуацию в Азербайджане.

Подтверждением шаткости положения большевистской власти в Азербайджане в тот период является специальный приказ командования XI армии от 26 мая 1920 года, который предписывал красноармейцам отойти в сторону Баку в случае, если восстания в регионах Азербайджана примут массовый характер. Как подчеркивалось в документе, при любых обстоятельствах «Баку не будет оставлен и станет началом новой борьбы за освобождение территории Азербайджана от мусаватистов»¹².

¹⁰ *Yurtsever A.V. Gizli Musavat Teşkilatının Karakterik Vezifeleri // «Musavat Bülteni». 1962. № 4. S. 15.*

¹¹ *Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // «Хазар». 1990. № 3. С. 81.*

¹² Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 195, оп. 4, д. 184, л. 4.

Отсутствие авторитета большевики пытались компенсировать запугиванием населения с помощью карательных акций, жертвами которых в основном становились мирные азербайджанцы. В силу этого неудивительно, что для обезглавливания народного движения против большевистской оккупации коммунисты еще больше усилили репрессии в стране. В этом им активно помогали и местные коммунисты. Так, после апреля 1920 года Н. Нариманов призывал «объявить вне закона и совершенно уничтожить мусаватистов», так как, по его мнению, «право жить имеет только трудящийся»¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что своим главным острием эти репрессии были направлены в первую очередь против представителей политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, а также национальных военных кадров. Нетрудно догадаться, что подобными действиями большевики стремились обезглавить национальное движение и лишить азербайджанцев политических и военных руководителей. Это, в свою очередь, значительно облегчило бы задачу укрепления большевистской власти в Азербайджане.

Не случайно, что жертвами большевистского террора зачастую становились даже находившиеся в Баку азербайджанские офицеры, не имевшие никакого отношения к антибольшевистским восстаниям. За первый год хозяйничанья в Азербайджане большевики уничтожили 12 генералов и 27 полковников и подполковников национальной армии. В частности, были расстреляны генералы – Мамед бек Сулькевич, Габиб бек Салимов, Мурад Гирей Тлехас, Гамид бек Гайтабаши, Рустам бек Шихлинский и др., занимавшие высшие командные посты в национальной армии. В общей же сложности в период с апреля 1920 года по август 1921 года жертвами большевистского террора в Азербайджане стали 48 тыс. чел. – в основном представители азербайджанской интеллигенции¹⁴.

¹³ Нариманов Н. Избранные произведения. Баку, 1989. Т. 2. С. 183.

¹⁴ Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана // «Хазар». 1990. № 3. С. 87.

Из Азербайджана началась массовая эмиграция людей, не согласных с новыми политическими реалиями на исторической родине. Однако развязанный большевиками красный террор не ограничивался только пределами Азербайджана. При этом для расправы с видными деятелями АДР за рубежом большевиками была активно задействована террористическая структура партии «Дашнакцутюн». Так, летом 1920 года дашнакскими агентами были убиты находившиеся в эмиграции в Тифлисе первый премьер-министр и министр иностранных дел АДР Ф. Хойский и вице-спикер азербайджанского парламента Г. Агаев¹⁵.

После большевистского переворота М.Э. Расулзаде также вынужден был перейти на нелегальное положение. Однако, учитывая опасность дальнейшего нахождения в Баку из-за усиливающихся с каждым днем репрессий, он принимает решение перебраться в Грузию по горным дорогам. По пути он некоторое время скрывается в Лагиче, где пишет одно из наиболее оригинальных своих произведений – «Сиявуш нашего времени», посвященное истории национального движения в Азербайджане. Это было первое среди целой серии произведений М.Э. Расулзаде, в которых обобщался опыт освободительной борьбы в Азербайджане в начале XX века.

Однако в результате предательства большевикам удается установить местонахождение М.Э. Расулзаде в Лагиче. Предупрежденный об этом М.Э. Расулзаде пытается уйти от преследования и покидает Лагич. Но большевикам все же удается арестовать его 17 августа 1920 года в селе Гарамарьям Геокчайского уезда. М.Э. Расулзаде был препровожден в Баку и помещен в изолятор Особого отдела ЧК, который возглавлял В. Панкратов, получивший прозвище «палача азербайджанского народа». Если учесть, что в тот период одна лишь принадлежность к партии «Мусават» была достаточным основанием для вынесения в отношении него смертной казни, то судьба М.Э. Расулзаде фактически была предрешена. К тому же на казни М.Э. Расулзаде особенно настаивали именно местные коммунисты.

¹⁵ «Ереван». 2007. №10. С. 142.

И лишь вмешательство И.В. Сталина спасло М.Э. Расулзаде от неминуемой гибели. О грозящей М.Э. Расулзаде опасности друзья каким-то образом сумели известить И.В. Сталина, который с 1 ноября 1920 года находился с инспекционной поездкой в Баку. Дело в том, что согласно немецким архивным материалам М.Э. Расулзаде был другом молодости И.В. Сталина и, будучи одним из руководителей социал-демократической организации «Гуммет», участвовал вместе с ним в революционном движении в Закавказье. На этой почве у них сложились почти дружеские отношения.

В тот период И.В. Сталин часто гостил в отцовском доме Мамед Эмина в селе Новханы. Более того, по свидетельству очевидцев, Мамед Эмин несколько раз спасал И.В. Сталина от неминуемой гибели. В частности, И.В. Сталин неоднократно скрывался от царской охраны в сельской мечети Новханы, ахундом которой являлся отец М.Э. Расулзаде. А в тот период это было сопряжено с огромным риском для Мамед Эмина, о чем, несомненно, догадывался и И.В. Сталин. Кроме того, когда в марте 1908 года Сталин был арестован и посажен в знаменитую Баиловскую тюрьму в Баку, М.Э. Расулзаде принимал непосредственное участие в организации его побега в сентябре того же года.

Видимо, И.В. Сталин не забыл об этих благородных поступках Мамед Эмина и решил вернуть свой долг другу молодости. Так это или не так, сейчас сказать трудно. Но это не столь уж и важно. Главное, что он не позволил репрессировать М.Э. Расулзаде, предложив ему поехать в Москву. При этом он ясно дал понять М.Э. Расулзаде, что, оставаясь в Баку, он постоянно будет подвергать свою жизнь опасности, поскольку местные коммунисты все равно не оставят его в покое и под каким-либо предлогом обязательно вновь арестуют его. И М.Э. Расулзаде решил воспользоваться этим предложением.

Можно только догадываться, какими соображениями руководствовался И.В. Сталин, когда содействовал освобождению М.Э. Расулзаде. Однако вызывает большие сомнения то, что им двигало исключительно только чувство долга перед своим

старым другом, попавшим в беду. Хотя даже таким одиозным личностям, как И.В. Сталин, не чужды привычные для простых смертных человеческие слабости и эмоции.

Тем не менее все же думается, что, спасая М.Э. Расулзаде от рук палачей Особого отдела, И.В. Сталин преследовал прежде всего свои меркантильные политические цели. Не исключено, что И.В. Сталин решил попытаться использовать авторитет и популярность М.Э. Расулзаде в азербайджанском обществе для укрепления позиций советской власти в регионе и склонить его к сотрудничеству в той или иной форме с большевиками.

В данный момент это выглядит невероятным и фантастическим, но с точки зрения реалий того периода это было вполне обычным и реализуемым сценарием. В начале 20-х годов XX века подобные политические союзы, продиктованные сугубо прагматичными соображениями, между людьми диаметрально противоположных идеологических взглядов были не такой уж и редкостью. Ведь в тот период с большевиками тесно сотрудничал даже один из лидеров младотурецкой партии «Иттихат ве теракки», бывший военный министр Османской империи Энвер-паша. Обосновавшись в Москве, Энвер-паша при покровительстве большевиков создал «Общество исламской революции», поставившее перед собой задачу освобождения всех тюркских и мусульманских народов Востока от колониального ига европейских держав¹⁶.

При личной встрече с М.Э. Расулзаде в Москве Энвер-паша предлагал лидеру «Мусавата» отказаться от борьбы с большевиками и войти в состав данного общества. Он мотивировал свою позицию тем, что «Мусават» бессилен в борьбе с Красной армией и любые антибольшевистские выступления в Азербайджане будут потоплены в крови. Высоко оценивая саму идею национального освобождения мусульманских народов, М.Э. Расулзаде одновременно открыто высказал свои сомнения относительно

¹⁶ *Расулзаде М.Э.* Воспоминания о беседах со Сталиным. С. 68 (на азерб. яз.).

возможности достижения этой цели методами, предлагаемыми Энвер-пашой.

М.Э. Расулзаде считал, что, будучи центром мирового коммунистического интернационала, Москва не может одновременно быть и центром национального освобождения восточных народов. Как подчеркнул М.Э. Расулзаде, «любое мусульманское движение, центр которого будет находиться в красной Москве, станет лишь инструментом в руках коммунистов»¹⁷. И он вежливо, но твердо отклонил предложение Энвер-паши о сотрудничестве. Впрочем, ошибочность своих взглядов вскоре осознал и сам Энвер-паша. Разорвав всякие отношения с большевиками, он отправился в Центральную Азию, где встал во главе басмаческого движения и там же погиб в августе 1922 года в бою с красноармейцами.

Факт кратковременного сотрудничества Энвер-паши с большевиками важен для нас лишь в контексте демонстрации реалий начала 20-х годов прошлого столетия, когда были возможны даже самые невероятные политические альянсы. В этом отношении И.В. Сталин имел основание возлагать определенные надежды на возвращение М.Э. Расулзаде на «путь истины», тем более учитывая его революционное прошлое.

С другой стороны, не следует игнорировать, мягко говоря, негативное отношение И.В. Сталина к тогдашнему номинальному руководителю Азербайджана – Н. Нариманову. Даже из короткой беседы И.В. Сталина с М.Э. Расулзаде, состоявшейся в застенках Особого отдела, видна плохо скрываемая неприязнь и даже брезгливость будущего «отца народов» к Н. Нариманову. Поэтому, предлагая сотрудничество М.Э. Расулзаде, И.В. Сталин, возможно, надеялся при определенном стечении обстоятельств заменить Н. Нариманова другом своей молодости. По крайней мере, по свидетельству известного татарского большевика М. Султан-Галиева, подобная перспектива была

¹⁷ *Расулзаде М.Э.* Воспоминания о беседах со Сталиным. С. 70. (на азерб. яз.).

предметом обсуждений в кремлевских кабинетах в начале 20-х годов XX века¹⁸.

Привлекательность фигуры М.Э. Расулзаде для И.В. Сталина также возрастала в свете перспективы объединения двух частей – Северного и Южного Азербайджана. Дело в том, что в тот момент на уровне высшего кремлевского руководства всерьез обсуждались планы советизации вслед за Северным Азербайджаном и Южного Азербайджана¹⁹. Тем более что необходимая для реализации этой задачи военная сила – большевистские части – в то время находилась на территории Ирана в районе порта Энзели. Учитывая высокий авторитет М.Э. Расулзаде среди революционеров Южного Азербайджана и Ирана в целом, трудно было найти более подходящую кандидатуру на должность руководителя объединенного Азербайджана. Достаточно отметить, что после ареста М.Э. Расулзаде большевиками летом 1920 года находившийся в Баку один из известных иранских революционеров Гейдар хан Амиоглу лично обратился к Н. Нариманову с просьбой о его освобождении. При этом Гейдар хан, имевший дружеские отношения с М.Э. Расулзаде, предупредил Н. Нариманова: «Ни один волос не должен упасть с головы Мамед Эмина»²⁰. Да и сам факт отправки М.Э. Расулзаде в Москву в личном вагоне И.В. Сталина свидетельствует о многом.

Все это дает основание предположить, что решающее значение для И.В. Сталина имела не их прошлая личная дружба, а желание воспользоваться услугами М.Э. Расулзаде в своих политических интересах. Поэтому неудивительно, что в течение примерно полутора лет нахождения М.Э. Расулзаде в Москве И.В. Сталин неоднократно пытался склонить его к сотрудничеству в той или иной форме с советской властью, предлагая ему различные должности.

В частности, М.Э. Расулзаде было предложено возглавить Общество по изучению стран Востока, которое планировалось

¹⁸ *Расулзаде М.Э.* Воспоминания о беседах со Сталиным. С. 66 (на азерб. яз.).

¹⁹ Там же. С. 64.

²⁰ Там же. С. 22.

создать при Наркомнаце РСФСР, а также должность профессора в Коммунистическом университете трудящихся стран Востока. Но по идейно-политическим соображениям М.Э. Расулзаде каждый раз отказывался от этих предложений²¹. Даже личное вмешательство И.В. Сталина и его попытки уговорить М.Э. Расулзаде принять эти предложения не дали желаемого результата. За период нахождения в Москве в 1920–1922 годах он ограничился лишь работой преподавателя персидского и русского языков в Институте восточных языков (бывший Лазаревский институт), а также занимался научными исследованиями, публикуя их результаты на страницах журнала «Жизнь национальностей».

Таким образом, И.В. Сталину так и не удалось «завербовать» М.Э. Расулзаде. И.В. Сталин не учел того, что М.Э. Расулзаде был уже не тем романтичным и даже несколько наивным молодым человеком, которого он хорошо знал по совместной работе в революционном движении начала XX века. Реальность состояла в том, что вместо тогдашнего неопытного активиста «Гуммета», находящегося в постоянном поиске своей «путеводной звезды» в политике, перед И.В. Сталиным стоял уже полностью сформировавшийся политик, убежденный в правоте своих идей и готовый идти на любые жертвы ради их реализации. И заставить столь своенравную и неординарную личность отказаться от своих убеждений было не под силу даже И.В. Сталину.

Поэтому, пытаясь окончательно избавиться от этих назойливых предложений, М.Э. Расулзаде решил уехать из России. Летом 1922 года под предлогом работы в библиотеках, а также консультаций с такими известными учеными, как Н. Марр и В. Бартольд, М.Э. Расулзаде отправляется в научную командировку в Петроград. И с помощью своих друзей ему удается переправиться на лодке через Финский залив в Финляндию. Перебравшись затем во Францию, М.Э. Расулзаде принимает решение обосноваться в Турции и в конце 1922 года прибывает в Стамбул.

²¹ *Расулзаде М.Э.* Воспоминания о беседах со Сталиным. С. 56–57 (на азерб. яз.).

В январе 1923 года, находясь уже в Стамбуле, М.Э. Расулзаде пишет открытое письмо И.В. Сталину, в котором благодарит последнего за свое освобождение. Он, в частности, пишет: «Мои друзья очень удивились, узнав, что меня выпустили из тюрьмы Особого отдела. И я их понимаю: ведь многих рабочих расстреливали только за то, что они были рядовыми членами мусаватской партии. Я же был ее лидером. Но это чудо оказалось возможным благодаря Вам, именно Вы вспомнили о нашей прежней дружбе и вытащили меня из бакинской тюрьмы»²².

Но, даже выражая свою признательность И.В. Сталину за свое спасение, М.Э. Расулзаде остается верным своим принципам и не упускает возможности критиковать политику большевиков, обвиняя их в том, что «...пришедшая к власти коммунистическая партия, полностью отступив от своих прежних идеологических установок, решила вновь возродить Российскую империю»²³.

М.Э. Расулзаде отмечает, что «это произошло вследствие имперских амбиций правящей верхушки и ведет к вполне определенным результатам. Замена великодержавного шовинизма рабочим космополитизмом ничего, по сути, не меняет и в конечном итоге тоже приводит к уничтожению малых наций. Кроме того, вы подавляете силой своего оружия национальные движения на Кавказе и в Туркестане и говорите, что делаете это в интересах местного пролетариата. Но ведь пролетариат возник здесь вследствие царской политики русификации и составляет ничтожное меньшинство. И ради интересов этого меньшинства вы без тени смущения растоптали законное право абсолютного большинства местного населения на самоопределение и независимость»²⁴.

Для М.Э. Расулзаде было совершенно очевидным, что «провозглашенная в Азербайджане и Туркестане диктатура пролетариата есть, в сущности, та же диктатура Москвы, и ничего больше. Когда столицей империи был Петроград, все было точно так же. И говорить всерьез об автономии, которую якобы по-

²² «Yeni Kafkasiya». 1924. 23 Ocak.

²³ A.g.e.

²⁴ A.g.e.

лучили бывшие независимые республики, просто невозможно. Азербайджанские ханства при первых царских наместниках на Кавказе были более самостоятельны, чем нынешние кавказские республики при секретарях Заккрайкома»²⁵.

И в заключение своего письма М.Э. Расулзаде выражал уверенность в том, что «восточные народы, в частности тюркские, все равно, несмотря ни на что, обретут в конце концов свою независимость». Обращаясь к Сталину, он пишет: «Все равно вы не добьетесь того, чего хотите. Народы Востока будут жить так, как захотят сами, а не по коммунистическим нормам и принципам. Они будут бороться со всеми, кто будет им мешать... у моего Азербайджана есть такое же право бороться против вашей оккупации, какое имела героическая Турция в борьбе против Антанты. Хотя я и не изменил своим политическим идеалам и продолжаю свою борьбу, хочу Вас заверить, что никогда не забуду того, что Вы для меня сделали»²⁶.

Нетрудно догадаться, что И.В. Сталин не мог простить и, тем более, забыть такого поступка М.Э. Расулзаде. И жестокой мстью «отца народов» за верность М.Э. Расулзаде своим политическим идеалам станет практически полное уничтожение его оставшейся в Азербайджане семьи в ходе репрессий конца 30-х годов XX столетия.

Как известно, Мамед Эмин имел четырех детей от брака с Уммуль-бану – двух дочерей (Лятифа и Халида) и двух сыновей (Расул и Азер). В момент последней встречи Мамед Эмина со своими родными в ноябре 1920 года, перед отбытием со Сталиным в Москву, самому старшему ребенку семьи – дочери Лятифе было всего 8 лет, а младший Азер был двухмесячным грудным младенцем. В дальнейшем Мамед Эмину так и не суждено было увидеть своих родных.

Репрессии в отношении семьи М.Э. Расулзаде начались летом 1937 года с ареста его старшего сына – Расула. После меся-

²⁵ «Yeni Kafkasiya». 1924. 23 Ocak.

²⁶ A.g.e.

цев истязаний и пыток в казематах НКВД Расул был приговорен пресловутой «тройкой» к расстрелу, который был приведен в исполнение 1 марта 1938 года. К тому моменту Расулу исполнилось всего 19 лет.

Вслед за Расулом в том же 1937 году были арестованы и остальные члены семьи М.Э. Расулзаде – его супруга Уммульбану, дочь Халида, сын Азер и даже 70-летняя мачеха – Марал ханум. Как известно, Мамед Эмин очень рано потерял свою родную мать – Зинят ханум, после чего его отец женился на Марал ханум. Маленького Мамед Эмина и его сестру Шахрабану фактически воспитала и поставила на ногу Марал ханум, в полном смысле слова заменив им родную мать. Поэтому Мамед Эмин относился к ней как к родной матери.

По свидетельству очевидцев, во время ареста Марал ханум, имея в виду И.В. Сталина, в сердцах бросила сотрудникам НКВД: «Сообщите этому усатому, что арестовали тетушку Марал. Арестовали ту женщину, которая столько раз его поила и кормила, давала ему приют в своем доме»²⁷. Эта был крик отчаяния старой женщины, так и не услышанный сотрудниками НКВД.

После долгих месяцев содержания в невыносимых условиях в различных тюрьмах Азербайджана всю семью М.Э. Расулзаде выслали в Казахстан, где скоро от голода и холода скончалась Марал ханум. В 1940 году, не выдержав трудных испытаний и в особенности потери своего старшего сына Расула, умерла супруга Мамед Эмина – Уммульбану ханум. Похоронив родную мать в казахстанских степях, младшая дочь Мамед Эмина – Халида решила тайно вернуться в Баку. Хотя это ей и удалось, но вскоре после прибытия в Баку она пропала без вести. Таким образом, от репрессий 30-х годов удалось спастись лишь младшему сыну М.Э. Расулзаде – Азеру, которому пришлось практически в одиночку выдержать все суровые условия и трудности ссыльной жизни в казахских степях.

²⁷ Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 20 (на азерб. яз.).

И практически всю свою сознательную жизнь он провел вдали от родины – в Казахстане²⁸.

Не обошли стороной репрессии и старшую дочь Мамед Эмина Лятифу ханум, которая была замужем и имела троих дочерей. Однако это обстоятельство ее не спасло. Сначала арестовали мужа Лятифы ханум, а затем пришли за ней и ее детьми. Младшая дочь Лятифы ханум – Сона в момент ареста находилась в детском санатории, и матери даже не разрешили забрать ее оттуда. О дальнейшей судьбе маленькой Соны до сих пор ничего не известно. Лятифу ханум вместе с двумя дочерьми также выслали в Казахстан, где ее замерзшей вместе с дочерью Эвшан утром одного из морозных январских дней 1944 года обнаружила старшая дочь – 13-летняя Фируза²⁹.

Родную же сестру Мамед Эмина – Шахрабану ханум от репрессий спасло лишь то обстоятельство, что, не выдержав преследований, она скоропостижно скончалась от разрыва сердца. Таким образом, из большой семьи М.Э. Расулзаде в ходе репрессий 30-х годов удалось выжить лишь его сыну Азеру и внучке Фирузе.

Однако ни исковерканные судьбы своих родных и близких, уничтоженных чудовищной «машинной репрессий» И.В. Сталина, ни горечь чужбины, ни необоснованные и несправедливые выпады некоторых его соратников по эмиграции, ни преследования советских спецслужб не могли сломить волю и решимость М.Э. Расулзаде в борьбе за реализацию идеала азербайджанской независимости, верность которому он сохранял всю свою жизнь. Наоборот, все эти нечеловеческие испытания, выпавшие на долю М.Э. Расулзаде, лишь укрепляли в нем убежденность в правоте избранного им пути, которая, по его замыслу, должна была привести в конечном итоге к национальному освобождению азербайджанских тюрок и восстановлению государственной независимости Азербайджана. Вся кипучая деятельность М.Э. Ра-

²⁸ Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 270–272 (на азерб. яз.).

²⁹ Там же.

сулзаде в эмиграции свидетельствует о том, что он ни на секунду не сомневался в возможности реализации этой идеи. И все его действия были подчинены выполнению этой задачи.

Как уже было отмечено выше, с падением АДР в апреле 1920 года началась массовая эмиграция из Азербайджана. Первыми невозвращенцами стали члены дипломатической миссии Азербайджана во Франции во главе с А.М. Топчибашевым, участвовавшие в работе Версальской мирной конференции. Вскоре их примеру последовали дипломаты, аккредитованные или пребывавшие в других странах, ряд представителей интеллигенции, военных и национальной буржуазии, находившихся в то время за рубежом³⁰.

По мере усиления большевистских репрессий внутри страны ряды азербайджанской эмиграции начали пополняться не только представителями предпринимательских кругов, политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, но и простыми гражданами. Не пожелав смириться с царящим в стране большевистским беспределом, они пытались любыми путями, легально или нелегально, покинуть пределы страны.

Эмигранты из Азербайджана обосновывались в различных государствах Азии и Европы, но наиболее многочисленными они были в таких странах, как Турция, Иран и Франция. Неудивительно, что наиболее дееспособные организации азербайджанских эмигрантов возникли именно в этих странах сразу же после падения АДР. Эти организации по мере своих возможностей проводили пропагандистские акции, направленные на ознакомление зарубежной общественности с фактом оккупации их исторической родины войсками Советской России³¹.

В этом контексте особо следует отметить деятельность председателя азербайджанской делегации на Версальских мирных переговорах А.М. Топчибашева. 8 сентября 1920 года он от имени делегации официально проинформировал руководство Лиги

³⁰ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. М., 2006. С. 28.

³¹ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. М., 2007. С. 4.

Наций об оккупации Азербайджана со стороны большевиков, пытаясь подобным образом привлечь внимание этой организации к азербайджанской проблеме³². А 1 ноября 1920 года им же была отправлена официальная нота Генеральному секретарю Лиги Наций с просьбой рассмотреть вопрос принятия Азербайджана в ряды этой организации³³. Хотя Лига Наций и отказала Азербайджану в приеме, но данное решение фактически явилось признанием де-юре оккупации Азербайджана³⁴.

Не умаляя значения деятельности А.М. Топчибашева и других азербайджанских эмигрантов, а также созданных ими организаций, все же следует признать, что все эти попытки носили локальный и эпизодический характер. Это было обусловлено отсутствием мощного центра, способного координировать и направлять в единое русло деятельность азербайджанской эмиграции в различных странах мира.

В этом смысле к концу 1922 года, то есть к моменту появления М.Э. Расулзаде в Стамбуле, разобщенность и отсутствие какой-либо координации были наиболее характерными чертами азербайджанской эмиграции. Именно исправление этих недостатков являлось первоочередной задачей М.Э. Расулзаде.

Неудивительно, что свою деятельность в Стамбуле М.Э. Расулзаде начал с создания организационных структур азербайджанской эмиграции. В первую очередь он сформировал и лично возглавил Заграничное бюро «Мусават»³⁵, которое начало функционировать в качестве высшего руководящего органа партии. Загранбюро удалось за относительно короткий период наладить связи с действующими в Азербайджане в условиях глубокого подполья организациями партии. Одновременно в местах компактного проживания азербайджанских эмигрантов в различных

³² *Гашимова А.* Азербайджанская эмиграция в первой половине XX века. Баку, 1992. С. 131 (на азерб. яз.).

³³ *Абуталыбов Р.* Годы и встречи в Париже. С. 53.

³⁴ Там же. С. 55.

³⁵ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 177 (на азерб. яз.).

городах Турции и Ирана были созданы многочисленные местные комитеты «Мусавата».

Однако М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что «в борьбе за азербайджанский идеал» нельзя ограничиваться лишь реанимацией и усилением деятельности партии «Мусават». Предпосылкой успеха он считал консолидацию действий всех политических сил Азербайджана, представленных в эмиграции. Поэтому М.Э. Расулзаде много работал в плане объединения различных течений азербайджанской эмиграции на основе общей политической и организационной платформы.

Результатом этих усилий М.Э. Расулзаде стало создание в 1924 году Национального центра Азербайджана (НЦА)³⁶. Основной целью НЦА, который возглавил М.Э. Расулзаде, была объявлена борьба с большевистской оккупацией страны и восстановление государственной независимости Азербайджана. НЦА действовал в тесном контакте с Загранбюро партии «Мусават». Однако в отличие от Загранбюро в состав НЦА кроме мусаватистов входили и представители других политических течений азербайджанской эмиграции, а также беспартийные.

Параллельно с созданием организационных структур азербайджанской эмиграции М.Э. Расулзаде вплотную занимался и налаживанием пропагандистской работы. В этом отношении одной из основных заслуг М.Э. Расулзаде в истории освободительного движения азербайджанских тюрок является создание эмигрантской периодической печати, которая за годы господства советского режима вела за пределами родины неустанную и систематическую борьбу за азербайджанский идеал.

Как подчеркивает М.Б. Мамедзаде, М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал роль прессы в консолидации азербайджанских эмигрантов в борьбе за восстановление государственной независимости Азербайджана³⁷. Именно с этой целью он в 1923 году на-

³⁶ *Оруджлу М.* Деятельность партии «Мусават» в Азербайджане и эмиграции (1911–1992). Баку, 2001. С. 98 (на азерб. яз.).

³⁷ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 177–178 (на азерб. яз.).

чал издавать в Стамбуле журнал «Yeni Kafkasiya» («Новый Кавказ»). Данное издание, учредителем и редактором которого был М.Э. Расулзаде, отличалось резко антисоветской направленностью своих публикаций. Разоблачая и показывая истинную сущность колониальной политики большевиков в Азербайджане, журнал одновременно выступал в роли последовательного пропагандиста идеи азербайджанской независимости, тем самым вызывая явное раздражение и недовольство советских властей. Тем более что тайными каналами экземпляры «Yeni Kafkasiya» доставлялись и в Азербайджан.

Об эффективности деятельности журнала «Yeni Kafkasiya» нагляднее всего свидетельствует тот факт, что не только бакинские газеты – «Коммунист» и «Бакинский рабочий», но и такие центральные издания СССР, как «Правда», вынуждены были периодически реагировать на его публикации и выступать с опровержениями. В стороне от этой антимусаватской кампании не остался даже научно-академический журнал «Новый Восток»³⁸.

В Стамбуле М.Э. Расулзаде активно занимался и творческой деятельностью, в частности обобщением и анализом опыта деятельности национального движения в начале XX века. В 1923 году в Стамбуле издаются его работы – «Азербайджанская Республика» и «Сиявуш нашего времени», а также «Идеология независимости и молодежь»³⁹. В этих работах, научную значимость которых трудно переоценить, М.Э. Расулзаде дает скрупулезный анализ событиям новой и новейшей истории Азербайджана. Он на основе конкретных исторических фактов доказывает, что провозглашение в мае 1918 года АДР было не результатом случайного стечения обстоятельств, а закономерным итогом процесса национального возрождения и политического пробуждения азербайджанских тюрок в ходе модернизационных процессов, охвативших азербайджанское общество в конце XIX и начале XX века.

³⁸ Мамедзаде М.Б. Азербайджанское национальное движение. С. 191 (на азерб. яз.).

³⁹ Resulzade M.E. Azərbaycan Cumhuriyeti: Keyfiyeti-Teşekkülü ve Şimdiki Vaziyeti. İstanbul, 1923; Asrımızın Siyavuşu. İstanbul, 1923.

Эти работы М.Э. Расулзаде, особенно «Азербайджанская Республика», привлекли пристальное внимание не только периодической печати, но и научной общественности Турции и других европейских стран. Работа «Азербайджанская Республика» получила специальную премию на Измирской книжной ярмарке. Многочисленные рецензии на данную работу М.Э. Расулзаде появились на страницах турецких периодических изданий – «Tanin», «İğdam», «Akşam», «Yeni Mecmue» и др. Профессор Венского университета, востоковед Краелич посвятил этой работе специальную статью, опубликованную в венской газете «Die Deutsche-Österreichische Tageszeitung»⁴⁰.

К сожалению, М.Э. Расулзаде так и не удалось добиться окончательного и полного организационного объединения всей азербайджанской политэмиграции в едином центре. Но благодаря деятельности М.Э. Расулзаде голос азербайджанской эмиграции вновь был услышан мировой общественностью и прессой, что объективно способствовало актуализации азербайджанского вопроса. Так, до появления в эмиграции М.Э. Расулзаде в общественно-политических кругах европейских стран в целом доминировало мнение о том, что период независимости Азербайджана был лишь преходящим и случайным событием истории. За относительно короткий период времени М.Э. Расулзаде удалось кардинально изменить эту неблагоприятную для национальных сил ситуацию и привлечь внимание европейских стран к проблеме оккупации Азербайджана.

За относительно короткий период М.Э. Расулзаде превратился в самую заметную фигуру азербайджанской эмиграции. Своей политической и публицистической деятельностью он обличал политику большевиков, которые пытались полностью стереть из народной памяти даже воспоминания о периоде независимости Азербайджана в 1918–1920 годах. Это приводило буквально в бешенство советских руководителей, проявлением которого стало выступление летом 1923 года тогдашнего перво-

⁴⁰ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 181–183 (на азерб. яз.).

го секретаря Закрайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе на XII Общебакинской конференции АКП(б). Затрагивая активную деятельность азербайджанской эмиграции в Турции и Иране, Г.К. Орджоникидзе сказал, что у него в портфеле лежит книга М.Э. Расулзаде, в которой он «дискредитирует национальную политику большевиков в глазах народов Востока. Он пытается доказать, что сегодня независимого Азербайджана не существует, и Азербайджан управляется русскими». Поэтому Г.К. Орджоникидзе призывал устранить «наши дефекты и национализировать учреждения Азербайджана», привлекать азербайджанцев к работе, и не потому, что этого требует М.Э. Расулзаде, а только потому, что эта «наша настоящая задача»⁴¹.

А в 1925 году тогдашний руководитель АзЧК М.Дж. Багиров с не меньшей тревогой говорил: «Азербайджанские контрреволюционеры, сгруппировавшись вокруг М.Э. Расулзаде, приступили к своей реакционной деятельности. Они пытаются использовать любую возможность, чтобы нанести удар рабоче-крестьянскому Советскому правительству»⁴².

С целью пресечения подобной «реакционной деятельности» мусаватистов за рубежом и ее «негативного» влияния на сознание азербайджанских масс внутри страны советские власти решили развернуть широкомасштабную контрпропаганду на страницах периодической печати, которую возглавили руководящие работники партийно-правительственного аппарата Азербайджана – Д. Буниатзаде, М.Д. Гусейнов, Р. Ахундов, А. Караев, М. Кулиев и др.⁴³

⁴¹ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 184 (на азерб. яз.).

⁴² «Коммунист». 1925. 8 июня.

⁴³ См.: *Буниатзаде Д.* Мусаватисты (Мусаватисты-тюркофилы) // «Заря Востока». 1923. 6 июля; *Гусейнов М.Д.* Идея о независимости Азербайджана и партия «Мусават» // «Заря Востока». 1925. 28 апреля; *Караев А.* Из недавнего прошлого. Баку, 1926; *Кулиев М.* Наследие проклятого прошлого (По материалам мусаватского архива) // «Бакинский рабочий». 1927. 25 июля; *Кулиев М.* Тюркская культура и мусаватисты // «Бакинский рабочий». 1927. 15 июня; *Ахундов Р.* Доклад по национальному вопросу // Стенографический отчет XII Общебакинской конференции АКП (6–12 июня 1923 г.). Баку, 1923; и др.

По сути, своей борьбой за пределами родины за азербайджанский идеал М.Э. Расулзаде способствовал зарождению в середине 20-х годов XX века целого направления в советской историографии, которое специализировалось в освещении истории национального движения в Азербайджане в выгодном для большевиков ракурсе. Так, именно в этот период издаются многочисленные работы советских авторов, посвященные критике деятельности национальных сил в 1917–1920 годах, то есть в период наивысшего подъема освободительной борьбы азербайджанских турков за независимость страны⁴⁴.

Одновременно большевики усиливали давление на правительство Турции, чтобы добиться от него приостановления или по крайней мере, ограничения деятельности азербайджанских эмигрантских организаций в Турции. Свидетельством тому является выступление в марте 1925 года министра иностранных дел СССР Г.В. Чичерина на IV Всеазербайджанском съезде Советов в Баку. Констатируя усиление деятельности мусаватистов в Турции, он подчеркивал, что советское правительство неоднократно обращалось к правительству Турции, выражая свой протест подобным действиям и требуя их пресечения⁴⁵.

Впрочем, большевики действовали не только кнутом, но и пряником, давая азербайджанским эмигрантам различные обещания в обмен на прекращение их антисоветской деятельности. Как вспоминает М.Э. Расулзаде, в середине 20-х годов один из большевистских эмиссаров, специально прибывший из Азербайджана, обещал ему, что в случае прекращения издания «*Үепі Kafkasiya*» они готовы создать все условия для возвращения

⁴⁴ *Аркомед С.Т.* Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923; *Гусейнов Р.* Очерки революционного движения в Азербайджане. Баку, 1926; *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. Баку, 1927; *Ратгаузер Я.* Революция и гражданская война в Баку. 1917–1918. Баку, 1927; *Сеф С.* К вопросу о социальной сущности «Мусавата» // «Большевик Закавказья». 1928. № 5–6; *Ставровский А.* Закавказье после Октября. М.; Л., 1925; *Стеклов А.* Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.

⁴⁵ *Мамедзаде М.Б.* Азербайджанское национальное движение. С. 189 (на азерб. яз.).

эмигрантов на родину. Ответ М.Э. Расулзаде большевистскому эмиссару был довольно лаконичным: «Сообщите мирза давудам, что я гарантирую – последний номер «Yeni Kafkasiya» выйдет в момент, когда последний русский солдат покинет азербайджанскую территорию через станцию Пойлу»⁴⁶.

Невзирая на давление со стороны как советских, так и турецких властей, М.Э. Расулзаде продолжал издание «Yeni Kafkasiya» с той же решительностью и энергией. Однако в условиях наметившегося с середины 20-х годов очередного потепления в турецко-советских отношениях так долго продолжаться не могло. Дело в том, что активная деятельность на территории Турции возглавляемых М.Э. Расулзаде организаций – Загранбюро «Мусавата» и Азербайджанского национального центра – являлась серьезным препятствием на пути сближения между Москвой и Анкарой. В конечном итоге в 1927 году под давлением СССР турецкие власти решили приостановить издание журнала «Yeni Kafkasiya»⁴⁷.

Однако подобными методами невозможно было заставить М.Э. Расулзаде отказаться от борьбы за свои идеалы. И уже в 1928 году ему удается учредить в Стамбуле новое печатное издание – журнал «Azəri Türk». Правда, вскоре – в 1929 году – деятельность этого журнала также была прекращена по требованию турецких властей. Но уже 1 марта 1929 года под редакцией М.Э. Расулзаде выходит в свет первый номер другого печатного органа партии «Мусават» – «Odlar Yurdu». А в конце августа 1930 года азербайджанскими эмигрантами в Турции учреждается еще и еженедельная газета «Bildiriş». Все эти печатные издания с той же принципиальностью и последовательностью продолжали линию «Yeni Kafkasiya», направленную против большевистской оккупации Азербайджана⁴⁸.

Между тем взаимоотношения М.Э. Расулзаде с турецкими властями продолжали ухудшаться. Ради справедливости следует

⁴⁶ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik. Varşova. 1934. S. 56.*

⁴⁷ *Ягублу Н. История партии «Мусават». Баку, 1997. С. 191.*

⁴⁸ *Мамедзаде М.Б. Азербайджанское национальное движение. С. 194 (на азерб. яз.).*

признать, что обострение этих отношений было обусловлено не только советским фактором. М.Э. Расулзаде изначально являлся убежденным сторонником идеи Кавказской конфедерации. В эмиграции его интерес к этой идее лишь усилился, поскольку он отдавал себе отчет в том, что только совместными усилиями и консолидированными действиями всех кавказских народов можно добиться успеха в противостоянии с таким сильным противником, как советская власть.

Однако до определенного момента М.Э. Расулзаде приходилось особо не афишировать свою приверженность к идее кавказского единства, поскольку первоначально она была под покровительством Англии и Франции, что вызывало явное раздражение турецких правящих кругов. Так, еще 10 июня 1921 года при содействии Франции руководители четырех кавказских государств – Азербайджана, Грузии, Армении и Северного Кавказа подписали в Париже декларацию о создании «Союза Кавказских Республик»⁴⁹. Правда, сотрудничество представителей кавказской политэмиграции не получило дальнейшего развития, и этот документ фактически остался нереализованным.

Тем не менее сразу же после появления в Стамбуле в конце 1922 года М.Э. Расулзаде приложил немало усилий, чтобы добиться поддержки турецкого правительства в вопросе кавказского единства. М.Э. Расулзаде даже предлагал турецким представителям взять под свой патронаж процесс консолидации кавказской эмиграции в едином центре. В какой-то момент ему удалось даже вызвать определенный интерес у турецких властей к этой идее. Но по мере потепления турецко-советских отношений, в особенности после подписания между двумя странами 17 декабря 1925 года договора о дружбе и нейтралитете⁵⁰, Анкара потеряла всякий интерес к этому вопросу.

В этой связи неудивительно, что из-за «вынужденной дружбы» между Анкарой и Москвой не только азербайджанские, но

⁴⁹ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. С. 48.

⁵⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 739–742.

и кавказские, туркестанские и другие политэмигранты из числа тюрко-мусульманских народов СССР, обосновавшиеся в Турции, начали отдавать предпочтение контактам со странами Европы.

С этого момента М.Э. Расулзаде также начинает более активно налаживать сотрудничество с европейскими представителями, заинтересованными в реализации идеи кавказского единства. Это еще раз подтверждает тот факт, что при всем уважении и любви к Турции, которую М.Э. Расулзаде считал второй родиной, в своей политической деятельности он руководствовался исключительно интересами азербайджанского народа и его государственной независимости.

М.Э. Расулзаде приступает к практической реализации объединения различных течений кавказской эмиграции на основе общей политической и организационной платформы. С этой целью он ведет конфиденциальные переговоры относительно создания единой организации с находящимися в Стамбуле политическими эмигрантами из Грузии и Северного Кавказа, а также тогдашним военным атташе посольства Польши в Турции полковником Тадеушом Шацелем. Активное участие последнего в переговорах объяснялось тем, что после прихода к власти в 1926 году Ю. Пилсудского именно Польша становится основным покровителем и спонсором процесса объединения не только кавказской, но и всей нерусской эмиграции из СССР в рамках «промеевского» движения. Автором термина «промеевизм» также являлся Тадеуш Шацель⁵¹.

Активное вовлечение Польши в эти процессы было обусловлено геополитическим положением этой страны. «Промеевская» идея предполагала сближение и сотрудничество поработанных народов СССР с целью достижения их свободы и независимости⁵². В эмиграции политические элиты этих народов

⁵¹ *Корнат Марек. У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919–1939). Основные исследовательские центры // «Европа» (Журнал польского Института международных дел), 2002. № 4 (5). Т. 2. С. 190.*

⁵² Там же. С. 189.

должны были разработать основы будущей программы, нацеленной на создание в перспективе на развалинах советской империи новых национальных государств. Подобным способом Польша пыталась обезопасить себя со стороны России, которая исторически представляла смертельную угрозу для польской государственности.

Тем временем вслед за запрещением издания журнала «*Yeni Kafkasiya*» турецкие власти в том же 1927 году прекратили и финансирование деятельности Азербайджанского национального центра. Хотя это стало еще одним проявлением дальнейшего охлаждения отношений между турецкими властями и азербайджанскими политэмигрантами, но, как говорится, нет худа без добра. Этими своими действиями турецкие власти фактически предоставили М.Э. Расулзаде карт-бланш на право полной свободы в вопросе достижения организационного единства кавказской эмиграции. И уже в 1928 году в Варшаве при непосредственном участии М.Э. Расулзаде создается эмигрантская организация «Прометей», объединившая представителей нерусских народов СССР. В состав эмигрантского центра «Прометей», в частности, вошли представители Украины (А. Шульгин и Р. Смаль-Стоцкий), Азербайджана (М.Э. Расулзаде и М. Мехтиев), Туркестана (М. Чокаев), Грузии (Н. Жордания и Г. Гвазава), Северного Кавказа (С. Шамиль, М. Хуршилов, Т. Шакманов), крымских татар (Д. Саид Ахмед), Идель-Урала (А. Исхаки) и др. При организации был учрежден одноименный журнал, на страницах которого периодически публиковались работы М.Э. Расулзаде⁵³.

Следует отметить, что к тому времени одноименные эмигрантские клубы действовали в различных европейских городах. Например, еще в 1926 году в Париже была основана кавказская масонская ложа «Прометей». Но истинный расцвет и развитие «промеевского» движения связано именно с деятельностью варшавской организации, в создании которой, по свидетельству

⁵³ *Оруджлу М.* Деятельность партии «Мусават» в Азербайджане и эмиграции (1911–1992). С. 101 (на азерб. яз.).

немецкого исследователя П. Мюхлена, ключевую роль сыграл М.Э. Расулзаде⁵⁴.

Если в момент возникновения перед «Прометеем» ставилась скромная задача координации сотрудничества и обмена мнениями между руководящими органами различных нерусских эмигрантских организаций из СССР, то со временем ее деятельность охватила «обширные идейно-политические горизонты». Как свидетельствуют секретные документы польских архивов, «эволюция «Прометея» пошла в сторону объединения всех народов, угнетаемых Россией, на общей платформе борьбы с Россией как «тюрьмой народов», а также признания права на независимость всех без исключения народов, даже тех, которые не имели в эмиграции легальных представителей. Короче говоря, развитие «Прометея» пошло по линии превращения его в «интернационал угнетенных»⁵⁵. Главная же цель «Прометея» за весь период его деятельности оставалась неизменной – «всеми силами содействовать стремлениям, направленным к тому, чтобы вызвать национальную революцию на территории СССР»⁵⁶.

Создание «Прометея» было встречено в штыки не только советскими властями, но и русской политэмиграцией, выступавшей под лозунгом «единой и неделимой России». Как ни странно, в данном вопросе с русскими эмигрантами были солидарны и руководители армянской эмиграции, которые так и не изъявили желания присоединиться к «Прометею». Более того, они были наиболее активными противниками коалиции народов Кавказа, Украины, Туркестана и других угнетенных наций, борющихся против советской власти, и использовали любые средства для дискредитации «прометеевского» движения. Наглядным примером тому является статья армянского журналиста А. Хондкаряна «На службе у Турции», опубликованная в еженедельнике

⁵⁴ *Mühlen Patrik fon Zur*. Camali Naç ile Kızıl Yıldız Arasında. Ankara, 1984. S. 20.

⁵⁵ *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 300.

⁵⁶ Там же. С. 302.

«Дни», издаваемом бывшим председателем Временного правительства А. Керенским⁵⁷.

Не гнушаясь ничем и голословно обвиняя М.Э. Расулзаде и других руководителей «Прометея» из числа тюрко-мусульманских народов в пантюркизме, А. Хондкарян договорился до того, что «основной целью объединившихся вокруг «Прометея» тюрко-татарских сепаратистов является не устройство собственной жизни, а отделение от России, дабы присоединиться к Турции»⁵⁸.

В ответ на измышления А. Хондкаряна М.Э. Расулзаде написал одну из самых ярких своих теоретических работ – «О пантуранизме», опубликованную в 1930 году на русском языке в Париже. В ней он на основе конкретных фактов доказывал, что азербайджанские политические деятели «с самого начала возникновения Азербайджанской Республики стояли за необходимость единения всех кавказских народов в одно конфедеративное государство»⁵⁹. Слова М.Э. Расулзаде о том, что «независимый Кавказ – залог благоденствия ее народов»⁶⁰, и в наши дни не потеряли свою значимость.

В работе «О пантуранизме» М.Э. Расулзаде, касаясь обвинений А. Хондкаряна относительно сепаратизма руководителей «Прометея», пишет: «Эти народы, ведущие не сепаратистскую, а настоящую борьбу за независимость своих родин, в то же время ничуть не намерены расчленить Россию. Наоборот, мы от души желаем России процветать и сохранить свое территориальное единство в пределах своих национальных границ. Но и господа Керенские должны признать ту очевидную истину, что отход Кавказа – азербайджанцам, грузинам и горцам, это вовсе не означает расчленения России. Точно так же ни Украина, ни Туркестан никакого отношения к России не имеют»⁶¹.

⁵⁷ *Расулзаде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 19.

⁵⁸ *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 21.

⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Там же. С. 78.

⁶¹ Там же. С. 35.

Что же касается позиции армянской эмиграции, то М.Э. Расулзаде резонно напоминал им, что «отойти от ложного пути, на каком бы ни было этапе, всегда полезно». И советовал армянским представителям проявить «большую осторожность в своих сенсационных выпадах против своих соседей, с которыми они вынуждены жить совместно», поскольку «это было бы разумно и полезно», и в первую очередь по отношению к собственной нации⁶².

Активное участие М.Э. Расулзаде в деятельности «Прометей», напрямую направленной против СССР, и его принципиальная позиция в вопросе защиты политической линии этой организации не на шутку тревожили советскую власть. Они с каждым днем все настойчивее требовали от правительства Турции пресечения деятельности азербайджанских политэмигрантов, и в конечном итоге удалось достичь своей цели. Тем более что и турецкие власти, мягко говоря, не были в восторге от деятельности М.Э. Расулзаде по консолидации нерусских политэмигрантов из СССР, к тому же под патронажем Польши.

В 1931 году состоялись взаимные визиты министра иностранных дел Турции Т. Рюштю в Москву и главы внешнеполитического ведомства СССР М.М. Литвинова в Анкару. В ходе этих визитов стороны договорились о продлении на очередные 5 лет турецко-советского договора о дружбе и нейтралитете от 1925 года. Соответствующий протокол был подписан 30 ноября 1931 года в Анкаре⁶³, согласно секретному пункту которого Турция взяла на себя обязательство относительно депортации из страны наиболее активных политэмигрантов из СССР и прекращения всякой антисоветской пропаганды с их стороны. В соответствии с этим пунктом протокола турецкое правительство в 1931 году приняло решение о приостановлении деятельности Загранбюро партии «Мусават» и НЦА, а также депортации ру-

⁶² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 29.

⁶³ Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 314.

ководителя этих организаций М.Э. Расулзаде из Турции⁶⁴. Это решение Анкары означало завершение первого турецкого периода деятельности М.Э. Расулзаде в эмиграции.

§ 2. М.Э. Расулзаде накануне и в годы II мировой войны

Известие о депортации М.Э. Расулзаде из Турции с большим облегчением и радостью было встречено со стороны руководства азербайджанских коммунистов. Выступая в начале 1932 года на XX Общебакинской партийной конференции, один из секретарей ЦК АКП(б) А. Султанов не скрывал своей удовлетворенности этим решением турецких властей: «Мусаватисты в зарубежных государствах ведут против нас серьезную борьбу. Однако им нанесен новый удар. В Стамбуле закрыты выходившие под общей редакцией М.Э. Расулзаде периодические издания «Odlar Yurdu», «Azeri Türk», «Bildiriş», а также орган туркестанских эмигрантов «Yeni Türkestan». Азербайджанские трудящиеся не возражают, что они (мусаватисты. – А.Б.) лишились этих печатных органов, которые являлись средствами открытой борьбы с Советским Азербайджаном»⁶⁵.

Безусловно, принятое турецкими властями решение было очень болезненным для азербайджанской политэмиграции, поскольку создавало немалые трудности для ее дальнейшей деятельности. Причем особенно обидным для М.Э. Расулзаде было то обстоятельство, что все эти проблемы для азербайджанской политэмиграции создавались руками властей братской Турции. По этому поводу он в начале января 1932 года писал: «По решению правительства Турецкой Республики закрыты издающиеся в Стамбуле журналы и газеты – «Odlar Yurdu», «Azeri Türk», «Bildiriş», «Yeni Türkestan». Не может быть! Это невозможно!

Обоснованное с психологической и логической точек зрения отрицание! Но, к сожалению, факт налицо. Это голая правда, от-

⁶⁴ Karaca A. Azerbaycan'ın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış. Ankara, 1982. S. 23.

⁶⁵ «Коммунист». 1932. 18 января (на азерб. яз.).

ражающая действительность. Этой горькой реальности, вызывающей у нас недоумение, ныне радуется враг»⁶⁶.

Однако, несмотря на все превратности судьбы, этой беспокойной, кипучей натуре были чужды такие понятия, как усталость, отчаяние, безысходность и адаптация к меняющейся политической реальности. Наоборот, М.Э. Расулзаде с еще большей энергией продолжил отстаивать идею национальной независимости Азербайджана, но уже за пределами Турции – в Европе. М.Э. Расулзаде сделал все от него зависящее, чтобы радость большевиков, связанная с закрытием азербайджанских эмигрантских изданий, была как можно более кратковременной.

И это ему удалось. Уже 10 января 1932 года вышел в свет первый номер газеты «İstiklal», в котором была напечатана статья М.Э. Расулзаде «Не прерванный голос». В этой статье, затрагивая последние действия турецких властей, он подчеркивал, что «мы не имеем права останавливать ни на мгновение борьбу за Азербайджан и должны оповещать о ней весь мир. Естественно, что голос Азербайджанского национального движения не может быть прерван в ожидании изменения тактики Турции... Поэтому выходящая в Берлине эта газета призвана продолжить дело закрытых в Стамбуле газет и журналов»⁶⁷.

С депортации из Турции в 1931 году начался второй – европейский период деятельности М.Э. Расулзаде в эмиграции. Характерной чертой данного периода является то, что основные центры азербайджанской политэмиграции были сосредоточены в различных государствах Европы, в первую очередь в Германии, Франции и Польше, где для их деятельности были созданы относительно сносные условия.

Следует отметить, что в начале 30-х годов прошлого столетия в крупнейших державах Европы, и в первую очередь в Германии, Польше, Италии, Англии и Франции, наблюдался заметный рост интереса к национальному вопросу в СССР. В

⁶⁶ Цит. по: *Karaca A. Azerbaycan'ın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış*. S. 23.

⁶⁷ *Karaca A. Azerbaycan'ın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış*. S. 23–24.

политических кругах этих стран стремительно росло число тех, кто рассматривал национальный вопрос как наиболее действенное средство расчленения СССР. Причем особой активностью в налаживании связей с нерусской политэмиграцией из СССР отличались Германия и Польша. В этих странах были созданы специальные службы и исследовательские центры, занимающиеся национальными проблемами в СССР. Правящими кругами Германии и Польши выделялись немалые средства для деятельности нерусской политэмиграции из СССР.

Безусловно, спонсирование и покровительство этими европейскими странами нерусской, и прежде всего кавказской, эмиграции было отнюдь не проявлением альтруизма или следствием их большой любви к национальным чаяниям поработанных народов СССР. Тут имели место исключительно прагматичный подход и тонкий политический расчет. Некоторые влиятельные круги европейских держав в тот период решили воспользоваться услугами кавказской эмиграции, которая рассматривалась в качестве потенциального союзника не только в политической, но и возможной вооруженной борьбе с советским режимом.

Хотя ради справедливости необходимо признать, что этот интерес был взаимным, так как многие эмигрантские организации, в том числе азербайджанские, связывали надежды на свое политическое будущее именно с теми европейскими странами, которые считались наиболее принципиальными противниками СССР. Именно взаимное совпадение интересов обусловило тесное сотрудничество кавказской эмиграции с правящими кругами Германии и Польши в 30-х годах XX века.

После депортации из Турции в начале 1932 года М.Э. Расулзаде и многие его соратники получили политическое убежище и обосновались в Польше. А в Германии были созданы необходимые условия для издания газет и журналов азербайджанской политэмиграции.

К тому времени даже по признанию его недругов М.Э. Расулзаде был не только наиболее заметной фигурой и лидером азербайджанской эмиграции, но и одним из видных деятелей

всей кавказской политэмиграции. Именно он зачастую задавал тональность деятельности всей кавказской эмиграции⁶⁸. Поэтому его имя часто фигурировало в депешах иностранных посольств и материалах спецслужб. Перед реализацией более или менее крупных проектов, связанных с деятельностью политэмиграции из СССР, соответствующие структуры многих европейских стран в обязательном порядке интересовались мнением М.Э. Расулзаде.

В немалой степени подобный высокий авторитет М.Э. Расулзаде был обусловлен его многогранной и неустанной работой в плане объединения различных течений нерусской политэмиграции из СССР на основе общей политической и организационной платформы. В частности, трудно переоценить роль М.Э. Расулзаде в принятии пакта о создании Кавказской Конфедерации, подписанного 14 июля 1934 года в Брюсселе представителями национальных эмигрантских центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа⁶⁹.

Участники пакта, принимая во внимание то обстоятельство, что «полномасштабное развитие каждой нации возможно лишь в условиях независимости, и достижение этой цели не представляется возможным без объединения усилий кавказских сил»⁷⁰, провозгласили создание Конфедерации Кавказских Республик, которая базировалась на следующих основных принципах:

- Конфедерация действует как полномочный орган от имени всех подписавших договор о ее создании.
- Внешняя политика Конфедерации в интересах всех республик, входящих в ее состав, будет осуществляться структурой, наделенной соответствующими полномочиями.
- Защита границ Конфедерации возлагается на ее вооруженные силы, состоящие из национальных армий, поступающих под общее командование.

⁶⁸ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 114.

⁶⁹ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. С. 48.

⁷⁰ Ибрагимли Х. Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). Баку, 1996. С. 160–161 (на азерб. яз.).

- Все разногласия между подписантами передаются в арбитраж или в Верховный суд Конфедерации, решения которых являются обязательными.
- Экспертный комитет, формируемый участниками договора, приступает к подготовке проекта Конституции Конфедерации, который будет вынесен на обсуждение ее съезда⁷¹.

Текст договора за Азербайджан подписали М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибашев, за Северный Кавказ – И. Чулик, Т. Шакманов и М.Г. Сунжев, за Грузию – Н. Жордания и А. Чхенкели⁷².

Участники договора направили послание в адрес армянского национального центра, в котором выразили глубокое сожаление по поводу того, что обстоятельства не позволили Армянской Республике присоединиться к нему. Была выражена надежда, что в недалеком будущем она не преминет занять оставленное для нее место в Кавказской конфедерации. Однако армянские представители лишь после начала Второй мировой войны, в 1940 году, решили присоединиться к пакту о создании Кавказской конфедерации⁷³.

После подписания данного пакта на повестку дня встал вопрос об организации единого центра – прообраза будущего правительства Кавказской конфедерации, а пока органа оперативного управления. На состоявшейся 14–23 февраля 1935 года конференции было решено делегировать эти функции президиуму, состоящему из трех наиболее авторитетных представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа – М.Э. Расулзаде, Н. Жордания и М.Г. Сунжева⁷⁴.

В принятом на конференции документе под названием «Кавказский вопрос и Россия» определялись полномочия и задачи

⁷¹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 128.

⁷² Там же. С. 123.

⁷³ Ибрагимли Х. Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 163.

⁷⁴ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 129.

руководящего органа организации Кавказской конфедерации. Главным направлением ее деятельности провозглашалась «подготовка кавказских наций» к созданию независимых республик на Кавказе с последующим их объединением в Конфедерацию⁷⁵. При обсуждении и принятии решений на этой конференции особо подчеркивалась необходимость перенесения центра тяжести работы непосредственно на Кавказ. По мнению участников конференции, только таким способом можно было покончить с «русским оккупационным режимом на Кавказе»⁷⁶. Кроме определения основных направлений политической линии организации руководящему триумвирату также вменялось распоряжение финансовыми средствами.

С точки зрения выявления истинной роли М.Э. Расулзаде в этот период в эмигрантских кругах значительный интерес представляют материалы советской внешней разведки. Так, сразу же после подписания в Брюсселе пакта о Кавказской конфедерации служба внешней разведки ГУГБ НКВД СССР обратилась с запросом в отношении этого документа и подписавших его лиц к своей агентурной сети в европейских странах. Суть полученных от них оценок сводилась к тому, что Н. Жордания и А. Чхенкели в значительной степени утратили свое влияние в эмиграции и едва ли смогут стать координаторами грузинских групп⁷⁷.

Учитывая, что северокавказская политэмиграция никогда не представляла единого целого и внутри нее существовали серьезные трения, советская внешняя разведка считала, что И. Чулик, Т. Шакманов и М.Г. Сунжев также не обладают какими-либо полномочиями для реализации задач, определенных пактом о Кавказской конфедерации. Что же касается А.М. Топчибашева, то, как указывалось в сообщениях советской агентуры, в связи с состоянием здоровья он постепенно отходит от дел и поэтому не

⁷⁵ *Ибрагимли Х.* Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 162.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 130.

может похвастаться хорошими позициями среди азербайджанских эмигрантов⁷⁸.

В конечном итоге на основании резидентурных сообщений руководство советской внешней разведки приходило к выводу, что из всех подписавших Брюссельский договор о создании Конфедерации Кавказских Республик лишь М.Э. Расулзаде как по своей должности руководителя Национального центра Азербайджана, так и по влиянию в азербайджанской эмиграции может претендовать на представительскую роль⁷⁹.

Поэтому неудивительно, что основной удар советских спецслужб в этот период был направлен именно против М.Э. Расулзаде. Они подключили к выполнению данного задания и свою агентуру в эмигрантских кругах. В этой связи вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что активизация советской разведки по времени совпала с усилением деструктивной деятельности некоторых сил внутри самой азербайджанской политэмиграции. Так, в начале 30-х годов заметно участились нападки на М.Э. Расулзаде со стороны некоторых его товарищей по эмиграции, среди которых особенно выделялись Ш. Рустамбейли, Х. Хасмамедов, Н. Шейхзаманлы и Ф. Амирджан.

Не вдаваясь в подробности и детали многочисленных обвинений в адрес М.Э. Расулзаде, отметим лишь то, что подавляющая их часть не имела под собой никаких реальных оснований. Так, «критики» М.Э. Расулзаде зачастую обвиняли его во взаимоисключающих поступках. Так, если Н. Шейхзаманлы в своей работе «Мы и они» обвинял М.Э. Расулзаде чуть ли не в содействии большевистской оккупации Азербайджана в апреле 1920 года⁸⁰, то другой его «критик», наоборот, считал глубоко ошибочным излишне жесткую позицию М.Э. Расулзаде в отношении большевиков⁸¹. Последний «критик» утверждал, что, организовав

⁷⁸ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 130.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Şeyh zamanlı N. Biz ve Onlar*. İstanbul, 1934. S. 13.

⁸¹ «Kurtuluş». 1935. № 13–14. S. 7.

антибольшевистское сопротивление внутри Азербайджана и бросая безоружные массы против вооруженной до зубов русской армии, М.Э. Расулзаде якобы ставит под угрозу само физическое существование азербайджанских тюрков. Поэтому он без обиняков советовал М.Э. Расулзаде брать пример с дашнаков, которые в середине 30-х годов существенно смягчили свою позицию и начали проводить более лояльную политику в отношении советских властей⁸².

Причины обострения взаимоотношений внутри азербайджанской эмиграции, несомненно, были многочисленны. Наряду с обычными человеческими слабостями – завистью, ревностью, подозрительностью – немалую роль в обострении этих противоречий сыграли политические амбиции и борьба за лидерство отдельных известных деятелей азербайджанской эмиграции, а также попытки М.Э. Расулзаде установить жесткую дисциплину и субординацию в эмигрантской среде, обусловленную суровыми реалиями того периода.

Но не вызывает сомнений, что ключевую роль в обострении этих взаимоотношений играли интриги советских спецслужб. Подтверждением тому является директива, направленная в 1932 году ИНО ОГПУ своим агентам за рубежом. В ней подчеркивалась необходимость внедрения во все существующие эмигрантские организации с целью разжигания противоречий внутри них и дезорганизации их деятельности. Одновременно советским агентам за рубежом рекомендовалось «предпринять максимальные усилия» для дискредитации наиболее видных деятелей политэмиграции из СССР⁸³.

Обращая внимание на подобные действия советских спецслужб, М.Э. Расулзаде указывал, что «уничтожение эмиграции является одной из актуальных для большевиков задач»⁸⁴. В своей статье «Внимание – ГПУ!», написанной по этому поводу, он

⁸² «Kurtuluş». 1935. № 13–14. S. 7.

⁸³ «İstiklal». 1932. 20 Haziran.

⁸⁴ A.g.e.

напоминал, что «скрытая деятельность ГПУ среди представителей политической эмиграции, борющихся за национальную независимость, не является новым явлением. Мы все знаем об этом»⁸⁵. Тем не менее он призывал своих соратников по эмиграции быть бдительными и «ни на миг не забывать о том, что противник постоянно стремится нас деморализовать и дезорганизовать. Убеждение и дисциплина! – Вот лозунг, способный перечеркнуть планы ГПУ»⁸⁶.

Безусловно, М.Э. Расулзаде и его соратники по эмиграции не обладали возможностями для полной нейтрализации подобной деятельности советских спецслужб. И случалось, что отдельные представители азербайджанской эмиграции все же попадали в расставленные советскими спецслужбами сети, занимаясь деструктивной деятельностью. Но эти случаи все же были исключением, нежели правилом. И у нас нет никаких оснований ставить под сомнение верность идеалам азербайджанской независимости подавляющего большинства азербайджанских эмигрантов, включая даже тех представителей, которые в отдельные периоды выступали с не совсем обоснованной критикой в адрес М.Э. Расулзаде.

Тем более что многие из них, в частности Н. Шейхзаманлы и Ф. Амирджан, в конечном итоге фактически признали правоту М.Э. Расулзаде и необоснованность своих выпадов против него. Например, один из принципиальных оппонентов М.Э. Расулзаде в 30-х – начале 40-х годов Ф. Амирджан после Второй мировой войны признавал, что «в свое время он до конца не понимал тактику М.Э. Расулзаде в эмиграции», что и стало причиной разногласий между ними. По словам Ф. Амирджана, впоследствии он на своем личном опыте убедился в том, что именно М.Э. Расулзаде и его ближайшие соратники «наиболее последовательно, целенаправленно и активно занимались национальной деятельностью и отдали этому делу всего себя», в

⁸⁵ «İstiklal». 1932. 20 Haziran.

⁸⁶ A.g.e.

то время как их критики занимались этими проблемами лишь от случая к случаю⁸⁷.

На основании своих продолжительных наблюдений Ф. Амирджан сделал вывод о необходимости поддержки линии М.Э. Расулзаде как наиболее соответствующей национальным интересам азербайджанских тюрков. При этом Ф. Амирджан особо подчеркивал, что даже в те времена, когда находился в оппозиции к М.Э. Расулзаде и выступал с резкой критикой его действий, он «не ставил под сомнение его патриотизм и преданность национальным идеалам»⁸⁸. Аналогичным образом поступил и Н. Шейхзаманлы после Второй мировой войны, также выступивший в поддержку М.Э. Расулзаде.

Но в середине 30-х годов подобные деструктивные действия Н. Шейхзаманлы, Ф. Амирджана и некоторых их товарищей создавали немалые проблемы как для азербайджанской политэмиграции, так и для партии «Мусават». После того как «консервативные методы» решения проблемы – неоднократные обращения М.Э. Расулзаде к своим оппонентам с призывом прекратить ненужные споры и дискуссии внутри партии – не дали желаемого результата, ради сохранения единства «Мусавата» пришлось прибегнуть к более радикальным средствам.

Только с исключением в середине 30-х годов из рядов «Мусавата» наиболее активных критиков политического курса партии – Ш. Рустамбейли, Х. Хасмамедова и Н. Шейхзаманлы, которые своими действиями втягивали мусаватистов в бесполезные и ненужные дискуссии, тем самым отвлекая их от выполнения стоящих перед организацией задач, удалось нормализовать ситуацию внутри партии. Некоторые авторы склонны считать эти вынужденные шаги руководства «Мусавата» доказательством раскола партии. Однако реальные факты свидетельствуют о том, что уход из партии основных зачинщиков разногласий лишь

⁸⁷ Kengerli M.A. Dudanginski'nin «Hesabına» Dair // «Kafkasya». 1952. № 9. S. 9.

⁸⁸ A.g.e.

способствовал оздоровлению атмосферы внутри «Мусавата», поскольку основной костяк партии и большая часть рядовых ее членов остались верны курсу М.Э. Расулзаде, который в августе 1936 года организовал в Варшаве конференцию «Мусавата».

Данная конференция знаменательна не только тем, что позволила окончательно устранить разногласия внутри «Мусавата», поскольку после 1936 года мы практически не встречаемся с фактами, свидетельствующими о наличии каких-либо существенных проблем в партии. Это мероприятие также стало важным шагом вперед в деле усовершенствования идеологических и политических основ партийной программы «Мусавата».

На конференции по инициативе М.Э. Расулзаде были приняты «Новые программные основы» партии, которые по многим параметрам существенно отличались от прежней программы «Мусавата». В этом документе мусаватизм квалифицировался как «азербайджанский патриотизм, преданный идеалам свободы, республиканизма, национальной независимости и органически связанный с высокими идеалами общечеловеческой цивилизации и великой тюркской культуры»⁸⁹. Главной же целью партии объявлялось «избавление Азербайджана от русской оккупации и восстановление государственной независимости страны». При этом в «Новых программных основах» вновь подтверждалась приверженность партии к идее кавказского единства. В этом документе подчеркивалось, что «с целью достижения национальной независимости и ее дальнейшей защиты от многочисленных угроз Азербайджан должен добиться политического, военного и экономического объединения с другими республиками Кавказа на основании пакта о Кавказской конфедерации от 14 июля 1934 года»⁹⁰.

В соответствии с новыми реалиями были внесены кардинальные изменения в социальную политику партии. В отличие от прежней программы «Мусавата», которая не только признавала разделение общества на различные социальные классы и слои, но

⁸⁹ Milli Azərbaycan «Müsavat» Halk Firkasının Yeni Program Esasları. Varşava. 1936. S. 4.

⁹⁰ A.g.e. S. 5.

и определяла первоочередной задачей партии защиту интересов трудящихся классов, для «Новых программных основ» был характерен принципиально иной подход к данной проблеме. Основы новой социальной политики «Мусавата» были сформулированы в концепции Milli Təşəvüdü (национальной солидарности), разработанной М.Э. Расулзаде. Суть ее заключалась в достижении национального единства и солидарности в азербайджанском обществе. Учитывая специфические условия большевистской оккупации страны, М.Э. Расулзаде выдвинул задачу максимальной консолидации различных слоев азербайджанского общества в борьбе за национальную независимость путем «гармонизации интересов общества и индивидуума»⁹¹.

Тем самым руководством партии во главе с М.Э. Расулзаде был взят курс на трансформацию «Мусавата» «из национальной партии» в партию, «представляющую интересы всех слоев азербайджанской нации»⁹². Как подчеркивалось в «Новых программных основах», «мусаватизм, опираясь на национальное единство и солидарность, отвергает любую классовую и сословную власть».

В заключительный день работы партийной конференции в Варшаве был сформирован новый состав высшего руководящего органа «Мусавата» – Загранбюро, куда вошли М.Э. Расулзаде, М.Б. Мамедзаде, А. Азертекин, А. Джафароглу, Х. Мюнши, М. Исрафилов и Г. Зейналов⁹³. Характерно, что М.Э. Расулзаде даже в этой ситуации посчитал необходимым оставить двери партии открытыми для своих оппонентов. Так, по его инициативе было решено оставить вакантными в составе Загранбюро два места на тот случай, если его бывшие соратники изменят свою позицию и изъявят желание вернуться в ряды партии.

⁹¹ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917–1918 гг. С. 250.

⁹² Мамедзаде М.Б. Азербайджанское национальное движение. С. 211 (на азерб. яз.).

⁹³ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. С. 123.

В специальном решении конференции о тактике партии, принятом на основе доклада М.Э. Расулзаде, наряду с кавказским единством особое внимание в контексте борьбы с советским режимом уделялось укреплению и углублению сотрудничества политэмигрантов нерусской национальности в рамках движения «Прометей». Этот факт лишний раз доказывает, что в 30-е годы развитие «промеевского» движения было одним из приоритетных направлений деятельности М.Э. Расулзаде.

В этот период М.Э. Расулзаде плодотворно сотрудничал с журналом «Прометей», на страницах которого были опубликованы многие его статьи. В немалой степени это было обусловлено тем, что одним из главных вопросов, обсуждавшихся на страницах журнала, была идея создания Кавказской конфедерации, убежденным сторонником которой являлся М.Э. Расулзаде. Как отмечает А. Караджа, приверженцы этой идеи путем создания Кавказской конфедерации хотели превратить данный регион в «азиатскую Швейцарию»⁹⁴.

Как уже отмечалось, в середине 30-х годов XX века активистам «промеевского» движения приходилось вести трудную борьбу не только с советским режимом и его агентурой в европейских странах, но и определенными группировками внутри самой политэмиграции, которые не разделяли тактику «Прометей».

Начиная с 1934 года эти силы, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Кавказ», вели настоящую пропагандистскую войну против «промеевского» движения, одной из главных мишеней которой являлся М.Э. Расулзаде. Дело в том, что в состав антипромеевской группировки, возглавляемой бывшим министром Горской Республики Гейдаром Бамматом (Бамматовым), входили многие представители азербайджанской эмиграции правого толка – Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы, Ф. Амирджан, состоявшие в то время в оппозиции к М.Э. Расулзаде. Эти азербайджанские эмигранты использовали страницы

⁹⁴ *Karaca A. Kafkasiya Konfederasyonu Kafkasiya Cumhuriyetlerinin Emniyet Kalhanı Olabilir mi? // «Azerbaycan». 1995. № 305. S. 20.*

журнала «Кавказ» для дискредитации М.Э. Расулзаде и его политической линии.

Примечательно, что, несмотря на, мягко говоря, натянутые взаимоотношения, в стратегическом плане между представителями «прометеевского» движения и группировки Г. Баммата не было принципиальных разногласий, поскольку и те и другие придерживались непримиримой позиции в отношении советской власти. Расхождения же между ними были исключительно тактического плана. Так, М.Э. Расулзаде, как и другие представители «прометеевского» движения, был ярким сторонником формирования максимально широкой коалиции всех политэмигрантов из СССР, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Он считал создание подобной коалиции важнейшим условием успеха в борьбе с советским режимом. А их оппоненты из группировки Г. Баммата предлагали ограничить рамки этой коалиции только мусульманскими народами Кавказа.

Кроме того, М.Э. Расулзаде и другие прометеевцы планировали в антисоветской борьбе опираться в основном на морально-политическую и материальную поддержку европейских государств. Исходя из этого, они считали, что местопребыванием организаций азербайджанской эмиграции должны стать Польша и другие страны Европы. Между тем его оппоненты из группировки Г. Баммата – Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедов, игнорируя реалии, утверждали, что восстановление азербайджанской независимости, а также реализация идеи Кавказской конфедерации возможна лишь при поддержке Турции. В этой связи они предлагали перевести центр тяжести всей работы в данном направлении на территорию Турции, мотивируя это соображениями близости этой страны к Кавказу и Азербайджану. Правда, при этом они не исключали сотрудничества и с такими государствами, как Германия, Испания, Италия и Япония, где у власти в то время находились ультранационалистические силы. В значительной степени это было следствием идеологических предпочтений представителей правой азербайджанской политэмиграции, которые, будучи сторонниками пантюркист-

ских и панисламистских идей, придерживались радикально националистических позиций.

На этой почве они, используя возможности журнала «Кавказ», критиковали М.Э. Расулзаде и других «прометеевцев» за их приверженность к демократическим ценностям. Ближайший соратник Г. Баммата Али Кантемир, характеризуя деятельность журнала «Кавказ», отмечал, что «издание объявило войну прежде всего против Н. Жордании и грузинских социалистов, а также против М.Э. Расулзаде, партии «Мусават» и лидера северокавказской эмиграции, «прометеевца» Саида Шамиля»⁹⁵.

Правые азербайджанские эмигранты Ш. Рустамбейли и Н. Шейхзаманлы, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Кавказ», обвиняли М.Э. Расулзаде в том, что «он повернулся спиной к Турции»⁹⁶ и «предпочитает работать с украинцами, а не азербайджанцами»⁹⁷. При этом абсолютно игнорировался тот факт, что не только создание антибольшевистского эмигрантского блока под руководством Турции, но даже более или менее эффективная работа эмигрантских организаций на территории этой страны в 30-х годах была практически невозможна, поскольку турецкое правительство, не желая осложнения отношений с СССР, просто жестко пресекало любую подобную деятельность.

Например, не довольствуясь депортацией из страны многих видных деятелей азербайджанской эмиграции, включая М.Э. Расулзаде, Анкара в 1934 году по требованию советского правительства запретила даже доставку в Турцию номеров газеты «Истиглал», издающейся в Берлине. Между тем на территории Турции по-прежнему проживала значительная часть азербайджанских эмигрантов, которых нельзя было оставить без печатного издания. Данное обстоятельство, а также необходимость преодоления созданных турецким правительством искусственных препятствий на пути распространения азербайджанской

⁹⁵ *Mühlen Patrik fon Zur. Camali Haç ile Kızıl Yıldız Arasında. S. 23.*

⁹⁶ *Ибрагимли Х. Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 125.*

⁹⁷ *Şeyh zamanlı N. Biz ve Onlar. S. 139.*

эмигрантской прессы вынудили М.Э. Расулзаде в срочном порядке закрыть газету «Истиглал» и учредить в ноябре 1934 года в Берлине новый журнал – «Куртулуш»⁹⁸.

По иронии судьбы редакция журнала «Кавказ», пропагандировавшего идею тесного сотрудничества между кавказской эмиграцией и Турцией, находилась в Париже, а большинство его номеров печатались в Берлине. Несмотря на все реверансы в сторону Анкары, в конечном итоге в 1938 году по решению премьера Ататюрка – Исмета Инёню близкий друг Г. Баммата и один из главных авторов журнала «Кавказ» А. Кантемир и его сподвижники были депортированы из Турции. После данного решения турецкого президента сторонники Г. Баммата обосновались в Берлине, заняв открыто прогерманскую позицию⁹⁹.

Накануне Второй мировой войны аналогичной линии придерживались и представители азербайджанской политэмиграции правого толка – Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы, Ф. Амирджан и др.¹⁰⁰ Участие в будущей войне на стороне Германии они рассматривали как последнюю возможность восстановления утраченной независимости Азербайджана. Поэтому они охотно шли на контакты с немецкими представителями, активность которых после начала Второй мировой войны значительно возросла.

В отличие от правой азербайджанской политэмиграции накануне Второй мировой войны М.Э. Расулзаде и его соратники делали ставку на Польшу, которая, по их мнению, должна была стать главной опорой их борьбы за восстановление независимости Азербайджана. Немаловажное значение в подобном выборе имело то обстоятельство, что многие эмигрировавшие за границу после падения АДР в апреле 1920 года офицеры-азербайджанцы служили в польской армии, часть из них работала в Генштабе. Кроме того, азербайджанские эмигранты поддерживали связь

⁹⁸ Ягублу Н. История партии «Мусават». С. 198 (на азерб. яз.).

⁹⁹ Ибрагимли Х. Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 156.

¹⁰⁰ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 4.

со своими сторонниками в Азербайджане с помощью польских спецслужб. Учитывая, что поляки усиленно готовились к войне, азербайджанские эмигранты жили в ожидании того, чтобы выступить вместе с польской армией против СССР. Однако Вторая мировая война началась в 1939 году именно с захвата Польши со стороны Германии, что перечеркнуло все эти планы азербайджанской политэмиграции.

Естественно, что «прометеевцы» в начавшейся войне взяли сторону Польши и других стран Запада. Они выступили с обращением ко всем представителям нерусских народов СССР с призывом оказать сопротивление германо-советской коалиции. В редакционной статье последнего номера журнала «Ревю де Прометей» (8–9 апреля 1940 г.) им предлагалось «не выбирать между чумой и холерой, а взять за пример героическое сопротивление Финляндии»¹⁰¹.

Один из руководителей «прометеевского» движения Н. Жордания выступил с заявлением, в котором выражалось сомнение относительно того, что Германия, оккупирующая один за другим европейские государства, в состоянии возродить грузинскую независимость. В заявлении еще раз подтверждалась прежняя позиция «прометеевцев», и подчеркивалось, что «наша судьба и в прошлом, и в настоящем связана только с демократическими силами, уважающими чужую свободу»¹⁰².

С подобной позицией Н. Жордания был полностью солидарен и М.Э. Расулзаде, который еще в 1933 году, выражая свое негативное отношение к Гитлеру, обвинял его в игнорировании демократических принципов и установлении фашистской диктатуры в Германии¹⁰³.

Поэтому неудивительно, что после оккупации Польши немецкими войсками М.Э. Расулзаде уехал во Францию. Однако события развивались с такой калейдоскопической быстротой,

¹⁰¹ *Абуталыбов Р.* Годы и встречи в Париже. С. 68.

¹⁰² *Mühlen Patrik fon Zur.* Samali Haç ile Kızıl Yıldız Arasında. S. 37.

¹⁰³ *Ягублу Н.* Борьба за независимость Азербайджана и Мамед Эмин Расулзаде. Баку, 2001. С. 98.

что вскоре Франция сама столкнулась с реальной угрозой немецкого вторжения. В этой ситуации М.Э. Расулзаде решил перебраться в нейтральную Швейцарию. Правда, по приглашению руководителя польского правительства в изгнании, своего личного друга В. Сикорского через некоторое время М.Э. Расулзаде переезжает в Лондон. Однако и здесь он долго не задерживается. При появлении первых же симптомов сближения между Лондоном и Москвой М.Э. Расулзаде покидает Британские острова и продолжает свою деятельность в Бухаресте. Именно в румынской столице М.Э. Расулзаде проживает с небольшими перерывами практически до завершения Второй мировой войны.

По мере развертывания боевых действий на фронтах Второй мировой войны интенсифицируются попытки немецких властей превратить в своих союзников население национальных республик СССР в борьбе с большевиками. С этой целью 17 июля 1941 года в Германии создается министерство по делам оккупированных восточных областей, которое возглавил уроженец России Альфред Розенберг. Именно ему принадлежит идея образования национальных комитетов, своего рода правительств в изгнании, что делает обязательным налаживание отношений с политэмигрантами из СССР. Кроме того, в октябре–ноябре 1941 года Абвер (военная разведка и контрразведка Германии) начинает работу по формированию из советских военнопленных специальных частей – национальных легионов¹⁰⁴.

Как видно, немцы, пытаясь привлечь на свою сторону азербайджанцев и других советских мусульман, преследовали две цели – политическую и военную. В первом случае преследовалась цель показать миру, что на их стороне против большевизма воюют добровольцы из СССР, что весьма красноречиво говорит о несостоятельности советской идеологии. Во втором – предусматривалось восполнение немецких потерь в живой силе за счет бойцов, привлеченных «со стороны»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 6.

¹⁰⁵ Там же. С. 4.

Для осуществления этих целей немецкая верхушка начала заигрывать с представителями политэмиграции из СССР, в том числе с азербайджанскими эмигрантами. В отличие от правых азербайджанских политэмигрантов, в частности, группировки Ш. Рустамбейли – Х. Хасмамедова, которая не скрывала свою готовность идти на диалог с немецкими представителями, М.Э. Расулзаде занимал довольно осторожную позицию в этом вопросе. Это было обусловлено хорошей информированностью М.Э. Расулзаде об истинных замыслах нацистской верхушки. Так, с помощью своих соратников в Анкаре и Берлине ему удалось узнать, что, несмотря на всю словесную риторику, немцы даже в случае победы в войне с СССР не собираются восстанавливать государственную независимость кавказских народов, в том числе азербайджанцев¹⁰⁶. По этой причине М.Э. Расулзаде потерял всякий интерес к контактам с немецкими представителями.

Впрочем, ему так и не удалось остаться в стороне от этих процессов. Хотя среди азербайджанских политэмигрантов хватало лиц, готовых выполнять любые указания немецких представителей, последние пытались привлечь на свою сторону именно М.Э. Расулзаде, который был знаковой фигурой азербайджанской эмиграции. Первоначально складывалось впечатление, что им удалось добиться своей цели, поскольку, прибыв в 1942 году по приглашению немецкой стороны в Берлин, М.Э. Расулзаде после длительных переговоров дал согласие возглавить созданный в Берлине Азербайджанский национальный комитет¹⁰⁷.

Воспользовавшись заинтересованностью нацистской верхушки в сотрудничестве с ним, М.Э. Расулзаде в этот период удалось спасти жизнь и облегчить участь сотен азербайджанцев, попавших в плен к немцам на советском фронте. Так, в начале войны многих мусульман, в том числе азербайджанцев как «обрезанных» немцы принимали за евреев и расстреливали. После вмешательства М.Э. Расулзаде и других представителей эмигра-

¹⁰⁶ Ягублу Н. История партии «Мусават». С. 209.

¹⁰⁷ Оруджлу М. Деятельность партии «Мусават» в Азербайджане и эмиграции (1911–1992). С. 111.

ции массовые расстрелы на этом основании азербайджанских военнопленных были фактически прекращены. Кстати, эта акция помогла выжить и евреям – уроженцам Азербайджана, которые выдавали себя за азербайджанцев¹⁰⁸.

Однако взаимоотношения М.Э. Расулзаде с нацистской верхушкой так и не наладились, поскольку в ходе переговоров он продолжал гнуть свою линию, настаивая на том, чтобы Германия официально признала лозунг политической независимости Азербайджана. А к таким политическим заявлениям нацистская верхушка не была готова. И очень скоро немецкой стороне надоели разговоры о высоких материях, о независимости Азербайджана, которые продолжал вести М.Э. Расулзаде. Немцам были нужны сугубо прагматичные исполнители, готовые заниматься многообразными вопросами формирования и подготовки азербайджанских национальных легионов. Поэтому неудивительно, что на первые позиции в среде азербайджанской эмиграции вскоре выдвинулись политические оппоненты М.Э. Расулзаде – А. Атамалибеков, Ф. Амирджан и А. Фаталибейли-Дудангинский.

Безусловно, они выразили готовность к сотрудничеству с немцами не из любви к Гитлеру, в отношении которого не питали особых иллюзий, а из ненависти к Сталину и большевистскому тоталитарному режиму. Ими двигало чувство стремления к освобождению родного Азербайджана от большевистского ига. В этом отношении такое сотрудничество в значительной степени было вынужденным с их стороны шагом, продиктованным суровыми реалиями жизни. Ведь в тогдашних условиях именно Германия была единственной на мировой арене реальной силой, способной сокрушить советский режим. К тому же им удалось добиться освобождения многих тысяч азербайджанцев из лагерей для военнопленных в Германии.

Что же касается М.Э. Расулзаде, то осенью 1942 года, покинув Германию, он вновь вернулся в Бухарест. Правда, в 1943 году немецкие власти сделали еще одну, последнюю по счету попыт-

¹⁰⁸ *Абуталыбов Р.* Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 6.

ку, чтобы склонить М.Э. Расулзаде к сотрудничеству. Но, как следовало ожидать, и эта попытка, как и все предыдущие, оказалась безрезультатной. А выступление М.Э. Расулзаде в 1943 году перед азербайджанскими legionерами привело к полному разрыву всех контактов немецких властей с ним. В этом выступлении М.Э. Расулзаде призвал азербайджанских legionеров не поднимать оружие против народов, борющихся за свою свободу. При этом он открытым текстом заявил, что «Германия, отнявшая самостоятельную и свободную государственную жизнь многих народов и покончившая с их государственной независимостью, никогда не даст независимость Азербайджану, находящемуся под коммунистической оккупацией»¹⁰⁹.

После этого выступления М.Э. Расулзаде фактически был выдворен из Германии, что значительно ускорило выбор немецких властей, которые сделали окончательную ставку на группировку Х. Хасмамедова и представителей нового поколения азербайджанских эмигрантов в лице А. Фаталибейли-Дудангинского. Последний же очень быстро выдвинулся на первые роли, приняв в ноябре 1943 года руководство всеми азербайджанскими legionами.

С одной стороны, подобное развитие ситуации было в интересах М.Э. Расулзаде, поскольку позволяло избавиться от назойливых предложений нацистской верхушки о сотрудничестве. Но, с другой стороны, фактический отказ М.Э. Расулзаде следовать указаниям немецкой верхушки не предвещал ничего хорошего для него, хотя он формально и находился за пределами Германии – в румынской столице. В этой непростой ситуации его поддержал тогдашний турецкий посол в Румынии Хамдуллах Субхи Танрысевер, с которым М.Э. Расулзаде был знаком и имел дружеские отношения еще по совместной работе в 1911–1912 годах в «Тюркском кружке» в Стамбуле. В Бухаресте он находился под полным покровительством турецкого посольства¹¹⁰.

¹⁰⁹ «Kafkasya». 1952. № 9. S. 28.

¹¹⁰ Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 229 (на азерб. яз.).

Но очень скоро в связи с приближением советских войск к румынской границе М.Э. Расулзаде пришлось покинуть Бухарест. После краткого пребывания в Вене в отеле «Империял» он выехал в западную часть Германии, входящую в оккупационную зону западных союзников, и создал в Мюнхене новую организацию под названием «Азербайджанское демократическое единство». Главной целью этой организации было спасение азербайджанских военнопленных от выдачи их сталинскому режиму.

При капитуляции Германии в мае 1945 года в руках западных союзников находились около 28 тыс. азербайджанских добровольцев, воевавших в составе национальных легионов¹¹¹. Общее же количество азербайджанских военнопленных приближалось к 150 тыс. человек¹¹². Многие из них искренне радовались окончанию войны и жили с надеждой на скорейшую встречу со своими родными и близкими на родине. Однако М.Э. Расулзаде, прекрасно знающий характер Сталина, понимал, что на родине их встретят отнюдь не с раскрытыми объятиями, поскольку для «отца народов» все военнопленные были «предателями» и «врагами народа». Чтобы спасти их от новых нечеловеческих лишений и унижений, возглавляемое М.Э. Расулзаде «Азербайджанское демократическое единство» пыталось уговорить азербайджанских военнопленных отказаться от подобного опрометчивого шага.

В связи с этим «Азербайджанское демократическое единство» в 1946 году даже выступило со специальным обращением. В нем содержался призыв к азербайджанским военнопленным перебороть в себе ностальгию о родине, остаться на Западе, чтобы продолжить борьбу за независимость Азербайджана, которую «старшее поколение ведет в течение последних 26 лет»¹¹³.

Однако ситуация осложнялась тем, что одно желание военнопленных остаться на Западе еще ничего не решало, поскольку

¹¹¹ *Абутальбов Р.* Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 16.

¹¹² *Оруджлу М.* Деятельность партии «Мусават» в Азербайджане и эмиграции (1911–1992). С. 110.

¹¹³ *Ягублу Н.* Мамед Эмин Расулзаде. С. 231.

на Ялтинской конференции между США, Великобританией и СССР была достигнута договоренность о взаимном возвращении всех военнопленных и насильственно перемещенных лиц¹¹⁴. И, следуя букве данного соглашения, западные союзники после окончания Второй мировой войны в массовом порядке начали возвращать военнопленных в СССР, игнорируя тот факт, что многих из них они отправляли на верную смерть. Причем не желающих вернуться в СССР зачастую в насильственном порядке передавали представителям советских оккупационных властей в Германии.

Несмотря на все эти сложности и существующую угрозу в любую минуту быть переданным советским властям, М.Э. Расулзаде и его соратникам удалось спасти хотя бы часть азербайджанских военнопленных, которые при их содействии были размещены в различных странах Европы. Благодаря их усилиям примерно 1000 азербайджанским военнопленным удалось получить убежище в различных странах Европы.

По информации М. Кенгерли, М.Э. Расулзаде также обратился за помощью в этом вопросе к находившемуся в то время в Германии египетскому королю Фаруку, который согласился взять с собой в Египет примерно 600 азербайджанцев¹¹⁵.

В тогдашних условиях, когда после завершения Второй мировой войны сталинский режим находился в зените своего могущества, шансы на восстановление азербайджанской независимости казались просто иллюзорными. Тем не менее, невзирая ни на что, М.Э. Расулзаде упорно продолжал свою борьбу за азербайджанский идеал. В 1947 году с целью ознакомления нового поколения азербайджанских эмигрантов с объективной историей родины он пишет и издает в Мюнхене книгу «История Азербайджана». Книга распространяется среди азербайджанских эмигрантов, обосновавшихся в различных европейских странах.

¹¹⁴ См.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) М., 1984. С. 264–279.

¹¹⁵ «Азадлыг». 1996. 9 мая (на азерб. яз.).

Между тем уже в начале 1945 года появляются первые признаки серьезного охлаждения в советско-турецких отношениях. Так, не дожидаясь окончания Второй мировой войны, министр иностранных дел СССР В. Молотов 19 марта 1945 года делает заявление о денонсации советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 1925 года¹¹⁶. Вслед за этим Москва выступает с территориальными претензиями к Турции, потребовав возвращения Карса и Ардагана. Причем формально инициатива возвращения этих территорий исходила не от Москвы, а от властей Грузинской и Армянской ССР.

Усиление военно-дипломатического давления Москвы на Анкару привело к изменению отношения правительства Турции к азербайджанским эмигрантам. Это создало условия для возвращения в Турцию лидеров азербайджанской политэмиграции. Официальное же решение турецкого правительства по этому поводу было принято в сентябре 1947 года и в конце того же года М.Э. Расулзаде после 16-летнего расставания снова вернулся в Турцию.

§ 3. Возвращение М.Э. Расулзаде в Турцию. Заключительный период его деятельности в эмиграции

По возвращении в Турцию в 1947 году М.Э. Расулзаде пришлось практически с нуля начинать организационное оформление азербайджанской политэмиграции. Причем это приходилось делать в достаточно сложных условиях. Несмотря на значительное обострение отношений между Москвой и Анкарой, а также фактическое начало «холодной войны» после знаменитой речи У. Черчилля, произнесенной 5 марта 1946 года в американском Фултонском университете, отношение турецких властей к азербайджанским эмигрантам по-прежнему было довольно настроженным.

¹¹⁶ Дипломатический словарь. Т. 3. С. 314.

Не случайно, что лишь в 1948 году усилиями М.Э. Расулзаде и его соратников удалось добиться официального разрешения Анкары на размещение в Турции азербайджанских военнопленных, скитавшихся до этого по Италии, Франции, Швейцарии и другим странам Европы. В общей сложности в 1948 году из европейских стран в Турцию прибыло примерно 3700 азербайджанских военнопленных, значительную часть которых составляли бывшие легионеры¹¹⁷.

М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал необходимость объединения этих людей вокруг единой организации. При этом он осознавал невозможность создания в тогдашних условиях организации с явно политической направленностью, поскольку подобная деятельность азербайджанских эмигрантов, мягко говоря, не одобрялась турецкими властями. Это, несомненно, препятствовало развертыванию полномасштабной политической деятельности М.Э. Расулзаде в Турции.

Кроме того, представители новой волны азербайджанской эмиграции из числа бывших военнопленных, выросших и воспитанных в условиях советского режима, абсолютно не были осведомлены об истинной истории своей Родины, о славных страницах освободительной борьбы азербайджанских тюрок, в частности о событиях 1918–1920 годов. Все это требовало проведения среди них усиленной культурно-просветительской работы.

Учитывая эти факторы, М.Э. Расулзаде решил начать свою деятельность в Турции с создания сугубо культурной организации. 1 февраля 1949 года состоялось учредительное заседание Азербайджанского культурного общества – АКО (*Azərbaycan Kültür Dərnəgi*), на котором М.Э. Расулзаде был избран почетным председателем организации. В Уставе организации особо подчеркивалось, что АКО не занимается политикой, а его основными задачами являются: исследование и пропаганда азербайджанской культуры и истории, издание книг, журналов и газет по этой проблематике, организация культурных мероприятий, а

¹¹⁷ *Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 233 (на азерб. яз.).*

также оказание материальной и моральной поддержки нуждающимся азербайджанским эмигрантам¹¹⁸.

В этот период М.Э. Расулзаде вплотную занимается и творческой деятельностью, продолжая свои литературоведческие, культурологические и исторические исследования, результатом которых стали изданные в конце 40-х – начале 50-х годов работы: «Венки азербайджанской культуры» («Azerbaycan Kültür Çelenekleri»), «Современная азербайджанская литература» («Çağdaş Azərbaycan Edebiyyatı») и «Современная азербайджанская история» («Çağdaş Azərbaycan Tarihi»)¹¹⁹. Последняя работа отличается оригинальным подходом автора к творчеству известных азербайджанских поэтов и писателей XX века. Анализируя творчество Ахмеда Джавада, Гусейна Джавида, Джафара Джаббарлы и других современных азербайджанских литераторов, М.Э. Расулзаде в этой работе раскрывает подстрочный смысл многих их высказываний. На основании многочисленных примеров из их произведений он доказывает приверженность этих выдающихся представителей современной литературы Азербайджана к идеалам национальной независимости и свободы.

В этот период М.Э. Расулзаде повторно обращается к творчеству великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Фундаментальная монография М.Э. Расулзаде о Низами в основном была завершена к 1941 году, когда отмечался 800-летний юбилей поэта. Но из-за трудностей военного времени монографию не удалось своевременно опубликовать. Впрочем, эта задержка позволила автору в конце 40-х годов значительно усовершенствовать и доработать монографию, которая издается в 1951 году¹²⁰.

По мнению специалистов, эти литературоведческие работы М.Э. Расулзаде не потеряли свою научную значимость и по прошествии многих десятилетий, более того, и в наши дни остаются наиболее ценными работами в данной области. В связи с этим

¹¹⁸ Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 234–235 (на азерб. яз.).

¹¹⁹ Resulzade M.E. Azərbaycan Kültür Çelenekleri. Ankara, 1949; Çağdaş Azərbaycan Edebiyatı. Ankara, 1950; Çağdaş Azərbaycan Tarihi. Ankara, 1951.

¹²⁰ Resulzade M.E. Azərbaycan Şairi Nizami. Ankara, 1951.

некоторые исследователи даже утверждают, что М.Э. Расулзаде как литературовед и культуролог стоит намного выше политика¹²¹. Безусловно, в этих высказываниях есть значительная доля правды, поскольку, как известно, гениальный человек гениален во всем. Не отрицая заслуг М.Э. Расулзаде в области литературоведения и культурологии и отдавая должное подобным лестным оценкам в его адрес, все же необходимо учесть, что он вошел в азербайджанскую историю прежде всего как политик, являющийся основателем современной азербайджанской государственности.

И как бы М.Э. Расулзаде ни пытался в конце 40-х годов заполнить вынужденный перерыв в политической деятельности научными изысканиями, было очевидно, что так не могло долго продолжаться. Да он никогда и не оставался вне политики, невзирая на все запреты и предупреждения турецких властей. Тем более что и международная ситуация постепенно начала меняться в благоприятном направлении для политэмигрантов из СССР. По мере обострения «холодной войны» ведущие западные державы вновь начали уделять пристальное внимание национальным проблемам в СССР, рассматривая их в качестве важнейшего средства борьбы с советским режимом. Это способствовало росту интереса влиятельных кругов Запада к политэмигрантам из СССР и их организациям.

Проявлением этого интереса стало создание 18 января 1951 года Американского комитета за свободу народов СССР (American Committee for Freedom for the Peoples of the USSR). Данная организация, переименованная в марте 1953 года в Американский комитет освобождения от большевизма, имела своей целью объединение и координацию действий политических сил эмиграции из СССР в борьбе против тоталитарного коммунистического режима. У истоков комитета стояли И. Дон-Левин, Р. Келли и С. Вильямс¹²². Активное участие в работе комитета принимали

¹²¹ См.: *Исаханлы Г. Младший* из «большой пятерки» // Азербайджанская Демократическая Республика. Сборник статей. С. 65.

¹²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 10015, оп. 1, д. 888, л. 120.

такие известные люди, как писатель Вильям Уайт, профессора Гарвардского университета Вильям Элиот и автор многих книг о советском режиме Вильям Чемберлен, бывший посол США в Москве адмирал Алан Керк и др.

Правда, в начальный период деятельности Американского комитета наблюдалось явно пренебрежительное отношение этой организации к нерусской политэмиграции из СССР. Дело в том, что среди представителей политической и интеллектуальной элиты западных стран не было единого мнения в отношении перспектив государственного устройства СССР после падения коммунистического режима. Более того, многие влиятельные круги Запада, учитывая наличие ядерного потенциала у СССР, в начале 50-х годов ратовали за сохранение государственного единства этой страны и в посткоммунистический период. Поэтому они выступали против автоматического признания права нерусских народов СССР на самоопределение и создания на ее развалинах отдельных независимых национальных государств. Подобные взгляды на посткоммунистическую перспективу СССР имели довольно широкую поддержку и в общественном мнении западных государств, в первую очередь США. Немалую роль в этом сыграла и активная пропагандистская работа проживающих в США лидеров русской эмиграции – А. Керенского и С. Мельгунова. Хотя ради справедливости следует отметить, что были и влиятельные силы, выступавшие за более действенную поддержку национальных устремлений поработанных народов СССР.

Борьба в американских общественных и политических кругах этих двух противоположных тенденций – а) ставки на национальные противоречия и поддержки нерусских национальных организаций и б) ставки на сохранение единства СССР – отражалась и в деятельности Американского комитета. На начальном этапе полностью возобладала и победила вторая тенденция. В начале 50-х годов Американский комитет, игнорируя освободительную борьбу нерусских народов СССР, в основном занимался финансированием и поддержкой русских эмигрантских органи-

заций. В целях объединения русской политэмиграции при содействии Американского комитета в 1951 году были проведены две конференции – в январе в Фюссене и в августе в Штутгарте¹²³.

Собравшиеся в западногерманском городе Фюссене представители Лиги борьбы за свободную Россию, Союза борьбы за свободу России, СБОНР и НТС приняли решение о создании общего координационного центра всей русской эмиграции – Совета освобождения народов России. В Фюссене были также сформулированы основные принципы политики русской эмиграции в отношении эмигрантских организаций, представляющих интересы нерусских наций СССР. Так, любое сотрудничество с нерусскими эмигрантскими организациями жестко увязывалось с требованием признания с их стороны принципа «единства и неделимости России»¹²⁴.

Развивая фюссенские договоренности, участники совещания русских политических организаций в Штутгарте в августе 1951 года объявили о создании исполнительного органа Совета освобождения народов России (СОНР) – Бюро, призванного наладить сотрудничество с нерусскими эмигрантскими организациями. При этом вновь была подтверждена прежняя позиция русской эмиграции относительно «нецелесообразности расчленения и балканизации территории России». Взамен же за признание принципа «территориального единства России» Штутгартская конференция обещала представителям национальных организаций лишь предоставление нерусским народам СССР права на национально-культурную автономию¹²⁵.

Очевидно, что подобное предложение было неприемлемо для представителей тех наций, которые в 1918–1921 годах уже имели

¹²³ Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // «Новый исторический вестник». 2004. № 1. С. 55.

¹²⁴ Ибрагимли Х. Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 201 (на азерб. яз.).

¹²⁵ Там же.

свои независимые государства, де-факто признанные со стороны европейских государств и США. Поэтому Национальный центр Азербайджана, созданный в 1924 году в Стамбуле под руководством М.Э. Расулзаде, не участвовал ни в этих переговорах, ни в последующих сборищах СОНР. Представители нерусской политэмиграции из СССР, следовавшие курсу восстановления потерянной в результате большевистской экспансии национальной независимости, подвергли жесткой критике подобную позицию Американского комитета, потворствовавшего сторонникам идеи «единой и неделимой России».

Среди активных критиков политики Американского комитета находился и М.Э. Расулзаде. В этот период он не устал высказывать в письменной и организационной форме протесты русской эмиграции, вынашивавшей идею построения в СССР после возможного развала красной империи унитарного государства, а также их спонсорам в лице Американского комитета. В знак протеста против подобных действий Американского комитета, фактически игнорировавшего интересы нерусских наций СССР, М.Э. Расулзаде в 1951–1952 годах дважды отказывался от приглашений руководителя этой организации И. Дон-Левина посетить Италию и Германию с целью обсуждения вопросов налаживания сотрудничества между сторонами¹²⁶.

Однако среди представителей эмигрантских организаций нерусских народов СССР все же нашлись люди и группировки, согласившиеся на сотрудничество с СОНР. В этом отношении не составляла исключение и азербайджанская политэмиграция. Так, различными посулами и обещаниями Американскому комитету удалось привлечь к сотрудничеству с СОНР созданный А. Фаталибейли-Дудангинским в 1943 году в Берлине Меджлис национального единства Азербайджана.

От имени этой организации азербайджанские политэмигранты Дж. Гаджибеков, А. Шейхульисламов и И. Акбер подписали так называемую Висбаденскую декларацию. Данный документ,

¹²⁶ Справочник партии «Мусават». Баку, 1994. С. 29 (на азерб. яз.)

принятый в ноябре 1951 года в Висбадене на конференции с участием русских и некоторых национальных эмигрантских организаций, фактически предусматривал восстановление Российской империи в границах 1914 года, за исключением Польши и стран Балтии. Представителям остальных поработанных народов СССР было отказано в праве на самоопределение и независимое государственное существование. Им предлагалось решать свои национальные проблемы в рамках «единой и неделимой России»¹²⁷.

Следует отметить, что неприятие любых проявлений оппортунизма и приспособленчества было одним из характерных черт М.Э. Расулзаде. Так, друг его молодости, впоследствии ставший председателем иранского парламента, С.Г. Тагизаде отмечал, что при любых жизненных обстоятельствах М.Э. Расулзаде «был предан своим убеждениям и будучи султаном без короны в бакинском правительстве, и в дни, когда в Стамбуле ему приходилось как-то просуществовать за одну лиру в месяц»¹²⁸.

Поэтому подобный конформизм А. Фаталибейли-Дудангинского и его соратников вызвал у М.Э. Расулзаде сначала недоумение и удивление, а затем негодование и протест. Ему было трудно смириться с мыслью, что под документом, отражающим позицию шовинистических кругов русской эмиграции и, по сути, отвергающим идею азербайджанской независимости, подписались люди, которые действительно имели немалые заслуги в освободительной борьбе азербайджанских тюрок. По мнению М.Э. Расулзаде, Висбаденская декларация, предусматривавшая фактически восстановление Российской империи, борьбу за азербайджанскую независимость превращала из международной проблемы в чисто внутрироссийскую проблему. Исходя из этого, он расценил действия сторонников А. Фаталибейли-Дудангинского как предательство в отношении идеала азербайджанской независимости.

По инициативе М.Э. Расулзаде 21 ноября 1951 года в Анкаре состоялось собрание азербайджанских политэмигрантов,

¹²⁷ Ягублу Н. Борьба за независимость Азербайджана и Мамед Эмин Расулзаде. Баку, 2001. С. 110.

¹²⁸ Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 234.

выступившее с осуждением действий А. Фаталибейли-Дудангинского. В решении собрания подчеркивалось, что Меджлис национального единства Азербайджана не имеет никаких полномочий выступать от имени азербайджанского народа и подписывать подобные документы, игнорирующие политические реалии 1918–1920 годов¹²⁹. Аналогичные решения принимались и на собраниях азербайджанских политэмигрантов, состоявшихся в то время в различных городах Турции и европейских государств.

В целом позиция М.Э. Расулзаде в отношении Висбаденской декларации была поддержана большинством азербайджанской политэмиграции. Примечательно, что даже такие представители азербайджанской эмиграции, как Н. Шейхзаманлы и Ф. Амирджан, имевшие весьма натянутые отношения с М.Э. Расулзаде, выступили на страницах печати с резкой критикой решений Висбаденской конференции¹³⁰.

Хотя подписавшие Висбаденскую декларацию азербайджанские эмигранты проигнорировали эту критику, но последующие события подтвердили правоту М.Э. Расулзаде. Правда, после длительных переговоров и дебатов, продолжавшихся около года, участникам Висбаденской конференции удалось наконец-то 16 октября 1952 года создать Координационный центр антибольшевистской борьбы, в состав которого также вошли представители Меджлиса национального единства Азербайджана – Дж. Гаджибейли и И. Акбер. Однако деятельность Координационного центра антибольшевистской борьбы была недолгой, поскольку вскоре обнаружились серьезные расхождения между русскими организациями и нерусскими комитетами. И уже в сентябре 1953 года Координационный центр окончательно распался¹³¹. А с убийством А. Фаталибейли-Дудангинского в 1954 году прекратил свое существование и Меджлис национального единства Азербайджана.

¹²⁹ «Azerbaijan». 1991. № 282. S. 125.

¹³⁰ *Ибрагимли Х.* Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 203 (на азерб. яз.).

¹³¹ Там же. С. 212.

Как и следовало ожидать, отчаянные усилия русской политэмиграции по сколачиванию общего антибольшевистского центра на базе лозунга «единой и неделимой России» дали обратный эффект. Они в немалой степени способствовали оживлению деятельности национальных эмигрантских организаций, стоявших на позиции самоопределения народов СССР и их права на государственную независимость. С целью нейтрализации действий шовинистически настроенных кругов русской политэмиграции мусаватисты усилили свою деятельность в рамках Антибольшевистского блока народов, который стоял в оппозиции к СОНР, проповедовавший идею «единой и неделимой России».

В ответ на принятие Висбаденской декларации в конце ноября 1951 года в Мюнхене была созвана конференция Антибольшевистского блока народов. В ее работе принимали участие представители политэмиграции из стран Восточной Европы, Кавказа и Туркестана. Азербайджанскую эмиграцию в этом мероприятии представлял руководимый М.Э. Расулзаде Национальный центр Азербайджана. В принятом по итогам обсуждений заключительном документе конференции содержался призыв к мировой общественности поддержать освободительную борьбу народов Восточной Европы, Кавказа (Азербайджана, Грузии, Армении и Северного Кавказа), Украины, Белоруссии, Идель-Урала, Казахстана, Крыма и Туркестана. Как подчеркивалось в документе, «Российская империя, трансформировавшаяся в форму Советского Союза, будучи пережитком прошлого, насильственно удерживает народы под оккупацией, препятствуя их независимости»¹³². В итоговом решении конференции подтверждалась решимость национальных организаций Азербайджана, Армении, Грузии, Северного Кавказа, Белоруссии, Идель-Урала, Казахстана, Крыма, Туркестана и Украины добиться своей независимости и войти в состав свободных народов мира¹³³. От имени Национального центра Азербайджана этот документ подписал М. Кенгерли – один из ближайших соратников М.Э. Расулзаде.

¹³² Ягублу Н. История партии «Мусават». С. 235.

¹³³ Там же. С. 234.

Не ограничившись координацией действий различных эмигрантских организаций, М.Э. Расулзаде пытается создать единую коалицию нерусской, и в первую очередь кавказской, политэмиграции. И ему удалось совместно с грузинскими и северокавказскими политэмигрантами провести с 11 по 16 декабря 1952 года в Мюнхене Общекавказскую конференцию. В этом мероприятии азербайджанскую эмиграцию представлял Национальный центр Азербайджана (руководитель – М.Э. Расулзаде), грузинскую – Национально-политический центр (руководитель – Р. Габашвили), а северокавказскую – Национальный комитет (руководитель – А. Магома). Примечательно, что все эти организации руководствовались в своей деятельности основными положениями пакта о создании Конфедерации Кавказских Республик от 1934 года.

В этой связи неудивительно, что главным вопросом повестки дня конференции в Мюнхене было обсуждение и принятие программы совместных действий в борьбе за восстановление независимости республик Кавказа, оккупированных в 1920–1921 годах большевиками. Выступая с речью на конференции, М.Э. Расулзаде особое внимание обратил на то обстоятельство, что в данный момент Кавказской эмиграции приходится вести борьбу одновременно на двух фронтах – «против коммунистической доктрины большевиков и русского империализма в лице их эмигрантских организаций». Затронув принцип самоопределения, М.Э. Расулзаде ясно дал понять, что при реализации этого естественного права кавказские народы не собираются следовать указаниям А. Керенского и его окружения. Он напомнил господам керенским и их покровителям, что кавказские народы окончательно решили этот вопрос еще в 1918 году, высказавшись за государственную независимость, которая была признана мировыми державами. «И никому не дано право поставить под вопрос тогдашний выбор. Нельзя повернуть вспять колесо истории», – резюмировал М.Э. Расулзаде¹³⁴.

¹³⁴ *Ибрагимли Х.* Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 212 (на азерб. яз.).

В заключение конференции ее участники сформировали Комитет независимости Кавказа с полномочиями представлять национальные движения народов региона за рубежом. С целью усиления общего антибольшевистского фронта данному комитету также было поручено усилить сотрудничество с национальными эмигрантскими организациями народов Восточной Европы, Украины, Туркестана и др.¹³⁵

Президиум конференции в составе М.Э. Расулзаде, Р. Габашвили и А. Магомы принял также специальный документ, в котором была выражена позиция Комитета независимости Кавказа в отношении Координационного центра антибольшевистской борьбы, созданного по инициативе А. Керенского и С. Мельгунова. В документе осуждалась деятельность данного центра и подчеркивалась невозможность сотрудничества с ним, так как он отказывался безоговорочно признать независимость республик Кавказа¹³⁶.

Между тем протесты национальных эмигрантских организаций, а также осознание того очевидного факта, что на базе идеи «единой и неделимой России» невозможно консолидировать политэмиграцию из СССР в борьбе с советским режимом, привели к серьезным изменениям в позиции администрации США, в политике которой постепенно начал возобладать курс на поддержку нерусских организаций. И к середине 50-х годов полностью победила линия, предусматривавшая создание независимых национальных государств на развалинах СССР. В соответствии с этим курсом американское правительство и учреждения, курирующие эмигрантские организации, стали более активно поддерживать и финансировать структуры, выступавшие за восстановление независимых государств на Кавказе¹³⁷.

Важным подспорьем в деятельности эмигрантских организаций стало создание Американским комитетом радио «Свобода»,

¹³⁵ *Ибрагимли Х.* Азербайджанская политическая эмиграция (1920–1991). С. 210–211 (на азерб. яз.).

¹³⁶ Там же. С. 211.

¹³⁷ *Пять лет Института по изучению истории и культуры СССР (1950–1955)*, Мюнхен, 1955. С. 3.

вещание которого на национальных языках СССР, в том числе и на азербайджанском языке, началось 1 марта 1953 года. По иронии судьбы через три дня после того, как в эфире прозвучал голос радио «Свобода», у Сталина случилось кровоизлияние в мозг, и вскоре он скончался. В своих передачах азербайджанская редакция радио «Свобода» ставила вопросы предоставления народу Азербайджана гражданских, политических, национальных и религиозных свобод, соблюдения принципов свободы слова и печати. Правда, в первые годы деятельности азербайджанской редакции радио «Свобода» ее возглавляли представители эмиграции, стоявшие в оппозиции к М.Э. Расулзаде. Тем не менее эфир радиостанции был открыт и для сторонников М.Э. Расулзаде.

Другим важным событием, оказавшим значительное влияние на деятельность эмиграции, стали серьезные перестановки в Институте по изучению истории и культуры СССР, основанном в Мюнхене 8 июля 1950 года. В начальный период его деятельности в нем полностью доминировали представители русской эмиграции, которые трактовали все процессы и события, происходящие в СССР и вокруг него, исходя из своих интересов. Это вызывало естественное недовольство нерусской политэмиграции из СССР, поскольку их национальные проблемы в лучшем случае оставались вне поля зрения сотрудников института.

Поэтому было принято решение о реорганизации института путем введения в его состав представителей нерусской политэмиграции из СССР. Процесс этот начался в 1954 году и полностью завершился спустя год. Подобная реорганизация позволила азербайджанским эмигрантам активно участвовать в деятельности института. В частности, с 1954 года в институте работал, и даже занимал руководящие посты в нем, один из ближайших соратников М.Э. Расулзаде – М.Б. Мамедзаде¹³⁸.

Создание радиостанции «Свобода», а также реорганизация Института по изучению истории и культуры СССР расширили пропагандистские возможности азербайджанской политэми-

¹³⁸ Ягублу Н. История партии «Мусават». С. 245.

грации. Это способствовало значительному оживлению ее деятельности. В частности, в 1953 году М.Э. Расулзаде осуществил реорганизацию Национального центра Азербайджана, внедрив в состав его руководящих органов представителей молодого поколения политэмиграции¹³⁹.

А за год до этого М.Э. Расулзаде удалось наладить издание печатного органа Азербайджанского культурного общества – журнала «Азербайджан», на страницах которого публиковались материалы по истории, литературе, культуре и искусству Азербайджана, а также работы, посвященные национально-освободительной борьбе азербайджанских тюрок. На обложке первого номера журнала, вышедшего в свет 1 апреля 1952 года, была напечатана карта Азербайджанской Демократической Республики, что было весьма символично. Ведь главной целью издателей и авторов журнала было восстановление независимого Азербайджанского государства 1918–1920 годов.

В начале 50-х годов наблюдалось значительное оживление и в деятельности партии «Мусават». С помощью своих местных организаций в Стамбуле и Анкаре партия проводила интенсивную работу среди второй волны азербайджанских эмигрантов, прибывших в Турцию уже после Второй мировой войны. С целью воспитания их в национальном духе партия «Мусават» в эти годы организовывала многочисленные конференции, семинары и другие мероприятия, приуроченные к знаменательным датам истории Азербайджана – провозглашению государственной независимости в 1918 году, признанию де-факто в 1920 году азербайджанской независимости мировыми державами и т.д.

В этот период партия «Мусават» плодотворно сотрудничает и с Американским комитетом. В 1953 году по приглашению этой организации М.Э. Расулзаде отправляется с визитом в США, где в эфире радиостанции «Голос Америки» выступает с обращением к азербайджанскому народу в связи с 35-й годовщиной

¹³⁹ *Оруджлу М.* Деятельность партии «Мусават» в Азербайджане и эмиграции (1911–1992). С. 113 (на азерб. яз.).

провозглашения независимости Азербайджана. В своем обращении, напомнив о славных страницах азербайджанской истории, в частности о факте героического сопротивления Джавад хана царским войскам при обороне Гянджи в 1804 году, М.Э. Расулзаде призывает своих соотечественников не отчаиваться, поскольку «рано или поздно правда восторжествует и победа будет за силами, которые опираются на идеалы свободы, принципы ООН и права человека».

М.Э. Расулзаде ни на минуту не сомневался в том, что, несмотря на все усилия «оккупационной советской власти разложить национальный дух азербайджанских тюрков, в очередном этапе истории, наступление которого не за горами», Азербайджан вновь обретет независимость. Как он убеждал своих слушателей, «солнце победы взойдет и в нашей прекрасной Родине, ныне изнывающей под игом красного деспотизма, и вновь утвердятся идеалы 28 мая 1918 года. В этом не сомневайтесь, граждане!»

Осенью 1954 года прибывший с визитом в Турцию новый руководитель Американского комитета профессор Кунехолм, встретившись с лидером «Мусавата» М.Э. Расулзаде, заявил о поддержке партии в ее трудной борьбе за восстановление государственной независимости Азербайджана. Кунехолм также подчеркнул готовность возглавляемой им организации на расширение и углубление сотрудничества с партией «Мусават» в борьбе против общего врага – тоталитарного режима в СССР¹⁴⁰.

Несмотря на эти позитивные изменения, благоприятствующие деятельности азербайджанской эмиграции, М.Э. Расулзаде никогда не довольствовался достигнутым. В этом отношении ему всегда были чужды шапкозакидательские настроения. Поэтому он не разделял чрезмерный оптимизм немалой части эмиграции, которая, поддаваясь эмоциям, восприняла смерть Сталина в марте 1953 года как предзнаменование скорейшего краха советской империи. М.Э. Расулзаде прекрасно понимал, что смерть «величайшего диктатора всех времен и народов» не приведет к

¹⁴⁰ Справочник партии «Мусават». С. 30 (на азерб. яз.).

автоматическому краху советской системы, поскольку она была еще в расцвете своих сил. В этом отношении смерть Сталина еще не означала развал созданной им системы и не могла оказывать решающего влияния на исход жестокой битвы, которую в тяжелых условиях вела азербайджанская политэмиграция. Исходя из этого, М.Э. Расулзаде предостерегал своих товарищей от неоправданного оптимизма, призывая их готовиться к длительной и изнурительной борьбе во имя торжества азербайджанского идеала.

Однако, осознавая все трудности на этом пути, М.Э. Расулзаде вместе с тем нисколько не сомневался в окончательной победе азербайджанского идеала. В подобном же духе он стремился воспитывать молодое поколение азербайджанских эмигрантов. А это было отнюдь не простым делом, поскольку в поствоенный период советский режим находился в зените своей славы. И даже самые влиятельные государства мира вынуждены были считаться с этим фактом, что нередко приводило к унынию и безысходности среди определенной части азербайджанской политэмиграции. Поэтому первоочередной задачей, стоявшей перед М.Э. Расулзаде, было сохранение среди политэмигрантов веры и надежды на неизбежность торжества азербайджанского идеала.

И в целом М.Э. Расулзаде и его соратникам удалось справиться с этой задачей. Свидетельством тому является письмо, направленное из далекой Аргентины в адрес М.Э. Расулзаде азербайджанскими эмигрантами, бывшими legionерами Вели Ядигаром и Мусой Юсифзаде. Авторы письма, датированного 1954 годом, поздравляя М.Э. Расулзаде с 70-летним юбилеем, одновременно выражали твердую убежденность «в скорейшем освобождении Азербайджана и всего Кавказа от ига империалистической России». Письмо заканчивалось следующими словами: «Мы обещаем Вам, что до последней капли крови будем верны борьбе за свободу и независимость нашей Родины – Азербайджана и всего Кавказа, которую Вы ведете, уважаемый Эмин бей!»¹⁴¹

¹⁴¹ Ягублу Н. Мамед Эмин Расулзаде. С. 246–247 (на азерб. яз.).

Между тем трудности и лишения эмигрантской жизни не могли пройти бесследно для здоровья М.Э. Расулзаде. В течение последних 30 лет своей жизни он страдал диабетом. Болезнь все чаще давала о себе знать и в конце января 1955 года, после очередного кризиса, его пришлось поместить в клинику университета Анкары. Однако усилия врачей оказались тщетными, вечером 6 марта 1955 года в 22.45 навсегда остановилось сердце М.Э. Расулзаде – одного из самых величайших личностей не только современной азербайджанской, но и всей многовековой истории тюркского мира. С его смертью завершилась целая эпоха в истории азербайджанских тюрков, вершиной которой, несомненно, является 28 мая 1918 года. Эту дату с полным основанием можно считать днем рождения современной государственности Азербайджана.

Ровно через сутки, 7 марта 1955 года в 22.45, весть о кончине М.Э. Расулзаде радио Анкары распространило на весь мир. В тот же день состоялись похороны М.Э. Расулзаде, в которых участвовали многочисленные представители политэмигрантов не только из СССР, но и из стран Восточной Европы. В траурных мероприятиях, в частности, принимали участие основатель башкирской национальной государственности Зеки Валиди Тоган, выдающиеся татарские деятели Садри Максуди и Абдулла Таймас, лидеры северокавказской и туркестанской эмиграции Саид Шамиль и Тахир Джыгатай, представители польских и грузинских политических кругов в изгнании и т.д.¹⁴² М.Э. Расулзаде был похоронен на кладбище Асри в Анкаре.

В те дни в турецких и иранских газетах были опубликованы десятки некрологов по поводу кончины М.Э. Расулзаде, в которых его заслуженно называли «знаменем национально-освободительной борьбы Азербайджана». На смерть своего старого друга отреагировал и бывший председатель иранского парламента С.Г. Тагизаде, который на страницах тегеранского журнала «Сухен» писал: «Без преувеличения можно сказать, что Расулзаде

¹⁴² *Ализаде М.* Кончина, похороны и траурные дни М.Э. Расулзаде // «Гуртулуш». 1992. № 1. С. 38 (на азерб. яз.)

был незаурядной личностью, равной которому за свою жизнь я не встретил на Востоке. Мамед Эмин бей был предельно самоотверженным и отчаянным, кристально чистым и правдивым, поистине образцовым человеком в полном смысле этого слова, обладавшим сильной и здоровой логикой и до конца оставшимся преданным своей борьбе и идеалам. Таковых невозможно встретить в наше время, тем более в наших краях...»¹⁴³

В связи с кончиной М.Э. Расулзаде в Турцию поступали многочисленные телеграммы-соболезнования с различных концов света от людей разных национальностей и вероисповедания, политических и идеологических взглядов. Хранил полное молчание только его родной Азербайджан, борьбе за свободу и независимость которого он посвятил всю свою сознательную жизнь. Как справедливо отмечал А. Таймас, выступая на похоронах М.Э. Расулзаде, «ради этой борьбы он пожертвовал всем – своей семьей, спокойствием, здоровьем и, наконец, жизнью»¹⁴⁴. «Благодарностью» же за все эти жертвы стало полное безмолвие. Но, видимо, такова судьба всех без исключения немногих представителей азербайджанских тюрок, которые посвятили свою жизнь борьбе за счастье и благополучие собственного народа. Это исторический факт, который нельзя ни отрицать, ни исправить задним числом, ни тем более списать на особенности того времени, как это сейчас пытаются делать некоторые.

Тем не менее, если когда-нибудь азербайджанские тюрки как нация предстанут перед судом Всевышнего за беспечность, безразличие, беспринципность, корыстолюбие и чрезмерный конформизм, то, думается, что для их оправдания будет достаточно имени Мамед Эмина Расулзаде, который своей жизнью и деятельностью искупил все перечисленные и не перечисленные грехи родного народа.

¹⁴³ *Расулзаде М.Э.* Сиявуш нашего времени. Современная азербайджанская литература. Современная азербайджанская история. Баку, 1991. С. 14–15 (на азерб. яз.).

¹⁴⁴ *Ягублу Н.* Мамед Эмин Расулзаде. С. 264.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*В тот день, когда умру, вы не заламывайте руки,
Не плачьте, не твердите о разлуке!
То не разлуки, а свиданья день.
Светило закатилось, но взойдет.
Зерно упало в землю – прорастет!*
Джалаледдин Руми

В стихотворении «Закат солнца», написанном в связи со смертью М.Э. Расулзаде азербайджанским эмигрантским поэтом Керимом Яйджылы в холодные зимние дни 1955 года, имеются следующие строки:

Храни в груди, Анкара, отчизны украшение мое,
Придет день, и она попросит обратно достояние свое.

С сожалением приходится констатировать, что этот день до сих пор не наступил, и вообще, неизвестно, наступит ли он когда-нибудь. Самое грустное в этой истории заключается в том, что на территории Азербайджанской Республики, которая по праву считается преемником независимого Азербайджанского государства 1918–1920 годов, нет могилы ни одного (?) из основателей и руководителей АДР. Прах М.Э. Расулзаде, А.М. Топчибашева, Ф. Хойского, Н. Усуббекова, Г. Агаева и других незаурядных представителей политической элиты Азербайджана начала XX столетия, сделавших все возможное и даже больше возможного для воплощения в жизнь идеалов свободы и независимости Азербайджана, в лучшем случае покоится далеко за пределами их родины. А могилы многих из них вообще отсутствуют, поскольку они погибли от рук большевистских палачей в казематах ЧК.

Заключение

Трудно сказать, чего больше в этом факте – иронии судьбы или ее заслуженного возмездия, обусловленного равнодушным отношением азербайджанского народа к собственной истории. Как бы то ни было, судьба лидеров АДР заставляет вспоминать крылатое латинское изречение – *Ingrata patria, ne ossa quidem mea habebis* (Неблагодарная отчизна, ты не получишь даже моих костей), которое обязано своим возникновением римскому полководцу Публию Корнелию Сципиону. Сыграв ключевую роль в победе Рима над Карфагеном во II Пунической войне, Сципион затем был безосновательно обвинен в сговоре с врагами со стороны своих недоброжелателей, желавших подорвать его возрастающую популярность. Не вытерпев подобной несправедливости, гордый Сципион решил уединиться в своей усадьбе в Литерне, где вскоре и умер. По преданию, «не желая себе похорон в неблагодарном отечестве», он велел там же похоронить его. Спустя более чем два тысячелетия примерно подобная же участь постигла всех без исключения руководителей АДР.

Впрочем, не хотелось бы работу о такой светлой личности, как М.Э. Расулзаде, завершать на столь минорной ноте. Ведь, несмотря на все превратности судьбы, главная цель жизни М.Э. Расулзаде и его соратников, ради которой они страдали и боролись, познавая в этой беспощадной битве и радость побед, и горечь поражений, все же осуществилась. Подтверждением тому является независимая Азербайджанская Республика на современной политической карте мира. И вряд ли даже самому выдающемуся скульптору удастся когда-нибудь и где-нибудь воздвигнуть более грандиозный памятник лидерам АДР, чем независимое Азербайджанское государство и его трехцветное знамя, поднятое в свое время создателем современной национальной государственности азербайджанских тюрков – МАМЕД ЭМИНОМ РАСУЛЗАДЕ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Агаев (Агаоглу) Ахмед бек – 10, 18, 19, 25, 28, 30, 116, 117, 118, 144, 147, 148.
Агаев Гасан бек – 7, 72, 104, 116, 213, 278.
Азертекин Али бек – 249.
Акбер Исмаил – 266, 268.
Акчура (Акчурин) Юсуф – 20, 24, 27.
Амирасланов Нури – 148.
Амирджан Фуад – 243, 245, 246, 249, 252, 256, 268.
Андерсон Бенедикт – 8.
Атамалибеков Аббас бек – 256.
Ататюрк Мустафа Кемаль – 198, 206, 252.
Афгани Джамаледдин – 26, 34.
Ахмед Джавад – 262.
Ахундов Джафар – 105.
Ахундов Мирза Магомед – 72.
Ахундов Рухулла – 228.

Б

Багиров Мир Джафар – 228.
Байрамов Али – 170.
Баммат (Бамматов) Гейдар – 249, 250, 251, 252.
Бартольд В.В. – 218.

Бичерахов Лазарь – 145, 146.
Буниатзаде Дадаш – 208, 228.

В

Вальдбург
Уайт Вильям – 133.
Везиров Мир Гасан – 70.
Векилов Мустафа бек – 72.
Векилов Рагим бек – 112, 177.
Вильсон Вудро – 161.
Вильямс С. – 263.
Воронцов-Дашков И.И. – 45.

Г

Габашвили Р. – 270, 271.
Гавличек Карел – 126.
Гаджибеков Джейхун – 266.
Гаджибеков Узеир – 16.
Гаджинский Джамо бек – 107.
Гаджинский Мамед Гасан – 69, 70, 72, 107, 109, 116, 134, 139.
Гайтабаши Гамид бек – 212.
Ганизаде Султан Меджид – 104, 166, 186.
Гаспринский (Гаспралы) Исмаил – 19, 27.
Гвазава Георгий – 104, 233.
Гейдар хан Амиоглу – 217.

- Геллнер Эрнест – 8, 9.
Гёкальп Зия – 20, 27.
Губогло Михаил Николаевич – 78.
Гулиев Бала – 148.
Гусейн Джавид – 262.
Гусейн-заде Али бек – 10, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38.
Гусейнов Мирза Давуд – 208, 209, 228.
Гусейнов Эльмар – 6
- Д**
- Джафар Джаббарлы – 211, 262.
Деникин Антон Иванович – 65, 179, 181, 182, 193, 194.
Джабиев Габиб – 170.
Джалаледдин Руми – 278.
Джафароглу Ахмед – 248.
Джафаров Мамед Юсиф – 89, 107.
Джыгатай Тахир – 276.
Дон-Левин Исаак – 263, 266.
Досмухамедов Джаганша – 61.
- Ж**
- Жордания Ной Николаевич – 233, 241, 242, 251, 253.
- З**
- Зардаби Гасан бек – 14, 18.
- Зейналов Г. – 248.
Зиядхан (Зиядханов) Адиль хан – 142.
- И**
- Ильдырым Чингиз – 203.
Ипёню Исмет – 252.
Исрафилов М. – 248.
Исхаки Аяз – 233.
- К**
- Кадишев Арнольд Борисович – 110.
Казымзаде Аббасгулу – 30.
Кантемир Али хан – 251, 252.
Капланов Рашид хан – 176.
Карабекир Кязим – 198.
Карабеков Кара бек – 174.
Караджа Ахмед – 249.
Караев Алигейдар – 170, 197, 208, 228.
Карими (Каримов) Фатих – 27.
Келли Роберт – 263.
Кенгерли Магомед – 259, 269.
Керенский Александр – 60, 235, 264, 270, 271.
Керк Алан – 264.
Коджаман Омер – 198, 199.
Кончаловский Дмитрий – 47.
Кочарли Фиридун бек – 35.
Кулиев Мустафа – 228.

Л

Левандовский Михаил – 208.
Ленин Владимир Ильич – 194,
198, 205.
Литвинов Максим Максимович –
236.

М

Магеррамов Мамед – 120.
Магома Ахмеднаби – 270, 271.
Максуди Садри – 63, 276.
Мамедзаде Мирза Бала – 44, 191,
211, 225, 248, 272.
Мамедкулизаде Джалил – 35.
Мандельштам Андрей Николае-
вич – 19, 27.
Марр Николай Яковлевич – 218.
Мелик-Асланов Худадат бек – 107.
Мельгунов Сергей – 264, 271.
Мехтиев Мир Ягуб – 233.
Микоян Анастас – 208.
Мильн Джордж – 154.
Мирза Сулейман – 24.
Молотов Вячеслав Михайлович –
260.
Мусабеков Газанфар – 208.
Мустафаев Гасан – 148.
Мюнши Хилал – 248.
Мюхлен Патрик – 234.

Н

Навваб Гусейнгулу хан – 24.

Нагиев Таги – 30.
Нариманов Нариман – 66, 203,
208, 210, 212, 216, 217.
Низами Гянджеви – 11, 262.
Нури-паша – 111, 113, 114, 116,
117, 118, 119, 120, 121, 128, 129,
130, 136.

О

Орджоникидзе Георгий Констан-
тинович – 195, 205, 208, 228.

П

Палацкий Франтишек – 126.
Панкратов В. – 208, 213.
Пилсудский Юзеф – 232.
Пишевари Сеид Джафар – 138.

Р

Раевский А. – 154.
Расулзаде Гаджи Алекпер – 12.
Расулзаде Мамед Али – 30.
Расулзаде Мамед Эммин – 7, 10,
11, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 22, 23,
24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32,
35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43,
44, 45, 47, 49, 50, 51, 52, 57, 58,
59, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 68,
69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77,
78, 79, 80, 82, 84, 85, 86, 87, 89,

- 90, 91, 92, 93, 95, 96, 99, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 111, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 197, 200, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279.
- Ратгаузер Яков Абрамович – 95.
Рафиев Муса бек – 72, 144.
Рза Сеид Мухаммед – 24.
Розенберг Альфред – 254.
Рустамбеков Шафи бек – 72, 203.
Рюштю Тевфик – 236.
- С**
- Садыхов Алекпер бек – 141.
Саид Ахмед Джафар – 233.
Саид Шамиль – 251, 276.
Салимов Габиб бек – 212.
Сафикюрдский Аслан бек – 130.
Сеидов Мир Гидаят – 104.
Семенов Юлий Федорович – 97.
Сикорский Владислав – 254.
Смаль-Стоцкий Роман – 233.
Смилга Ивар Тенисович – 195.
Смит Энтони – 8, 10.
Сталин Иосиф Виссорионович – 97, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 256, 258, 272, 274, 275.
Столыпин Петр – 47.
Султан-Галиев Мирсаид – 216.
Султанов Ага – 237.
Султанов Хосров бек – 107, 185.
Сулькевич Мамед бек (Мацей) – 212.
Сунжев Магомед Гирей – 241, 242.
- Т**
- Тагиев Гаджи Зейналабдин – 93.
Тагиев Мамед – 93.
Тагизаде Сеид Гасан – 24, 138, 267, 276.
Таймас Абдулла – 66, 276, 277.
Тальшханова С. – 52.
Танрысевер Хамдуллах Субхи – 257.
Тлехас Мурад Гирей – 212.
Тоган Зеки Валиди – 276.
Томсон Вильям – 144, 145, 154.

Топчибашев Алимардан бек – 6,
70, 84, 87, 223, 224, 241, 242,
278.
Туманов Л. – 100, 101.

У

Уммурль-бану – 220, 221.
Усуббеков Насиб бек – 7, 30, 68,
70, 71, 72, 87, 89, 107, 115, 121,
144, 171, 180, 184, 201, 278.

Ф

Фаталибейли-Дудангинский Аб-
дуррахман бек – 256, 257, 266,
267, 268.

Х

Халил-паша – 199, 200, 201, 205.
Хасмамедов Халил бек – 107, 130,
243, 246, 249, 250, 252, 255, 257.
Хойский Фатали хан – 7, 84, 87,
107, 115, 116, 121, 122, 139, 140,
143, 153, 154, 189, 194, 202, 213,
278.
Хондкарян А. – 234, 235.
Хрох Мирослав – 50.
Хуршилов М. – 233.

Ц

Цаликов Ахмед – 54, 55, 56, 57, 58,
61, 63, 64, 65.

Ч

Чакмак Февзи – 198.
Чемберлен Вильям Генри – 264.
Черчилль Уинстон – 260.
Чичерин Георгий Васильевич –
193, 194, 229.
Чокаев (Чокай) Мустафа – 233.
Чулик (Чуликов) Ибрагим – 241,
242.
Чхенкели Акакий Иванович –
241, 242

Ш

Шакманов Таусултан – 233, 241,
242.
Шательворт Д. – 185.
Шаумян Степан Георгиевич – 92,
94, 97, 110.
Шацель Тадеуш – 232.
Шейхзаманлы (Кейкурун) Наги –
243, 245, 246, 249, 251, 252, 268.
Шейхульисламов Акбер ага – 107,
120, 266.
Шихлинский Рустам бек – 212.
Шульгин Александр – 233.

Указатель имен

Э

Элиот Вильям – 264.
Энвер-паша – 114, 131, 136, 138,
215, 216.
Эфендизаде Шафига ханум – 52.

Ю

Юсифзаде Муса – 275.

Я

Ядигар Вели – 275.
Яйджылы Керим – 278.

Научное издание

Айдын БАЛАЕВ

Мамед Эмин Расулзаде
(1884–1955)

Подписано в печать 10.03.2009. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 1000 экз. Заказ . Изд. № 1905.

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru